

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Ivanovo State Power Engineering University

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOLOV'EVSKIE ISSLEDOVANIYA

SOLOVYOV STUDIES

2026

Выпуск 2(90)

2026

Issue 2(90)

Редакционная коллегия:

М.В. Максимов (гл. редактор), д-р филос. наук, г. Иваново, Россия
И.И. Евлампиев (зам. гл. редактора), д-р филос. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
И.А. Едошина (зам. гл. редактора), д-р культурологии, г. Кострома, Россия
С.Д. Титаренко (зам. гл. редактора), д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Л.М. Максимова (отв. секретарь редколлегии), канд. филос. наук, г. Иваново, Россия
К.Ю. Бурмистров, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
А.Г. Гачева, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
Н.Ю. Грякалова, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
К.В. Зенкин, д-р искусствоведения, г. Москва, Россия
М.В. Медоваров, канд. ист. наук, г. Нижний Новгород, Россия
Б.В. Межуев, канд. филос. наук, г. Москва, Россия
В.И. Моисеев, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
В.В. Сербиненко, д-р филос. наук, г. Москва, Россия
Е.А. Тахо-Годи, д-р филол. наук, г. Москва, Россия
О.Л. Фетисенко, д-р филол. наук, г. Санкт-Петербург, Россия
Д.Л. Шукуров, д-р филол. наук, г. Иваново, Россия
Н.Г. Юрина, д-р филол. наук, г. Саранск, Россия

Международная редакционная коллегия:

Р. Гольдт, д-р филол. наук, г. Майнц, Германия
Н.И. Димитрова, д-р филос. наук, г. София, Болгария
П. Дэвидсон, д-р философии, г. Лондон, Великобритания
Э. Ван дер Зверде, д-р философии, г. Неймеген, Нидерланды
Я. Красицки, д-р филос. наук, г. Вроцлав, Польша
Б. Маршаде, д-р славяноведения, г. Париж, Франция
Т. Немет, д-р филос. наук, г. Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
А. Оппо, д-р филос. наук, г. Кальяри, Италия

Адрес редакции:

153003, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва
(Соловьёвский семинар)
Тел. (4932), 26-97-70, 26-97-75; факс (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим группам специальностей: 5.7.1 – онтология и теория познания; 5.7.2 – история философии; 5.7.3 – эстетика; 5.7.4 – этика; 5.7.7 – социальная и политическая философия; 5.7.8 – философская антропология, философия культуры; 5.7.9 – философия религии и религиоведение; 5.9.1 – русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 – литературы народов мира; 5.9.3 – теория литературы; 5.10.1 – теория и история культуры, искусства

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему РИНЦ согласно договору № 580-12/2012 ЛО от 13 декабря 2012 г. с ООО «Научная электронная библиотека». Журнал зарегистрирован в базе данных Ulrich's periodicals directory (США). Журнал индексируется в Scopus с 20 января 2022 г., включен в «Белый список» научных изданий Минобрнауки РФ.

© М.В. Максимов, составление, 2026

© Авторы статей, 2026

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Авдейчик Л.Л. Образ Владимира Соловьева в литературе русского зарубежья: специфика рецепции	6
--	---

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА

(материалы Всероссийской научной конференции «От полёта мысли
к полёту в космос». К 65-летию первого полета человека в космос)

Максимов М.В. Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас	23
Гачева А.Г. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и русский космизм: оправдание человека как завет будущему	27
Куракина О.Д., Афонина Е.В. От полета мысли русских космистов к становлению Космического антропоса	41
Шушаков Е.С. Проективная рассимволизация как осмысление религии в философии космизма	56
Барановский Д.В. «Рев племени» В.Н. Муравьева как историософия общего дела	68
Звонова Е.Е., Григорьева Е.С. Интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах	82
Лабутина О.В. От Homo Empathicus к Homo Resuscitans: антропологический вектор русского космизма	98
«Наследие Н.Ф. Федорова и философия русского космизма»: список статей, опубликованных в журнале «Соловьёвские исследования» / сост. Л.М. Максимова	109

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Фетисенко О.Л. Два неизвестных автографа К.Н. Леонтьева из архива Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон	112
Илизаров С.С., Куприянов В.А. Забытый труд Н.О. Лосского «Психология в России»	129
Лосский Н. Психология в России. Часть I / публ. С.С. Илизарова, В.А. Куприянова	151
Медоваров М.В. Нижегородский этап в философском развитии А.Ф. Лосева	180
О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	194
О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	196

Editorial Board:

- M.V. Maksimov* (Chief Editor), Doctor of Philosophy, Ivanovo, Russia
I.I. Evlampiev (Deputy Chief Editor), Doctor of Philosophy, St. Petersburg, Russia,
I.A. Edoshina (Deputy Chief Editor), Doctor of Cultural Studies, Kostroma, Russia
S.D. Titarenko (Deputy Chief Editor), Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
L.M. Maksimova (responsible secretary), Candidate of Philosophy, Ivanovo, Russia,
K.Yu. Burmistrov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
A.G. Gacheva, Doctor of Philology, Moscow, Russia,
N.Yu. Gryakalova, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
K.V. Zenkin, Doctor of Art History, Moscow, Russia,
M.V. Medovarov, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod, Russia,
B.V. Mezhuov, Candidate of Philosophy, Moscow, Russia,
V.I. Moiseev, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
V.V. Serbinenko, Doctor of Philosophy, Moscow, Russia,
E.A. Takho-Godi, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
O.L. Fetisenko, Doctor of Philology, St. Petersburg, Russia,
D.L. Shukurov, Doctor of Philology, Ivanovo, Russia,
N.G. Yurina, Doctor of Philology, Saransk, Russia,

International Editorial Board:

- R. Goldt*, Doctor of Philology, Mainz, Germany,
N.I. Dimitrova, Doctor of Philosophy, Sofia, Bulgaria,
P. Davidson, Doctor of Philosophy, London, United Kingdom
E. van der Zweerde, Doctor of Philosophy, Nijmegen, Netherlands,
Ya. Krasicki, Doctor of Philosophy, Wroclaw, Poland,
B. Marchadier, Doctor of slavonic studies, Paris, France,
T. Nemeth, Doctor of Philosophy, New York, United States of America
A. Oppo, Doctor of Philosophy, Cagliari, Italy

Address:

Interregional Research and Educational Center for Heritage Studies V.S. Solovyov – Solovyov Workshop
Ivanovo State Power Engineering University
34, Rabfakovskaya st., Ivanovo, Russian Federation, 153003
Tel. (4932), 26-97-70, 26-97-75; Fax (4932) 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
<http://solovyov-studies.ispu.ru>

The Journal is included in the List of Leading Reviewed Scientific Journals and Publications, which are approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publishing the main scientific results of the dissertations on the candidate and doctoral degrees for the following groups of specialties: 5.7.1 – ontology and epistemology; 5.7.2 – history of philosophy; 5.7.3 – aesthetics; 5.7.4 – ethics; 5.7.7 – social and political philosophy; 5.7.8 – philosophical anthropology, philosophy of culture; 5.7.9 – philosophy of religion and religious studies; 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation; 5.9.2 – literature of the peoples of the world; 5.9.3 – theory of literature; 5.10.1 – theory and history of culture, art.

Information about published articles is sent to the Russian Science Citation Index by agreement with “Scientific Electronic Library” Ltd. No. № 580-12/2012 LO of 13.12.2012. The journal is included into the database of periodicals “Ulrich’s periodicals directory” (USA). The journal is indexed in Scopus since January 20, 2022, included in the “White List” of scientific publications of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

CONTENT

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

Avdeichik L.L. The Image of Vladimir Solovyov in the Literature of the Russian Diaspora: the Specificity of Reception	6
--	---

PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM

(proceedings of the All-Russian Scientific Conference
“From the Flight of Thought to the Flight into Space”.

On the 65th Anniversary of the First Human Flight into Space)

Maksimov M.V. The starry heavens above me and the moral law within me...	23
Gacheva A.G. N.F. Fedorov's “Philosophy of the Common Cause” and Russian Cosmism: Justifying Man as a Testament to the Future	27
Kurakina O.D., Afonina E.V. From the flight of thought of Russian cosmists to the formation Cosmic anthropos	41
Shushakov E.S. Projective Desymbolization as an Interpretation of Religion in the Philosophy of Cosmism	56
Baranovskiy D.V. “The Roar of the Tribe” (“Rev plemen”) by V.N. Muravyov as a Historiosophy of the Common Cause	68
Zvonova E.E., Grigoreva E.S. Interpretations of the idea of space exploration in Soviet films	82
Labutina O.V. From Homo Empathicus to Homo Resuscitans: Anthropological Vector of Russian Cosmism	98
“The Legacy of N.F. Fedorov and the Philosophy of Russian Cosmism”: A List of Articles Published in the Journal “Solovyov Studies” / <i>compiled by L.M. Maksimova</i>	109

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Fetisenko O.L. Two Unknown Autographs by K.N. Leontiev from the Archives of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos	112
Ilizarov S.S., Kupriyanov V.A. The Forgotten Work by N.O. Lossky “Psychology in Russia”	129
Lossky N. Psychology in Russia. Part I / <i>published by S.S. Ilizarov, V.A. Kupriyanov</i>	151
Medovarov M.V. The Nizhny Novgorod Stage in the Philosophical Development of Alexey Losev	180
ON “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL	194
ON SUBSCRIPTION TO “SOLOVYOV STUDIES” JOURNAL.....	196
INFORMATION FOR AUTHORS.....	196

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 821.161.1(1-87)09

ББК 83.3(2-008.6)

Людмила Леонидовна Авдейчик

Белорусский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы, Беларусь, Минск, e-mail: milar25@gmail.com

Образ Владимира Соловьёва в литературе русского зарубежья: специфика рецепции

Аннотация. Рассматривается специфика рецепции образа В.С. Соловьёва в литературе русского зарубежья первой волны эмиграции. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью соловьевского влияния на литературный процесс XX века, особенно в эмигрантской среде, а также необходимостью осмысления феномена сохранения культурной памяти о деятелях Серебряного века за пределами России. Целью исследования является выявление особенностей функционирования образа философа в мемуарно-биографической прозе, публицистике и поэзии писателей-эмигрантов А.А. Салтыкова, А.М. Ремизова, И.В. Одоевцевой, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцева, Вяч.И. Иванова. В основе методологии исследования лежит историко-литературный и сравнительно-типологический анализ, позволяющий проследить эволюцию авторских рецептивных стратегий. Установлено, что, в отличие от мифологизирующей и сакрализующей тенденций, характерных для поэтов-младосимволистов, в эмигрантской литературе преобладает мемуарно-документальное начало, интерес к «живой» личности философа. Выявлены жанровые приоритеты в творчестве писателей-эмигрантов (мемуары, эссе, юбилейные статьи), а также способы конструирования образа, который приобретает в их произведениях поливариантный характер: от реалистически достоверного (А. Салтыков, Б. Зайцев) до мифологизированного в модернистской стилистике (А. Ремизов, Вяч. Иванов). Делается вывод, что рецепция наследия Соловьёва в творчестве писателей русского зарубежья была подчинена общей задаче сохранения культурной преемственности и противостояния забвению, что обеспечило дальнейшую жизнь соловьевского дискурса в XX веке.

Ключевые слова: рецепция образа В.С. Соловьёва в литературе русского зарубежья, традиции Серебряного века, ремифологизация образа, феномен культурной памяти в литературе

Liudmila Leonidovna Avdeichik

Belarusian State University, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Belarus, Minsk, e-mail: milar25@gmail.com

The Image of Vladimir Solovyov in the Literature of the Russian Diaspora: the Specificity of Reception

Abstract. The article examines the specificity of reception of V.S. Solovyov's image in the literature of the Russian diaspora during the first wave of emigration. The relevance of this study stems from the insufficient knowledge of Solovyov's influence on 20th-century literary development, particularly within the emigrant community, as well as the need to understand the phenomenon of preserving the cultural memory of Silver Age figures outside of Russia. The aim of this study is to identify the specific features of the philosopher's image in the memoir and biographical prose, journalism, and poetry of emigrant writers such as A.A. Saltykov, A.M. Remizov, I.V. Odoevtseva, Z.N. Gippius, B.K. Zaitsev, and Vyach.I. Ivanov. The methodology is based on historical-literary and comparative typological analysis, allowing us to trace the evolution of the authors' receptive strategies. It has been established that, in contrast to the mythologizing and sacralizing tendencies characteristic of the Young Symbolist poets, emigrant literature is dominated by a memoir-documentary approach and an interest in the "living" personality of the philosopher. Genre priorities (memoirs, essays, commemorative articles) are identified, as well as methods of constructing the image, which acquires a polyvariant character in their works – from realistically authentic (A. Saltykov, B. Zaitsev) to mythologized in a modernist style (A. Remizov, Vyach. Ivanov). It is concluded that the reception of Solovyov's legacy in the Russian emigration was subordinated to the general task of preserving cultural continuity and resisting oblivion, which ensured the continued life of Solovyov's discourse in the 20th century.

Key words: reception of V.S. Solovyov's image in the literature of the Russian diaspora, traditions of the Silver Age, remythologization of the image, phenomenon of cultural memory in literature

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.006-022

Введение

Небывалый подъем интереса к личности Владимира Сергеевича Соловьёва (1853–1900) и его наследию проявился в первое десятилетие после его смерти, когда образ поэта-философа стал своеобразным символом эпохи Серебряного века, духовным ориентиром и вдохновителем целого поколения. «Влад. Соловьёв умер. Но обаяние его остается неизбынным», – одним из первых отметил критик-литературовед В.Н. Княжнин [1, с. 44], фиксируя феномен развития такого идейного и культурного явления, как соловьёвство в русской культуре начала XX века. Особое влияние философ оказал на творчество поэтов-младосимволистов, так называемых «соловьёвцев», – А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, что многосторонне изучалось как русскими, так и зарубежными исследователями¹. Культ Соловьёва, бытовавший в поэтических кругах, способствовал формированию значительного

¹ См.: Авдейчик Л.Л. Образ Владимира Соловьёва в русской литературе XX–XXI веков // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 39–51 [2]; Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с. [3];

корпуса мемуарных свидетельств и поэтических произведений, в которых запечатлен его образ. Один из примеров – стихотворение Вяч. Иванова из цикла «Александру Блоку»² (1912 г.), в котором акцентируется значимость духовной преемственности идей философа и проводится параллель между крестителем Руси святым равноапостольным князем Владимиром и Владимиром Соловьёвым³:

Затем, что оба Соловьёвым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обрученьем новым
С Единою обручены [6, с. 10].

Образ Соловьёва и его учение стали ценностно значимыми и явились импульсом для создания литературных произведений: кроме Иванова, Соловьёву посвящали свои стихотворения такие писатели, как П. Флоренский «На смерть В. Соловьёва» (1900 г.)⁴, А. Блок «Через песчаные пустыни...» (1901 г.)⁵, К. Бальмонт «Воздушная дорога» (1903 г.)⁶, А. Белый «Владимир Соловьёв» (1903 г.)⁷ и «Владимиру Соловьёву» (1931 г.)⁸. Сочинениями Соловьёва зачитывались герои романа Б. Зайцева «Дальний край» (1913 г.)⁹. Воспоминания о Соловьёве в русле увлечения его идеями находим как у современников, так и у последователей мыслителя, в числе которых был племянник философа С.М. Соловьёв¹⁰, сотоварищ по гимназии Н.И. Кареев, друзья и знакомые – братья Е.Н. и С.Н. Трубецкие, В.Л. Величко, А.Ф. Кони, А.В. Амфитеатров, Н.М. Лопатин, В.В. Розанов,

Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 500 c. [4]; Knigge A. Die Lirik Vl. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok. Amsterdam, 1973. 214 s. [5].

² См.: Иванов В. Александру Блоку // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 10 [6].

³ См. об этом подробнее: Авдейчик Л.Л. Сакрализация образа Владимира Соловьёва в творчестве поэтов-младосимволистов [Электронный ресурс] // Диалог эпох в литературе: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л.Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 5–20. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Дата обращения: 23.03.2026) [7].

⁴ См.: Флоренский П. На смерть В. Соловьёва // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 126 [8].

⁵ См.: Блок А. Через песчаные пустыни // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Стихотворения 1897–1904 годов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 472 [9].

⁶ См.: Бальмонт К.Д. Воздушная дорога // Бальмонт К.Д. Полн. собр. стихов: в 10 т. Т. 4. Изд. 3-е. М.: Изд. «Скорпион», 1913. С. 118 [10].

⁷ См.: Белый А. Владимир Соловьёв // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 585 [11].

⁸ См.: Белый А. Владимиру Соловьёву // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 1078–1079 [12].

⁹ См.: Зайцев Б. Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 369–580 [13].

¹⁰ См.: Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 421 с. [14].

М.С. Безобразова, Е.М. Ельцова, И.И. Янжул, Н.А. Макшеева, В.Д. Кузьмин-Караваев, Э.-М. Вогюэ, свящ. Н. Колосов, П.Г. Черкасов, Д.Н. Цертелев, Ф. Гец, граф П. Шереметев, арх. Николай Японский (Касаткин) и др.¹¹

Начиная с 1910-х годов, интерес к Соловьеву постепенно пошел на спад, до конца, правда, не угасая, пока большевистский переворот 1917 г. не остановил свободное развитие культуры, подчинив ее ангажированной идеологии, в которой религиозной философии и мистической поэзии места не оставалось. В советской культуре 1920–1930-х гг. творчество Соловьева в ряду многих других было предано забвению на долгие десятилетия, но сама традиция почитания философа и развития его идей не угасала: в скрытой форме она сохранялась в отдельных произведениях запрещенных авторов советской литературы (наиболее яркий пример – мистическое творчество Д. Андреева), а в явном своем выражении была продолжена русскими писателями-эмигрантами.

Реалистическая реконструкция образа в воспоминаниях А.А. Салтыкова

Интересен, хотя пока малоисследован, феномен рецепции образа Соловьева и его идей в литературе русского зарубежья в произведениях как художественного, так и мемуарного характера, анализ которых способствует выявлению специфики формирования образа Соловьева.

Хронологически одними из первых в эмиграции стали известны воспоминания поэта-младосимволиста А.А. Салтыкова (1872–1940) «Белые колокольчики»¹², опубликованные в 1934 году в Париже в издании «Встречи». Он подчеркивает, что был лично знаком с философом и описывает то неизгладимое впечатление, которое произвел на него Соловьев при первой встрече: «Поражала и его наружность: он и тогда уж напоминал чем-то “ветхозаветного пророка” – в юности. С тех пор мы встречались с Влад. Соловьевым много раз; иногда я видел его часто, по несколько раз в неделю; иногда – с перерывом на годы. И так почти до самой его смерти. Но первое впечатление осталось незабвенным» [17, с. 499].

Уделяя особое внимание встречам с Соловьевым в имении Пустынька, находившемся близ Петербурга и принадлежавшем А.К. Толстому и его жене, Салтыков воссоздает психологически достоверный портрет философа, не обходя вниманием и историко-литературные факты, в частности особый интерес к Соловьеву в литературе конца XIX века. Например, он приводит историю о том, как один молодой комедиограф «поместил в списке действующих лиц с их характеристиками и Соловь-

¹¹ См.: Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. 896 с. [15]; Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 2 / сост. и примеч. В.Ф. Бойкова, сост., послесл. и примеч. Ю.Ю. Булычева. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с. [16].

¹² См.: Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьеве // Вл.С. Соловьев: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 499–503 [17].

ева (под вымышленной, конечно, фамилией)», при этом «характеристику дал грубую, но злую и остроумную»¹³. Салтыковым показана реакция самого Соловьева на подобное, в некоторой степени оскорбительное к нему отношение: «Он был, кажется, обижен. Однако, встретив автора, сказал добродушно:

– Знаете, смеяться над кем угодно – право каждого. И я осмеивал своих друзей. Но делать это надо при одном условии: им первым показывать шутку. Так я всегда поступал. О вашем же пасквиле я узнал со стороны: нехорошо!» [17, с. 502].

В данном эпизоде прослеживается желание мемуариста подчеркнуть сильные стороны личности поэта-философа: хотя тот был «кажется, обижен», при встрече со своим обидчиком он сумел сохранить «добродушное» отношение к молодому автору, что характеризует Соловьева как человека неконфликтного, великодушного и при этом живо реагирующего на происходящее.

Салтыков приводит в пример еще один литературный факт, указывающий на повышенный интерес современников к Соловьеву: он вспоминает юмористический рассказ писателя и актера Ивана Федоровича Горбунова о том, как на железнодорожной станции Любань два молодых человека, увидев Соловьева, обедающего в буфете, наивно отреагировали, воскликнув: «Это Соловьев. Философ – а тоже ест!» [17, с. 502]. Интересно, что ранее тот же эпизод упоминает и гр. П. Шереметев в статье «Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова» (1901 г.)¹⁴, отмечая заодно добродушную реакцию самого Соловьева на этот рассказ, свидетелем которой стал: «Не могу не вспомнить здесь, как сочувственно отзывался Соловьев о таланте Горбунова и как смеялся своим высоким звонким смехом, который и по сей час стоит в ушах, даже при моих слабых попытках читать вслух рассказы Горбунова» [18, с. 102]. Через непосредственную реакцию Соловьева на литературный анекдот, героем которого он стал, проявляется его жизнелюбие, соединенное с духовным оптимизмом, включенность в реальность, несмотря на интенсивную умственную деятельность, что придает правдивость и индивидуальность образу философа в воспоминаниях очевидцев. Эти наблюдения позволяют Салтыкову сделать следующие выводы о характере и личности Соловьева: «Он любил жизнь; он был религиозным исповедником жизни; и даже мелочами ее интересовался, будучи меньше всего “ходячей абстракцией”. ... В ней, в живой личности, и заключается главная сила Соловьева. Он не вмещается в свои книги, как они не глубоки» [17, с. 502–503].

Воспринятый в атмосфере теплого дружеского расположения, образ Соловьева в мемуарах Салтыкова видится реалистичным, живым и правдоподобным, без явных признаков мифологизации (сакрализации или, напротив, демонизации), к чему до этого в большой степени тяготели в своих воспоминаниях литературные деятели Серебряного века.

¹³ См.: Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьеве. С. 502.

¹⁴ Шереметев П. Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 102–103 [18].

Мифологизация образа В.С. Соловьева в творчестве А.М. Ремизова

Совсем иного плана реконструированный и отчасти ремифологизированный образ юного Соловьева создается в литературно-биографическом эссе А.М. Ремизова «Философская натура. Владимир Соловьев – жених»¹⁵, впервые опубликованном в русском эмигрантском журнале «Современные записки» в Париже в 1938 году. Сложно однозначно определить причины обращения мастера орнаментальной прозы к созданию образа Соловьева, тем более раннего периода творчества, однако можно предположить, что отчасти это было связано с запросом редакции журнала и приурочено к 85-летию со дня рождения философа.

Ремизов нестандартно подходит к конструированию образа Соловьева: уже в названии он определяет основной ход своих рассуждений – «Соловьев-жених», с легкой модернистской иронией упоминая о несложившейся семейной жизни философа, о чем было хорошо известно всем, хоть немного знавшим его биографию, и одновременно – о психологических странностях его загадочной натуры. Ненавязчивая интертекстуальная отсылка в заглавии к статье А. Блока о Соловьеве «Рыцарь-монах» (1910 г.)¹⁶ ставит эссе в ряд ему подобных биографических литературных опытов и показывает ироничное отношение Ремизова к предмету своих размышлений: не рыцарь-монах, а жених, который так и не женился.

В модернистском ключе написано и само эссе: в нем формируется широкое цитатное поле из текстов самого Соловьева и полностью приводятся его стихотворение «Что роком суждено, того не отражу я» (1875 г.), а также около десяти отрывков из его переписки с возлюбленной юности Екатериной Селевиной, которые занимают более половины эссе. Так, используя цитаты из «Жития протопопа Аввакума» и повести Н.В. Гоголя «Вий», отсылки к романам Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Игрок», упоминания М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, А. Белого, А.П. Чехова и других писателей, Ремизов несколькими штрихами рисует портрет своего героя: «“Философская натура” на тонких ногах – Владимир Соловьев, не Рогожин, не Свидригайлов – не Достоевский. В его “недоношенной” натуре белый жаркий свет, не “уголек”. Никакой знойной песни Лермонтова или Некрасова или Блока не может быть в стихах Соловьева, но мысли его семянные, и видения его жарки» [19, с. 198]¹⁷. С одной стороны, у Ремизова нет характерной для других мемуаристов романтической поэтизации внешности Соловьева, напротив, он нарочито акцентирует высокую нескладную фигуру философа одной портретной деталью, с другой – он определяет его индивидуальность через ряд отрицаний, используя апофатический метод. И создается образ непохожего на других, только начинающего свой путь поэта-

¹⁵ Ремизов А.М. Философская натура. Владимир Соловьев – жених // Современные записки. Париж, 1938. № 66. С. 193–204 [19].

¹⁶ Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 446–454 [20].

¹⁷ Цитаты приводятся по первой публикации в соответствии с правилами и нормами современной орфографии и пунктуации.

мыслителя, абсолютно не приспособленного к жизни, упустившего свою первую любовь (девушка увлеклась родным братом Соловьева – Всеволодом), склонного скорее к платонической, нежели земной любви (он постоянно откладывает реальные встречи, но настаивает на постоянной переписке). Ему присущи вдохновенные прозрения и высокие порывы, он честен до наивности, смел и воодушевлен поиском истины. Возможно, эта готовность пожертвовать земным счастьем во имя высоких идеалов и является, по Ремизову, основой личности Соловьева, которая по-своему восхищает: «Он покори́л ее своим белым, самым жарким и пронзительным светом. Но он никакой не кентавр, в его философии ничего от Хо́мы Брута. И если бы он осмелился не в одном “воображении” – судьба его была бы судьбой пса́ря Микиты: куча золы да пустое ведро» [19, с. 199].

Знаменательно и символично, что появляющийся на последних страницах образ возлюбленной философа наделяется Ремизовым чертами Софии – образа, воссозданного в поэзии Соловьева: «На ее голове крылил белый убор сестры милосердия, видит ли он или не видит, как тенью следит она из-под опущенных глаз, – он видел этот непорочный убор: его белый цвет сверкал самым жарким и пронзительным светом» [19, с. 204]. Проходящий через все эссе сквозной мотив белого света (цвета) становится символом Премудрости Божией, Софии, «женихом» которой Соловьев был, по мнению Ремизова, всю жизнь: в мистическом смысле философ только ей одной служил и носителем ее света оставался всю жизнь. Земная любовь была лишь слабым отражением этого небесного сияния.

Рецепция образа Соловьева в творчестве Ремизова интересна и нестандартна: писатель предложил по-новому взглянуть на уже сложившийся образ известного мыслителя, воссоздав его для современников в модернистском ключе.

«Соловьёвский след» в мемуарах И. Одоевцевой

Эпизодически появляется имя Соловьева и в мемуарах Ирины Одоевцевой. В книгах «На берегах Невы» (1967 г.)¹⁸ и «На берегах Сены» (1983 г.)¹⁹, посвященных известным поэтам и писателям Серебряного века, содержатся упоминания имени Соловьева как отдельные штрихи к портрету. Писательская стратегия Ирины Одоевцевой определяется личным опытом общения с представителями русского Серебряного века, а с философом она знакома не была и не относилась к кругу его особых почитателей, однако появление имени Соловьева на страницах ее мемуаров свидетельствует о его значимости.

Так, в книге «На берегах Невы» при воспроизведении беседы с Андреем Белым отмечается увлечение современников идеями философа, особенно идеей Вечной Женственности, переходящей у младосимволистов из области мифо-

¹⁸ Одоевцева И.В. На берегах Невы. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 с. [21].

¹⁹ Одоевцева И.В. На берегах Сены. Paris: La Presse libre, 1983. 528 с. [22].

творчества в жизнетворчество: «Мы тогда втроем, с Блоком и Сережей Соловьевым... Ах, какой он был милый, славный мальчик-гимназист, а мы с Сашей уже студенты. Мы втроем основали Братство Рыцарей Прекрасной Дамы. Любовь Дмитриевна была для нас Женой, Облаченной в Солнце, Софией Премудростью, Прекрасной Дамой. Мы все трое бредили идеями Владимира Соловьева – у ее ног» [21, с. 351]. Что немаловажно, воспоминание о культе Вечной Женственности встречается и в книге «На берегах Сены», но уже в беседе с Иваном Бунным, который признается: «Как остро я любил жизнь и все живое. До страсти. Пастернак назвал свой сборник стихов “Сестра моя жизнь”. Но для меня жизнь была не только сестра, а сестра, и мать, и любовница, и жена – вечная женственность» [22, с. 349]. Примечателен комментарий рассказчицы, которая в этот момент беседы хочет уточнить, что именно вкладывает в это понятие Бунин: «“Вечная женственность” – разве природа? Ведь у Соловьева она София Мудрость»²⁰, но так и не решается прервать собеседника, относясь к нему с особым пиететом. Из данного фрагмента видно, что Бунин выделял понятие Вечно-Женственного начала бытия исходя из своего понимания. Важно и то, что идеи Соловьева продолжали жить в творчестве русских писателей-эмигрантов, однако они подвергались индивидуальному переосмыслению и трансформации.

Дважды упоминается имя Соловьева и в общении Ирины Одоевцевой с Зинаидой Гиппиус и Дмитрием Мережковским, у которых она со своим супругом Георгием Ивановым бывала в гостях по воскресеньям во время своей жизни в Париже. И здесь интересно внимание к отдельным фактам биографии Соловьева, дополнявшим как образ философа, так и психологический портрет того, кто говорил о нем.

Первое такое упоминание о Соловьеве появляется в речи Зинаиды Гиппиус, которая лично знала Владимира Сергеевича и его близких, была дружна с его родной сестрой, о чем свидетельствует ее биографическое эссе «Поликсена Соловьева»²¹. В своих воспоминаниях Гиппиус признается, что по молодости лет она не питала особой симпатии к Соловьеву, замечая скорее странности в его поведении (специфическое чувство юмора, неуместные остроты, «жуткий» смех, перепады настроения и т.д.), что не помешало ей со временем дать высокую оценку его творчеству: «Владимир писал стихи, но мы его знаем не как поэта; все свои разнородные способности он вложил в одно главное дело – этим перешагнул за грань “талантливости”» [23, с. 121].

И все же для Гиппиус как представительницы эпохи модернизма необычные проявления характера русского философа казались не менее значимы, что и стало основой ее высказывания. На предложение поехать летом лечиться на бальнеологические курорты Франции, «в Виттель или Виши»²², она эффектно

²⁰ См.: Одоевцева И.В. На берегах Сены. С. 283.

²¹ Гиппиус З.Н. Поликсена Соловьева / публ. В. Злобина // Возрождение. Париж, 1959, Май. № 89. С. 118–124 [23].

²² См.: Одоевцева И.В. На берегах Сены. С. 397.

возражает: «– Лучше уж, чем минеральную воду, скипидар пить, как Владимир Соловьев. – И тут же пояснила: – Владимир Соловьев пил скипидар, чтобы избавиться от чертей. Он был уверен, что черти не выносят запаха скипидара и не заберутся к нему в рот. – Зинаида Николаевна подняла свой лорнет-монокль к глазам и, полюбовавшись произведенным впечатлением, продолжала: – Но и скипидар не помог. Только смерть его ускорил. А черти преследовали его по-прежнему. Правда, мне, как я ни старалась, не удалось их увидеть, хоть мне и очень хотелось...» [22, с. 397].

В данном фрагменте через упоминания о странностях в поведении философа высвечивается специфическая черта Соловьева – пристрастие к скипидару, который, по версии медиков, спровоцировал болезнь внутренних органов, ставшую причиной преждевременной смерти философа в 46 лет. Зинаида Гиппиус отмечает визионерские способности Соловьева, что прослеживается в отсылке к стихотворению Соловьева DAS EWIG-WEIBLICHE (пер. с нем. «Вечная Женственность»), которое имеет характерный подзаголовок «Слово увещательное к морским чертям» и начинается иронично-мистическими строками:

Черти морские меня полюбили,
Рыщут за мною они по следам:
В Финском поморье недавно ловили,
В Архипелаг я – они уже там! [24, с. 71]

Само стихотворение относится к позднему периоду творчества Соловьева. Оно написано в 1898 году, за два года до смерти философа, и в нарочито шуточной форме свидетельствует о мистических видениях, которые преследовали поэта-философа до конца его жизни.

Конечно, Зинаида Гиппиус не просто так акцентирует в своей речи именно эти странности, связанные с личностью Соловьева, – она хочет показаться оригинальным собеседником и произвести шокирующее впечатление на слушателей, что ей, похоже, удастся, о чем говорит упомянутая наблюдательной Одоевцевой психологическая деталь: Гиппиус «подняла свой лорнет-монокль к глазам и, полюбовавшись произведенным впечатлением»²³, продолжила рассуждать о своем пристрастии к мистицизму и одновременно об отсутствии визионерских способностей. Упоминание конкретных фактов о Соловьеве способствовало как развитию его образа, так и самопрезентации личности Зинаиды Гиппиус.

Похожий прием встречается и у Дмитрия Мережковского: выступая на заседании «Зеленой лампы» с докладом, рассуждая о любви и смерти, для усиления производимого своей речью эффекта он использует одно из известных остроумных высказываний Соловьева, подчеркивая особое единомыслие с ним: «Эрос и Эрис, Любовь и Ненависть, Мир и Война. Язва убийства – война: язва

²³ Там же.

рождения – Содом. Пол с войной пересекается... Кровь сначала загорается похотью, а потом льется на войну...

– Благодарю Тебя, Господи, что я никого не родил и никого не убил. В этой, несколько странной для непосвященных молитве русский ученик Платона, Вл. Соловьев, соединяет эти две язвы в одну...

– И я поэтому с Соловьевым! – воскликнул Мережковский, ударяя себя в грудь» [22, с. 404].

Сравнение «соловьевских» фрагментов из книг Одоевцевой показывает, что в эмигрантской среде не было того культа Соловьева, который был присущ его последователям в начале XX в. Однако его личность и идеи были притягательны для русской эмиграции, что свидетельствовало о жизнеспособности и значимости соловьевского наследия за рубежом.

Идеализация образа в творчестве Б. Зайцева и Вяч. Иванова

В эмиграции находились и такие авторы, творческая система которых сложилась под значительным влиянием наследия Соловьева. Одним из них был представитель русской духовной прозы XX в. Борис Зайцев (1881–1972). Учение Соловьева стало определяющим в формировании его мировоззренческой системы, повлияв как на религиозно-философские взгляды и картину мира писателя, так и на развитие его художественного метода.

В зрелые годы, например в очерке «Оптина пустынь» (1929 г.)²⁴, Зайцев отмечал, что религиозная составляющая его жизни и творчества пришла не из семьи, более того – она скорее противоречила заложенным с детства установкам: «Наша семья не была религиозна. По тому времени просвещенные люди, типа родителей моих, считали все “такое” суеверием и пустяками» [25, с. 328]. Глубокий интерес к православию у Зайцева появился именно под влиянием трудов Соловьева, что отмечается писателем в его юбилейной статье «Соловьев нашей юности»²⁵, опубликованной в эмигрантской газете «Русская мысль» в 1953 году к 100-летию со дня рождения В.С. Соловьева. Заглавие и содержание статьи свидетельствует о том, что Зайцев говорит не только от своего имени, а от лица значительной части русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., испытавшей на себе немалое соловьевское влияние, которое сопровождало расцвет культуры Серебряного века: «Подумать только – сто лет, как родился Владимир Соловьев, более пятидесяти, как умер, – а мы привыкли считать его нашим современником. Вернее, впрочем, современником нашей юности» [26, с. 317].

²⁴ Зайцев Б.К. Оптиная пустынь // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М.: Русская книга, 2000. С. 328–332 [25].

²⁵ Зайцев Б.К. Соловьев нашей юности // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 317–320 [26].

В юбилейной статье Зайцев не обходит вниманием оригинальный облик покойного философа, столь соответствовавший его учению, вызывавший интерес современников выразительными, запоминающимися «пророческими чертами»: «Я никогда Соловьева не видел, но настолько облик его знаю, что как будто и был знаком. Всегда поражался красотой этого необыкновенного, таинственного лица, не совсем даже русского (хотя был он чистейшей русской крови). Не с индусским ли оттенком – магические глаза, рано поседевшая длинная борода, общее впечатление духовности и даже музыкальности. Плотский образ его выражал нечто очень глубокое, и сама плоть казалась облегченной...» [26, с. 317]. Здесь примечателен использованный Зайцевым прием мифологизации внешности Соловьева, который позволяет увидеть оригинальность образа философа. Подобная тенденция к созданию возвышенно-идеализированного портрета Соловьева через его одухотворение была присуща многим писателям Серебряного века, однако за рубежом эта традиция, как уже было отмечено, проявлялась не всегда.

От внешнего впечатления о Соловьеве Зайцев переходит к характеристике его учения, подчеркивая, что книги философа отличаются убедительностью воплощения в них высшей правды: «Умер, а книги остались. В них жизнь и его дух. Никто не навязывал мне Соловьева, он сам тоже не мог себя навязать. Я просто встретился с его писанием. ... Чтение это было особенное: скорее жизнь в книге, жизнь с Владимиром Соловьевым. Окружающее обступало, годы были юношеские, когда надо что-то решать, что-то понять самое важное – о Боге, смысле всего, смерти, вообще о пути» [26, с. 317].

Получается, что уже в эмиграции, на склоне лет Зайцев в мемуарной форме отмечает, какую важную роль сыграло учение Соловьева в его жизни и творчестве и выражает бесконечную признательность учителю своей юности: «... вечная память и благодарность Соловьеву именно за юношеский подъем, может быть, за известное прекраснодушие. За разрушение преград, за вовлечение в христианство – разумом, поэзией и светом» [26, с. 320]. В некотором смысле вся жизнь и творчество Зайцева стали продолжением миссии Соловьева – «вовлечения в христианство» – только уже не через философию и поэзию, а через художественную прозу.

Отдает дань памяти своему учителю и поэт-соловьевец Вячеслав Иванов. На склоне лет в разгар Второй мировой войны в Италии он пишет цикл «Римский дневник», который исследователь жизни и творчества Иванова Г.С. Зобин²⁶ оценивал очень высоко: «Эти стихи 1944 г. стали лучшим из всего написанного Вяч. Ивановым. На закате жизни он достиг тех вершин, что были доступны немногим в русской поэзии» [27, с. 367]. Символично, что несколько раз в цикле

²⁶ См.: Зобин Г.С. Вячеслав Иванов: Путь жизни. М.: Молодая гвардия, 2022. 415 с. [27].

возникает образ Соловьева. Одно из стихотворений называется «Памяти Владимира Соловьева»²⁷ и относится к разделу «Июль». Произведение является своеобразной лирической автобиографией и носит обобщающий характер. В лирической форме поэт воспроизводит событие, повлиявшее на ход всей его жизни, – последнюю встречу с Соловьевым, которая состоялась в конце июля 1900-го года, незадолго до внезапной кончины философа, и стала определяющей для духовного развития Иванова и его супруги Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Беседа с философом поспособствовала осознанному возвращению молодой семьи в лоно Церкви, что было подкреплено их паломничеством в Киево-Печерскую лавру. Конкретная датировка стихотворения 15/28 июля 1944 г. отсылает к церковному календарю: в этот день отмечается память святого равноапостольного князя Владимира. Такая приуроченность создает символическую параллель между культом известного святого, крестившего древнюю Русь, и образом религиозного мыслителя. В стихотворении Иванова художественная идеализация, перерастающая в сакрализацию, прослеживается как на уровне универсальных духовных смыслов, так и на уровне конкретных деталей. Важно, что упоминающиеся факты и детали носят знаковый и даже символический характер, а их обилие создает очень концентрированный текст, в котором проявляется развернутый образ Соловьева: указано место кончины философа (в имении Узкое у друга С.Н. Трубецкого) и «узкая могила» (на кладбище Новодевичьего монастыря); особо выделяется его учение о Софии (Премудрости Божией), которое, по мнению Иванова, было важнейшим для развития русской мысли; «рука» Соловьева названа «святой», а действие – «благословляющим» и ощутимым даже после кончины философа:

Четыредесятъ и четыре
В войне, гражданских смутах, мире
Промчалось года с дня того,
Как над Невою мы с ним простились,
И вскоре в Киеве постились,
Два богомольца, за него,
В церковном послушаньи русском
Утверждены. У друга, в Узком,
Меж тем встречал он смертный час.
Вмещен был узкою могилой,
Кто мыслию ширококрылой
Вмещал Софию. Он угас;
Но все рука его святая,
И смертию не отнятая,
Вела, благословляя, нас [28, с. 621].

²⁷ Иванов В. Памяти Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 621 [28].

Повторно возникает образ Соловьева в стихотворении раздела «Октябрь», где определяется роль философа в развитии и обновлении русской поэзии. Иванов ставит имя Соловьева в один ряд с «чистыми лириками» А. Фетом и Ф. Тютчевым, благодаря которым в русской поэзии усилилось философское начало. Очевидно намекая на софийную лирику и мистическую поэму Соловьева «Три свидания»²⁸, Иванов именует его «духовидцем», тоскующим по безбрежной любви, и считает достойным высшей степени художественной идеализации – поэтической сакрализации:

И духовидец, по безбрежной
Любви тоскующий поэт –
Владимир Соловьев: их трое,
В земном прозревших неземное
И нам предрекававших путь
Как их созвездие родное
Мне во святых не помянуть? [30, с. 634]

Иванов оставался искренним соловьевцем на протяжении всей жизни, сохранив верность своим идеалам, которые обозначил в 1910 году в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева»²⁹, а затем в 1911 г. на торжественном заседании Религиозно-философского общества в речи «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания»³⁰. Иванов акцентирует внимание на концептуальных идеях Соловьева, в ряду которых ключевую роль, особенно в поэзии, играет мистический образ Софии и теургическое служение ей: «Значение Соловьева как поэта определяется и по плодам его поэтического творчества: он начал своею поэзией целое направление, быть может, эпоху поэзии. Когда призвана Вечная Женственность, – как ребенок во чреве взыграет некий бог в лоне Мировой Души; и тогда певцы начинают петь. <...> Кроме того, Вл. Соловьев нашел, как учитель, слова, раскрывшие глаза поэту и художнику на его истинное и высочайшее назначение: Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое» [32, с. 354].

Таким образом, оба писателя – прозаик-реалист Зайцев и поэт-символист Иванов, оказавшись в эмиграции, сохраняют память о своем наставнике и продолжают сформировавшуюся в начале XX в. традицию идеализации образа Со-

²⁸ См.: Соловьев В.С. Три свидания. Поэма // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86 [29].

²⁹ См.: Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979. С. 746–804 [31].

³⁰ См.: Иванов В.И. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. С. 344–354.

ловьева, каждый в своей манере. Зайцев с присущей его прозе спокойной размеренностью, ретроспективно, с опорой на собственный опыт духовного становления, от лица целого поколения выражает признательность учителю в посвященной ему юбилейной статье. Иванов поэтизирует и сакрализует образ Соловьёва, наделяя его чертами духовного наставника и теурга, чье влияние определило как личный путь становления поэта, так и новые векторы развития русской философской лирики.

Заключение

Традиция создания образа Соловьёва как личности знаковой для русской культуры Серебряного века была заложена на рубеже XIX–XX вв. и сохранялась в произведениях русских писателей-эмигрантов (А. Салтыкова, А. Ремизова, З. Гиппиус, И. Одоевцевой, Б. Зайцева, Вяч. Иванова), однако имела свою специфику в разные периоды развития литературы.

В отличие от Серебряного века, интерес к Соловьёву в эмигрантской среде не носил массового характера, к нему обращались чаще по случаю: юбилеи, знаковые даты. Очевидными были и жанровые приоритеты: за редким исключением (стихотворения Вяч. Иванова), рецепция возникала в прозаических произведениях мемуарно-биографического характера. Сам образ конструировался тоже по-разному, в зависимости от авторских приоритетов: реалистически достоверным (у А. Салтыкова, П. Шереметева, Б. Зайцева), модернистски мифологизированным (у А. Ремизова, З. Гиппиус, Вяч. Иванова), преломленным через призму чужих воспоминаний (у И. Одоевцевой).

Писатели-эмигранты в своих произведениях создали поливариантный образ Владимира Соловьёва, который, однако, не подвергался сложной художественной трансформации, что было обусловлено главными задачами русской литературы за рубежом: для представителей первой волны эмиграции важнейшей миссией было сохранение культурной памяти, в том числе – о великих деятелях ушедшей России, которых намеренно «забывали» на Родине. Образ Соловьёва, религиозного мыслителя, властителя дум целого поколения, поэта-мистика, привнесшего в философию и литературу идею Божественной Софии, учение о Всеединстве и концепцию теургического творчества, не был предан забвению и получил дальнейшее развитие в XX веке, во многом благодаря писателям русского зарубежья.

Список литературы

1. Княжнин В.Н. Александр Александрович Блок. Петербург: Колос, 1922. 136 с.
2. Авдейчик Л.Л. Образ Владимира Соловьёва в русской литературе XX–XXI веков // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 39–51.
3. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.
4. Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 500 p.

5. Knigge A. Die Lirik Vl. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok. Amsterdam, 1973. 214 s.
6. Иванов В. Александру Блоку // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 с.
7. Авдейчик Л.Л. Сакрализация образа Владимира Соловьёва в творчестве поэтов-младосимволистов [Электронный ресурс] // Диалог эпох в литературе: сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Л.Л. Авдейчик (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 5–20. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Дата обращения: 23.03.2026).
8. Флоренский П. На смерть В. Соловьёва // Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 126.
9. Блок А. Через песчаные пустыни // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Стихотворения 1897–1904 годов. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 472.
10. Бальмонт К.Д. Воздушная дорога // Бальмонт К.Д. Полн. собр. стихов: в 10 т. Т. 4. Изд. 3. М.: Изд. «Скорпион», 1913. С. 118.
11. Белый А. Владимир Соловьёв // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 585.
12. Белый А. Владимиру Соловьёву // Белый А. Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Альфа-книга, 2011. С. 1078–1079.
13. Зайцев Б. Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. М.: Русская книга, 1999. С. 369–580.
14. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
15. Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. 896 с.
16. Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 2 / сост. и примеч. В.Ф. Бойкова, сост., послесл. и примеч. Ю.Ю. Булычева. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
17. Салтыков А.А. Белые колокольчики: Воспоминания о Владимире Соловьёве // Вл.С. Соловьёв: pro et contra. Т. 1 / сост., вступ. ст. и примеч. В.Ф. Бойкова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 499–503.
18. Шереметев П. Отзвуки рассказов И.Ф. Горбунова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. 146 с.
19. Ремизов А.М. Философская натура. Владимир Соловьёв – жених // Современные записки. Париж, 1938. № 66. С. 193–204.
20. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 446–454.
21. Одоевцева И.В. На берегах Невы. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 с.
22. Одоевцева И.В. На берегах Сены. Paris: La Presse libre, 1983. 528 с.
23. Гиппиус З.Н. Поликсена Соловьёва / публ. В. Злобина // Возрождение. Париж, 1959. Май. № 89. С. 118–124.
24. Соловьёв В.С. Das Ewig-Weibliche // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 71–72.
25. Зайцев Б.К. Оптина пустынь // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М.: Русская книга, 2000. С. 328–332.
26. Зайцев Б.К. Соловьёв нашей юности // Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 317–320.
27. Зобин Г.С. Вячеслав Иванов: Путь жизни. М.: Молодая гвардия, 2022. 415 с.
28. Иванов В. Памяти Владимира Соловьёва // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979. С. 621.
29. Соловьёв В.С. Три свидания. Поэма // Соловьёв В.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 80–86.

30. Иванов В. Таинник ночи, Тютчев нежный // Иванов В. Собр. соч. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 633–634.

31. Иванов В. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 746–804.

32. Иванов В.И. О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Сов. писатель, 1991. С. 344–354.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bal'mont, K.D. Vozdushnaya doroga [The Air Road], in Bal'mont, K.D. *Polnoe sobranie stikhov v 10 t., t. 4* [Complete Collection of Poems in 10 vols., vol. 4]. Moscow: Izdanie «Skorpion», 1913, p. 118.

2. Belyy, A. Vladimir Solov'ev [Vladimir Solovyov], in Belyy, A. *Polnoe sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Complete Collection of Poems in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Al'fa-kniga, 2011, p. 585.

3. Belyy, A. Vladimiru Solov'evu [To Vladimir Solovyov], in Belyy, A. *Polnoe sobranie sochineniy v 2 t., t. 2* [Complete Collection of Poems in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Al'fa-kniga, 2011, pp. 1078–1079.

4. Blok, A.A. Rytsar'-monakh [The Knight Monk], in Blok, A.A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 5* [Collected Works in 8 vols., vol. 5]. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 446–454.

5. Blok, A. Cherez peshchanye pustyni [Through the Sandy Deserts], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 1. Stikhotvoreniya 1897–1904 godov* [Collected Works in 8 vols., vol. 1. Poems of the 1897–1904]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1960, p. 472.

6. Ivanov, V. Aleksandru Bloku [To Aleksandr Blok], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1979. 896 p.

7. Ivanov, V. Pamyati Vladimira Solov'eva [In Vladimir Solovyov's Memory], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, p. 621.

8. Ivanov, V. Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [The Religious Matter of Vladimir Solovyov], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, pp. 746–804.

9. Ivanov, V. Tainnik nochi. Tyutchev nezhnny [Mystery of the Night. Tyutchev's Tender], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. 1979, pp. 633–634.

10. Solov'ev, V.S. Das Ewig-Weibliche [The Eternal Femininity], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12* [Collected Works in 12 vols., vol. 12]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 71–72.

11. Solov'ev, V.S. Tri svidaniya. Poema [Three Meetings. Poem], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12* [Collected Works in 12 vols., vol. 12]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 80–86.

12. Vl.S. Solov'ev: pro et contra. T. 1 [Vl.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000. 896 p.

13. Vl.S. Solov'ev: pro et contra. T. 2 [Vl.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 2]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2002. 1072 p.

14. Zaytsev, B.K. Dal'niy kray [Far Edge], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1. Tikhie zori: Rasskazy. Povesti. Roman* [Collected Works in 5 vols., vol. 1. Quiet Dawns: Short stories, novels]. Moscow: Russkaya kniga, 1999, pp. 369–580.

15. Zaytsev, B.K. Optina pustyn' [Optina Pustyn], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 7. Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstviy. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*

[Collected Works in 5 vols., vol. 7. Holy Rus: Selected Spiritual Prose. Books of Travels. Novels and Short Stories. Writer's Diary]. Moscow: Russkaya kniga, 2000, pp. 328–332.

16. Zaytsev, B.K. Solov'ev nashey yunosti [Soloviev of our Youth], in Zaytsev, B.K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 9. Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zametki. Retsenzii* [Collected Works in 5 vols., vol. 9. Days. Memoirs. Articles. Notes. Reviews]. Moscow: Russkaya kniga, 2000, pp. 317–320.

Individual works

17. Avdeychik, L.L. Obraz Vladimira Solov'eva v russkoy literature XX–XXI vekov [The image of Vladimir Solovyov in Russian literature of the 20th–21st centuries], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 2(62), pp. 39–51.

18. Florenskiy, P. Na smert' V. Solov'eva [On the death of V. Solovyov], in *Pavel Florenskiy i simvolisty: Opyty literaturnye. Stat'i. Perepiska* [Pavel Florenskiy and Symbolism: Literary Experiments. Articles. Correspondence]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, p. 126.

19. Gippius, Z.N. Poliksena Solov'eva [Poliksena Solovyova], in *Vozrozhdenie* [Revival]. Paris, 1959 May, no. 89, pp. 118–124.

20. Ivanov, V. O znachenii Vl. Solov'eva v sud'bakh nashego religioznogo soznaniya [On the Significance of Vladimir Solovyov in the Fate of Our Religious Consciousness], in *Kniga o Vladimire Solov'eve* [A Book about Vladimir Solovyov]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991, pp. 344–354.

21. Odoevtseva, I.V. *Na beregakh Nevy* [On the Banks of the Neva]. Washington: V. Kamkin, 1967. 490 p.

22. Odoevtseva, I.V. *Na beregakh Seny* [On the Banks of the Sena]. Paris: La Presse libre, 1983. 528 p.

23. Remizov, A.M. Filosofskaya natura. Vladimir Solov'ev – zhenikh [Philosophical Nature: Vladimir Solovyov as a Groom], in *Sovremennye zapiski* [Modern notes]. Parizh, 1938, no. 66, pp. 193–204.

24. Saltykov, A.A. Belye kolokol'chiki: Vospominaniya o Vladimire Solov'eve [White Bells: Memories of Vladimir Solovyov], in *VI.S. Solov'ev: pro et contra. T. 1* [VI.S. Solovyov: Pro et Contra. Vol. 1]. Saint-Petersburg: RKhGI, 2000, pp. 499–503.

(Monographs)

25. Knigge, A. *Die Lirik Vl. Solov'evs und Ihre Nachwirkung bei A. Belyj und A. Blok* [The Poetry of Vl. Solovyov and its Influence on A. Bely and A. Blok]. Amsterdam, 1973. 214 p.

26. Knyazhnin, V.N. *Aleksandr Aleksandrovich Blok* [Aleksandr Aleksandrovich Blok]. Petersburg: Kolos, 1922. 136 p.

27. Polonskiy, V.V. *Mezhdru traditsiy i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries: History, Poetics, and Context]. Moscow: IMLI RAN, 2011. 472 p.

28. Pyman, A. *A History of Russian Symbolism*. Cambridge University Press, 1994. 500 p.

29. Sheremetev, P. *Otvzuki rasskazov I.F. Gorbunova* [Echoes of Stories by I.F. Gorbunov]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1901. 146 p.

30. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev: zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov: Life and Creative Evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.

31. Zobin, G.S. *Vyacheslav Ivanov: Put' zhizni* [Vyacheslav Ivanov: The Path of Life]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2022. 415 p.

(Electronic Resources)

32. Avdeychik, L.L. Sakralizatsiya obraza Vladimira Solov'eva v tvorchestve poetov-mladosisimvolistov [Sacralization of the Image of Vladimir Solovyov in the Works of the Young Symbolist Poets], in *Dialog epokh v literature* [Dialogue of Epoch in Literature]. Minsk: BGU, 2021, pp. 5–20. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273478> (Data obrashcheniya: 23.03.2026).

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО КОСМИЗМА

(материалы Всероссийской научной конференции «От полёта мысли к полёту в космос». К 65-летию первого полета человека в космос)

PHILOSOPHY OF RUSSIAN COSMISM

**(proceedings of the All-Russian Scientific Conference
“From the Flight of Thought to the Flight into Space”.
On the 65th Anniversary of the First Human Flight into Space)**

УДК 1(47)
ББК 87.3(2)-688

Михаил Викторович Максимов

Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Россия, Иваново, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас...

Аннотация. Представлена информация о пленарном заседании и работе молодежной секции Всероссийской научной конференции «От полёта мысли к полёту в космос», посвященной 65-летию первого полета человека в космос, состоявшейся 27 февраля 2026 г. в Ивановском государственном энергетическом университете имени В.И. Ленина. В конференции приняли участие философы и филологи – исследователи наследия одного из родоначальников русского космизма Николая Федоровича Федорова и его последователей, студенты и молодые ученые из Иванова, Москвы, Санкт-Петербурга и Тольятти. В посвященном этому событию блоке статей публикуются тексты, подготовленные на основе докладов, зачитанных на конференции.

Ключевые слова. Русский космизм, философия общего дела, мировоззренческие аспекты практической космонавтики, космическое сознание, космическая педагогика

Mikhail Viktorovich Maksimov

Ivanovo State Power Engineering University, Doctor Habil. of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Russia, Ivanovo, e-mail: mvmaximov@yandex.ru

The starry heavens above me and the moral law within me...

Abstract. This article provides information about the plenary session and the work of the youth section of the All-Russian Scientific Conference “From the Flight of Thought to the Flight into Space”, dedicated to the 65th anniversary of the first human flight into space, which took place on February 27, 2026, at the Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin. The conference was attended by

philosophers and philologists – researchers of the legacy of Nikolai Fedorovich Fyodorov, one of the founders of Russian cosmism, and his followers, as well as students and young scholars from Ivanovo, Moscow, St. Petersburg, and Tolyatti. In the block of articles dedicated to this event, texts prepared on the basis of papers presented at the conference are published.

Key words: Russian cosmism, philosophy of the common cause, worldview aspects of practical cosmonautics, cosmic consciousness, cosmic pedagogy

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.023-026

Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас... – эти слова наиболее точно выражают главную тему и основной идейный и эмоциональный настрой выступлений участников Всероссийской научной конференции «От полёта мысли к полёту в космос», посвященной 65-летию первого полета человека в космос, состоявшейся в Ивановском государственном энергетическом университете имени В.И. Ленина 27 февраля 2026 г.

Конференция – один из ярких эпизодов обширного научного, образовательного, культурного и просветительского проекта «Космические дни на Ивановской земле», реализованного 26–28 февраля по инициативе Центра популяризации космонавтики «Космос вдохновляет». ИГЭУ стал одним из организаторов этого проекта, журнал «Соловьёвские исследования» обеспечил его информационную поддержку, а Соловьёвский семинар – Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия В.С. Соловьёва организовал работу молодежной секции конференции, объединившей в научной дискуссии вокруг проблематики философии космизма студентов ИГЭУ и ученых Москвы, Санкт-Петербурга и Тольятти.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»¹ – это изречение великого представителя трансцендентального идеализма XVIII века предвосхитило важнейшие положения философии русского космизма. Но есть существенное различие, и, чтобы яснее представить специфику русского космизма, надо учесть, что один из его крупнейших родоначальников – Николай Федорович Федоров – преодолел созерцательный характер позиции Иммануила Канта и обосновал активный и действенный характер космизма. Он соединил практическую деятельность человека и высочайшие требования к его нравственному облику. В этом Федоров опирался на древнейшую христианскую идею – идею Богочеловечества, блестящее теоретическое обоснование которой мы находим в философии Владимира Сергеевича Соловьёва – великого русского философа. Так соединились в истории русской философии два великих мыслителя – Федоров и

¹ См.: Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М.: Изд-во «ЧОРО», 1994. С. 562.

Соловьев, творчество которых нашло многогранное отражение в десятках научных публикаций в журнале «Соловьёвские исследования».

Заседание секции открыли д-р филос. наук, профессор кафедры ИФиП, руководитель Соловьёвского семинара, главный редактор журнала «Соловьёвские исследования» М.В. Максимов и д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук А.Г. Гачева. М.В. Максимовым был представлен доклад «Философия русского космизма в публикациях журнала “Соловьёвские исследования”».

Студенты Ивановского государственного энергетического университета выступили с докладами, посвященными важнейшим темам и проблемам философии русского космизма. Среди них доклад «Философия всеединства В.С. Соловьева и традиции русского космизма: проект преобразования реальности» (И.Х. Джамбеков, А.Е. Шестопалов), посвященный исследованию философских воззрений В.С. Соловьева в контексте идей космизма.

Центральными темами двух студенческих докладов были судьба России и глобальные проблемы современного мира: «Судьба России в творчестве Н.Ф. Федорова» (А.А. Александров) и «Историософия Н.Ф. Федорова: судьба России и глобальные проблемы современного мира» (Д.Н. Катулина, А.С. Корнилич).

Выяснению общих черт и специфики важнейших направлений русского космизма – религиозно-философского и естественнонаучного – был посвящен доклад С.А. Зуевой и М.И. Борцовой «Н.Ф. Федоров и К.Э. Циолковский: общие мировоззренческие основания и специфика религиозного и естественнонаучного направлений». Яркое выступление студенток ФЭУ и блестяще выполненная презентация не оставили равнодушными участников конференции.

Результатом погружения в труды К.Д. Циолковского и художественные произведения писателя Андрея Платонова стали доклады, в центре которых закономерно оказались нравственные аспекты философии космизма: «Принципы космической этики К.Д. Циолковского» (Д.А. Александрова, В.М. Завада) и «Философия космизма в творчестве А.П. Платонова: от утопии к человеку» (А.И. Головкин, А.А. Зазнобин).

Молодые ученые, кандидаты философских наук из Москвы, Санкт-Петербурга и Тольятти, представили доклады, посвященные историософии космизма, анализ его идей в кинематографе и его связи с религией: «“Рев племени” В.Н. Муравьева как историософия общего дела» (Д.В. Барановский); «Идеи космизма в кинематографе» (Е.Е. Звонова и Е.С. Григорьева), «Религия и философия космизма» (Е.С. Шушакова).

Аспирантка лаборатории психофизиологии речи Института физиологии имени И.П. Павлова Российской академии наук О.В. Лабутина посвятила свой

доклад антропологическому вектору русского космизма, обосновала тезис о целенаправленном развитии эмпатии как необходимом условии реализации проекта «русский космизм».

Участники конференции из Московского физико-технического института – известный специалист О.Д. Куракина и аспирантка Е.В. Афонина – проанализировали проблемы становления космического антропоса, отметили вехи становления русского космизма, его основные направления и их значение в контексте вызовов современной эпохи, подчеркнули необходимость изменений в образовательной сфере, направленных на разработку космической педагогики и формирование космического сознания.

Заключительный студенческий доклад «Поэзия русского космизма» и великолепно презентация были представлены студентами С.А. Анисимовой, Т.С. Власовой, В.А. Птицыной и М.А. Романовым. В их выступлении прозвучали стихотворения великих философов и поэтов – Платона, В.С. Соловьёва и Ф.И. Тютчева. Два вокальных сочинения, написанных на стихи В.С. Соловьёва русскими композиторами Михаилом Остроглазовым и Николаем Ленцем прозвучали в исполнении солистки Ивановской государственной филармонии Елены Лихачевой и концертмейстера Валерии Сабуровой.

Работа секции завершилась докладом А.Г. Гачевой «Философия общего дела Н.Ф. Федорова и русский космизм против антропологического кризиса современности», было обращено внимание на злободневность идей Н.Ф. Федорова, возрастающую с каждым с каждым новым десятилетием.

Встреча студентов и преподавателей университета с А.Г. Гачевой продолжилась в читальном зале библиотеки ИГЭУ, где Анастасия Георгиевна выступила с публичной лекцией «Два Гагарина: от философа-космиста Николая Федорова к первому космонавту планеты Земля».

Участие А.Г. Гачевой – авторитетнейшего ученого из Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН – в работе молодежной секции научной конференции «От полёта мысли к полёту в космос» явилось важным свидетельством признания значимости деятельности Соловьёвского семинара и его молодежных проектов, нацеленных на патриотическое воспитание и углубленное освоение студентами непреходящих интеллектуальных и духовных ценностей русской философии.

УДК 1(091) + 882
ББК 87.3(2)-688 + 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова, главный библиотекарь, Россия, Москва, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

«Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и русский космизм: оправдание человека как завет будущему

Аннотация. Комплекс идей, выработанных в лоне течения русского космизма, рассматривается сквозь призму проблемы человека, актуально звучащей в наши дни в связи со стремительным развитием технологий, с одной стороны, и утратой ценностных оснований цивилизации – с другой. Обращаясь к рефлексии Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева о человеке и перспективах истории, ставшей особенно напряженной на рубеже XIX–XX вв., подчеркивается стремление обоих мыслителей поставить своих современников и потомков перед необходимостью самоопределиться перед лицом будущего, выстроив целостную модель развития. Рассматривается реакция представителей христианского космизма на кризис гуманистической идеи. Обращение к представлениям Н.А. Умова, В.И. Вернадского, П.А. Флоренского об антиэнтропийной сущности жизни и культуры, о человеке как проводнике логосного начала в мир дает основания для преодоления антропологического и аксиологического кризиса современности, критики постгуманистического дискурса, отрицающего особую роль человека в природе. Подчеркивается субъект-субъектный характер взаимодействия между антропосом и космосом, лежащий в основе идеи регуляции природы. Философия хозяйства, разработанная мыслителями-космистами, идеи христианской политики и преображения общества по образу Троицы рассматривается как необходимая основа футурологического проектирования в XXI веке.

Ключевые слова: философия русского космизма, идея оправдания человека, антропологический кризис, проектирование будущего

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad; Chief Librarian, researcher at the Fedorov's Library no. 180, Russia, Moscow, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

N.F. Fedorov's "Philosophy of the Common Cause" and Russian Cosmism: Justifying Man as a Testament to the Future

Abstract. The complex of ideas developed within the framework of the Russian cosmism movement is examined through the prism of the problem of man, which is relevant today due to the rapid development of technology, on the one hand, and the loss of the value foundations of civilization, on the other. Referring to the reflections of N.F. Fedorov and V.S. Solovyov on man and the prospects of history, which became

particularly tense at the turn of the 19th and 20th centuries, the author emphasizes the desire of both thinkers to put their contemporaries and descendants before the need to determine themselves in the face of the future, building a holistic model of development. The article examines the reaction of Christian cosmism adherents to the crisis of the humanistic idea. Reference to the ideas of N.A. Umov, V.I. Vernadsky, and P.A. Florensky concerning the anti-entropic essence of life and culture, and of man as a conductor of the Logos principle into the world, provides grounds for overcoming the anthropological and axiological crisis of modernity and for criticizing post-humanist discourse that denies the special role of man in nature. The article emphasizes the subject-subject, rather than subject-object, nature of the interaction between anthropos and cosmos, which lies at the core of the idea of regulating nature. The philosophy of economy developed by cosmist thinkers, as well as the ideas of Christian politics and the transformation of society in the image of the Trinity, are examined as a necessary basis for futurological design in the 21st century.

Key words: philosophy of Russian cosmism, idea of justifying man, anthropological crisis, designing the future

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.027-040

В 1900 г., когда человечество отсчитало девятнадцать веков от события Боговоплощения, открывшего новую эру истории, знаменитый библиотекарь Румянцевского музея, Московский Сократ Н.Ф. Федоров в характерном для него стиле острых, предельных вопросов, обращенных к уму, сердцу и совести, не позволяющих промолчать или увильнуть от ответа, так определял пути будущего: «Будет ли наступающее столетие веком Антихриста или Антихристианства, началом конца мира или же веком (юбилеем) Христа и Христианства, т.е. началом совершеннолетия или *совершенства* религии, науки, искусства, нравственности?» [1, с. 68].

«XIX-вековой юбилей христианства»¹ Федоров считал той серьезной и ответственной датой, которая не может быть просто так пройдена и сдана в архив цивилизации, стремительно движущейся вперед, набирающей научные, технические, творческие обороты, но при этом так и не сумевшей ответить самой себе на тот вопрос, который задавал еще в XII веке церковный писатель и проповедник, святой Кирилл Туровский: «cheso ради создан бысть человек»², в чем смысл явления в мир существа чувствующего и сознающего, действующего и творящего? Между тем от ответа на этот вопрос прямо зависит то, каким окажется будущее, станет ли оно созидательным, открывающим новые горизонты жизни, которая достигла в человеке «своей мыслящей стадии»³, как скажет позднее ду-

¹ См.: Федоров Н.Ф. Как нужно читать Евангелие? (К XIX вековому юбилею христианства) // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 399 [2].

² См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 409 [3].

³ См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 240 [4].

ховный собрат философа общего дела, французский ученый и богослов, создатель концепции христианского эволюционизма Пьер Тейяр де Шарден⁴, или окажется кризисным, разрушительным, полагающим биосфере, возникшей и расцветшей на планете Земля, постыдный и горький конец.

Федоров призывал своих современников, стоящих на пороге нового века, к радикальной переоценке наличных путей истории и механизмов развития и одновременно к предельному целеполаганию, подчеркивая, что образ будущего напрямую зависит от ценностного и религиозного самоопределения человека, от его готовности / неготовности стать соработником Творца на земле, от меры его любви к родителям и всем ушедшим, из которой вырастает воскресительный долг, от высоты нравственного сознания, не позволяющего бесстыдно и безответственно расхищать природные богатства, ведя себя в богоданном мире как «тать» и «наемник», а не как добрый управитель, совестливо пекущийся о вверенном ему наследстве. Философ был резким критиком торгово-промышленной, «эксплуатирующей, но не восстанавливающей цивилизации»⁵ и того редуцированного, ценностно оскопленного образа мира и человека, который она создает.

На заре столетия, в 1900–1902 гг., Федоров создает работу «Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение», итоговое изложение учения всеобщего дела, выстраивая его в форме двенадцати «пасхальных вопросов», призванных подвигнуть читающих к самоопределению перед лицом бытийных и нравственных вызовов времени, к выбору в начинающемся новом веке пути жизни или пути гибели. «Вопросу о богатстве и бедности», ищущему своего решения в материальной, социально-экономической плоскости, философ противопоставил «вопрос о смерти и жизни»⁶, требующий не просто социальной, но онтологической оптики; «эксплуатации, истощению, утилизации» как принципу отношения к природному миру – идеал регуляции, «внесения в природу воли и разума»⁷; «воле к рождению», оборачивающейся неизбежным вытеснением родивших из бытия, – «волю к воскрешению»⁸. Кабинетной науке, созидаемой кастой ученых и ограничивающейся теоретическим знанием, – науку, построенную на принципе всеобщности познания и исследования; искусству как игре и «творению

⁴ Подробнее о мировоззренческих параллелях между учением Н.Ф. Федорова, философией русского космизма и идеями П. Тейяра де Шардена см.: Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с. [5]; Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с. [6]; Шушаков Е.С. Генезис термина «ноосфера» и его использование П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105 [7].

⁵ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 197 [8].

⁶ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение). С. 390.

⁷ Там же. С. 392, 393.

⁸ Там же. С. 396–397.

мертвых подобий»⁹ – искусство как дело воскрешения и преображения мира, осуществляемое в союзе с наукой. Убежденный в том, что Бог учит человека «евристически», побуждая его «не только вложить собственный труд, весь ум, все свое искусство в великое дело воскрешения, но и додуматься до необходимости собственного участия в нем»¹⁰, философ выстраивал свои поздние тексты, написанные в последние годы XIX – первые годы XX в., так, чтобы пробудить в своих современниках, которым предстоит жить и творить в двадцатом столетии, стремление к христианской активности в мире, активности благой и ответственной, поворачивающей историю от противостояния к соработничеству народов земли, от «взаимного истребления» – к «работе спасения»¹¹.

В фундамент антропологии, определяющей видение истории как воскресительного труда, философ общего дела кладет понятие сыновства. Сыновство, как точно пишет С.Г. Семенова, является «основной родовой характеристикой землянина»¹². Вместе с другим базовым понятием – «смертность» – оно образует аксиологическое единство, в котором выражен не только наличный статус существа чувствующего и сознающего, но и его долг. Резко критикуя отвлеченные формулы философии, ломающей копья над вопросом, «почему сущее существует», Федоров выдвигает другой – неотменимый, бьющий в сердце вопрос: «почему живущее страдает и умирает»¹³? И призывает людей будущего ответить именно на него, потому что самый поиск ответа не может ограничиться одной теорией, но требует выхода в практику, соединяя науку и веру, знание и нравственно-трудовое усилие. «Для нашего притупившегося чувства, – подчеркивает мыслитель, – непонятно, какая аномалия, какая безнравственность заключается в выражении “сыны умерших отцов”, т.е. сыны, живущие по смерти отцов, как будто ничего особенного, ничего ужасного не произошло! Нравственное противоречие “живущих сынов” и “отцов умерших” может разрешиться только долгом всеобщего воскрешения» [8, с. 258].

В 1899–1900 гг. Федоров ведет напряженный заочный диалог с В.С. Соловьевым, как вел его очно в два предшествующие десятилетия¹⁴. Он продолжает этот диалог и после смерти автора «Чтений о Богочеловечестве» (1878–1881 гг.) и «Оправдания добра» (1894–1897 гг.), ставя в центр внимания проблемы эсхатологии, над которыми так напряженно в последние годы жизни размышлял

⁹ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение). С. 398.

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 12 [9].

¹¹ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. С. 138, 322.

¹² См.: Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 176 [10].

¹³ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение). С. 390.

¹⁴ См. подробнее: Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: История творческих взаимоотношений // Н.Ф. Федоров: pro et contra. В 2 кн. Кн. 1. М.: РХГИ, 2004. С. 844–937 [11].

Соловьев, писавший Евгению Тавернье: «Христос, чтоб восторжествовать истинно и разумно над антихристом, нуждается в нашем сотрудничестве» [12, с. 221]. Катастрофическому разрешению судеб мира, соединенному с неотвратимостью «суда», «осуждения» и вечной «геенны», Федоров противопоставляет идеал активного христианства, Царствия Божия, в которое входит все преображенное человечество и которое «есть произведение всех сил, всех способностей, всех людей»¹⁵. Он подчеркивает, что первый сценарий конца осуществится в том случае, если люди продолжат упорствовать на ложном пути, истребляя себе подобных и расхищая природу, а то и прямо вступая в сделку со злом. Если же произойдет метаноя, если, как блудный сын евангельской притчи, человеческий род вернется в дом Отца своего, соработая Творцу в деле воскрешения и регуляции, то разрешение исторического процесса будет другим – светлым, пасхальным, соборным. Царствие Божие увенчает земные пути человечества. Венцом богочеловеческой работы спасения станет «воскрешение и всей Вселенной преобразование»¹⁶.

Что касается Соловьева, то философ Богочеловечества и всеединства, в книге «Оправдание добра» наметил целую программу преображающей перестройки социальной жизни, хозяйства, политики, экономики, педагогики, ориентируя их деятельность в свете верховной задачи истории – «исполнения одного общего дела – приготовления к явному царству Божию и воскресению всех»¹⁷. В духе Федорова Соловьев утверждал необходимость участия человечества «в деле всемирного спасения»¹⁸ и средоточием этого дела полагал Церковь, понимая ее не как институт, а как богочеловеческий организм, преображающий все земные установления, одушевляющий труд и культуру, науку и экономику, политику и социальную жизнь идеалом Царствия Божия, более того – распространяющий действие божественной любви не только на людей, но и «на материальную природу, вводя ее в полноту абсолютного добра, как живой престол божественной связи»¹⁹.

Рубежу двух столетий Соловьев, как и Федоров, придавал сакральное значение, видя в нем время выбора пути. Философ настойчиво стремился донести до своих современников, что христианство есть религия веры, свободы и творчества, побуждая их действовать в духе Христовой правды. Как предупреждающее пророчество о том, каким срывом и человекоубийственным кризисом чреватая мысль, жизнь и действие, коль скоро они оторваны от Божественного источника, эгоистически замкнуты на себе, самостийны и безлюбовны, философ

¹⁵ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение). С. 404.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 76 [13].

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Записная книжка // Логос. Диалог Восток – Запад. № 50. Брюссель; Мюнхен; М.: Изд-во, 1995. С. 269 [14].

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 340.

выстраивал «Краткую повесть об антихристе» и одновременно в «Трех разговорах», куда этот текст был включен, устами господина Z обозначал возможное альтернативное будущее: «органический рост и совершенствование ... лица и общества, народа и человечества», которые совершаются под влиянием «вдохновения добра», Божественной благодати, действующей «на нас и в нас»²⁰, и ведут к воцарению Царствия Божия «на новой земле, любовно обрученной с новым небом»²¹. Но для того чтобы это будущее стало реальностью, необходимо единство *веры и действия*: веры во Христа воскресшего, исповедания Царствия Божия как «царства торжествующей чрез воскресение жизни»²² и благого действия человечества, следующего за Христом и воплощающего ту «истинную норму богочеловеческого отношения»²³, которая явлена в Нем.

И для Федорова, и для Соловьева вопрос о перспективах истории – это вопрос о человеке, о смысле его явления в мир, о его назначении на земле. От того, откликнется ли человек на Божий призыв или продолжит упорствовать на путях зла, останется ли он «блудным сыном» или сознает себя «сыном человеческим», «сыном умерших отцов», продолжит ли служить богу потребления и комфорта, умножая мишурный и тленный мир вещей, или, приняв на себя «долг воскресения», станет апостолом неветшающей жизни, зависит то, какой облик примет мир в будущем, станет ли он Царством зверя или Царством Христовым.

Вслед за Н.Ф. Федоровым и В.С. Соловьевым рефлексия о человеке как соработнике Творца, призванного к «восстановлению мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»²⁴, подхватили деятели религиозно-философской ветви русского космизма XX в. – С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский и В.Н. Муравьев, А.К. Горский и Н.А. Сетницкий. Все они были апологетами «конечного идеала»²⁵, явленного в благой вести Спасителя, провозвестниками новой творческой эпохи истории, в которой вера Христова станет основанием и мысли, и жизни, и действия. Слова апостола Павла: «Теперь ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа» (Гал 4:7) – не повисали для них красивой фразой, но побуждали к тому, чтобы реально проявить свое сыновство, по-настоящему вступить в наследство, отвечая за конечные судьбы мира и за наличные его пути.

В эпоху кризиса гуманизма, когда трагический опыт XX века со всей очевидностью продемонстрировал, что человек, каков он есть, смертный, самост-

²⁰ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. 1988. С. 730–731 [15].

²¹ Там же. С. 731.

²² Там же. С. 728.

²³ Там же. С. 730.

²⁴ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение. С. 401.

²⁵ См.: Сетницкий Н.А. О конечном идеале // Сетницкий Н.А. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 61–530 [16].

ный, самолюбивый и себялюбивый, духовно и душевно разорванный, легко поддающийся соблазну ложных идей, не может быть мерой вещей, представители христианского космизма утверждали гуманизм Богочеловечества, основанный не на эгоизме, а на жертве, не на самостийной активности, объявляющей, что она не нуждается в «гипотезе Бога», а на богочеловекосотворчестве, не на любви к себе, а на той «любви ко всякому созданию Божию»²⁶, о которой говорит в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского старец Зосима. Протестуя против обожествления человека в состоянии *несовершеннолетия*, они в равной степени предостерегали от ухода в противоположную крайность – от неверия в человека, в его способность преодолеть свою самость, достигнуть *совершеннолетия*, представление о котором в религиозно-философской системе координат неразрывно с представлением о *совершенстве*. Сама же категория *совершенства* укореняется в Боге, Который абсолютно свободен, абсолютно благ, обладает полнотой творчества и является воплощенной любовью. Как призыв к обожению звучат для философов-космистов слова Спасителя: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен» (М. 5:48). Полнота человечности является в Боге и утверждается через синергию с Творцом. «Правда гуманизма, – подчеркивал Н.А. Бердяев – часть религии богочеловечества, предполагающая веру не только в Бога, но и в человека» [18, с. 105].

Космистам – религиозным философам вторят представители естественно-научной ветви русского космизма – экономист С.А. Подолинский, физик-философ Н.А. Умов, создатель учения о биосфере и ее переходе в ноосферу В.И. Вернадский, для которых наука неразрывна с этикой, а человек идет в авангарде борьбы с энтропией. Н.А. Умов противопоставляет идее тепловой смерти Вселенной представление о человеке как существе, которое, будучи носителем Логоса, силы знания, и Агапе, энергии любви, сопротивляется хаосу, вносит в мир «стройность», способствует «охранению, утверждению жизни на земле»²⁷. В.И. Вернадский размышляет о феномене жизни, растущей, усложняющейся, движущейся вперед, и о человеке как авангарде природно-космического бытия, разум которого является «великой геологической, быть может, космической силой»²⁸ и должен быть употреблен не на «само- и взаимоистребление»²⁹, а на творческое преобразование мира, на созидание ноосферы, представляющей собой отнюдь не «надстройку» над биосферой, а новое, творчески организованное ее состояние, в котором действуют факторы духовного, нравственного порядка,

²⁶ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 189 [17].

²⁷ См.: Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 122, 128 [19].

²⁸ См.: Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 288 [20].

²⁹ См.: Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 308 [21].

а созданные человеком умные вещи, технические изобретения и шедевры культуры – книги, художественные и графические полотна, архитектурные сооружения, музыкальные произведения, театральные постановки, кинокартины... – не вытесняют природное, а щедро дополняют его. Другое дело, что человек, творящий культуру, не должен утрачивать внутренней связи с Творцом, от Которого получает он свой талант. Он призван быть проводником логосного начала в мир, а не эстетизировать хаос, вступая в черную синергию с «имущим державу смерти» (Евр. 2:14).

И естественно-научный, и религиозно-философский дискурс космизма направлены на оправдание человека, призванного «в познаваемом им мире»³⁰ быть созидателем. Человек – водитель твари к Царствию Божию (для христианских космистов) и человек – строитель ноосферы (для космистов-ученых) – это два языка описания феномена человека как ключевого фактора развития не только Земли, но и Вселенной, как авангарда жизни, сознающей себя через человека и через человека начинающей «управлять собою», идя к «совершенству, или такому состоянию, достигнув которого», природа, как пишет Федоров, «уже ничего разрушать не будет, а все в эпоху слепоты разрушенное восстановит, воскресит»³¹. При этом от самого человека, действующего и творящего в мире, требуются нравственное усилие, неустанное собирание себя, высветление своей духовной и телесной природы, целостный внутренний рост. Этот внутренний рост предстает как необходимое условие и одновременно как проявление того «космического роста»³², которым, по убеждению В.С. Соловьева, характеризуется всемирное бытие и который в конечном итоге призван привести к преодолению смерти как апофеоза энтропийных, разрушительных сил, предельного зла, стремящегося жизнь и человека.

Человек – существо сознающее и одновременно, по точному выражению Федорова, «чувствующее утраты»³³. В сознании смертности и скорби о смерти другого – проявление личностного начала в нем и его коренное отличие от других, больших и малых, насельников природного мира, что покорно участвуют в круговороте вещества, проживают свой краткий срок на земле и бесследно уходят в небытие. В гармонии природы, оплаченной мириадами жизней, он не может найти себе места. Его положение в ней трагично и безысходно, о чем с огромной художественной силой поведал Ф.И. Тютчев в философском фрагменте «Певучесть есть в морских волнах...», рисуя фатальный, непреодолимый

³⁰ См.: Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире. С. 114.

³¹ См.: Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновы. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 239 [22].

³² Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 630 [23].

³³ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение. С. 393.

«разлад» человека с бессознательно-живущим природным целым. Сформировавшаяся в лоне космизма идея восходящей эволюции, согласно которой развитие природных форм идет по линии усложнения нервной ткани живого, а с появлением человека начинается новый, активно-творческий ее этап³⁴, дает возможность понять разлад человека с природой как временный, который должен быть преодолен созидательным действием человека, регуляцией, опирающейся на единство науки и этики. Для философов-космистов наличный статус природного мира не вечен. Сам человек являет в себе новую, более совершенную стадию развития жизни, в лоне которой зародилась мысль. Вот как пишет об этом В.И. Вернадский, вступая в диалог с Тютчевым через время: «“Мыслящий тростник” – создатель науки в биосфере – здесь может и должен судить о геологическом ходе явлений по-иному, ибо сейчас впервые он научно понял свое положение в организованности планеты» [24, с. 293].

В работе «Научная мысль как планетное явление», ставшей развернутым обоснованием концепции перехода биосферы в ноосферу, ученый подчеркивал, что с появлением человека открывается «новая геологическая эра» в истории планеты – «психозойская, или антропогенная»³⁵, где ведущую роль играет его творческий разум, научная мысль. Более того, Вернадский утверждал, что мыслящая стадия, на которую восходит жизнь с появлением человека, является значимым фактором в эволюции не только земли, но и Космоса. Явления жизни и человека он вводил в космологию, представляя эволюцию Вселенной и эволюцию жизни как единый процесс. Сама «огромность Космоса по сравнению с ничтожным объемом охваченного жизнью пространства» свидетельствовала, с его точки зрения, о «неслучайности жизни», о ведущей роли человеческого разума в мире³⁶ и одновременно о поистине вселенской его ответственности, которая в философии русского космизма неразрывна с любовью.

П.А. Флоренский, ученый, богослов и священник, предложивший в переписке с В.И. Вернадским термин «пневматосфера» для обозначения вещества биосферы, вовлеченного в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа»³⁷, так определял меру ответственности человека за бытие: «Мир, образ Софии, есть Мать, Невеста и Жена образа Христова – Человека, ему подобная, ждущая от него заботы, ласки и оплодотворения духом. Человеку-мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать ее и ходить за нею, управлять ею, ведя ее к просветлению и одухотворению и направляя ее стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари ее изначальный

³⁴ См. подробнее: Семенова С.Г. Созидание будущего: Философия русского космизма. С. 18–32.

³⁵ См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 253, 262, 268 [24].

³⁶ Вернадский В.И. [Запись в дневнике от 14 мая 1928 г.] // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 58 [25].

³⁷ Флоренский П.А. Письмо В.И. Вернадскому // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 165 [26].

космос» [27, с. 440]. Взаимодействие между антропосом и космосом не субъект-объектно, как в прометеистической модели, утвердившейся в цивилизации Нового и Новейшего времени, где человек стремится к доминированию над миром, к *потребительскому* его использованию, а субъект-субъектно, строится на идеале всеединства, на принципе неслиянности-нераздельности, манифестацией которого является Троица, единство Божественных Лиц, питаемое любовью.

Проектируя будущее, философы-космисты стремились к радикальной перезагрузке всех сфер человеческой практики. Они утверждали идею *ценностно-ориентированной экономики*, воплощающей заповедь «обладания землей», данную Творцом человеку, выводя формулу «Мир как хозяйство»³⁸. Они являлись апологетами *христианской политики*, полагающей в основу международных отношений евангельскую заповедь о любви, идеал Богочеловечества, подчеркивая, что всечеловеческое единство народов не означает стирания национальных различий, ибо свою лепту в созидание ноосферы призван внести каждый, большой и малый, народ, и выступали за преобразование социальных отношений и связей на основе идеала соборности. Они были убеждены: «проект будущего меняет настоящее»³⁹. От того, каким мы полагаем грядущее, зависят наши действия здесь и сейчас. Принципы построения будущего оказываются способны воздействовать на принципы устройства наличного мира, на векторы развития всех его областей – от экономики и политики до науки и культуры, педагогики и медицины, техники и технологий. Именно это воздействие и меняет мир изнутри, приближая реализацию проекта будущего, устремляясь от «истории как факта», как «взаимного истребления друг друга и самих себя» через «историю как проект»⁴⁰, выдвигающую целый спектр планетарно-космических задач, к «истории как акту», в которой человечество обращается к решению этих задач. От эксплуатации ресурсов земли человеческий род переходит к сознательно-творческому управлению естественными процессами, основанному на единстве фундаментального знания и этической ответственности.

В философии русского космизма формировались основания гармоничной, аксиологически ориентированной модели развития, крайне значимой в наши дни, когда мир захлестывает антропологический и ценностный кризис, когда у землян, вступивших в III тысячелетие, по-прежнему нет ответа на вопрос «чего ради создан человек?» и нет уверенности в том, что человек мирозданию нужен. Напротив, налицо стремление не просто редуцировать, но радикально отменить человека. В фильме «Матрица» агент Смит называет человечество болезнетворным

³⁸ Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 47 [28].

³⁹ См.: Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Муравьев В.Н. Соч.: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 60 [29].

⁴⁰ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. С. 138.

«вирусом», поражающим тело Земли. Сегодня все чаще, громче и требовательнее звучит приговор: «Биомусор!», все агрессивнее человечество представляется даже не бесполезным, а прямо опасным и вредным наростом на теле Земли, который должен быть уничтожен. Стремительно набирающие популярность концепции постгуманизма отказываются от представления о человеке как водителе бытия к совершенству, низводят его на один уровень с другими формами жизни, элиминируют эволюционную значимость сознания и творческой деятельности человека, более того – считают их прямо вредными, наносящими непоправимый ущерб бытию.

С точки зрения философии космизма негация человека антиэволюционна. По сути, это отказ от восхождения мира в новое качество, откат к предыдущим ступеням развития, ибо с появлением человека именно он становится ключевым звеном развертывания жизни – мыслящей, чувствующей, созидающей. Биосфера рождает *homo sapiens* как сознательное и творческое орудие своего дальнейшего разворачивания – с Земли во Вселенную. И необходим не отказ от активности человека в природе, а трансформация принципов, форм и методов этой активности на основе этики общего дела, принцип которой Федоров выразил афоризмом: «Нужно жить *не для себя и не для других, а со всеми и для всех*» [8, с. 279].

Список литературы

1. Федоров Н.Ф. Статьи и заметки о Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.С. Соловьеве // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 3–100.
2. Федоров Н.Ф. Как нужно читать Евангелие? (К XIX вековому юбилею христианства) // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 399–400.
3. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 388–441.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека // Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 34–322.
5. Семенова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Тейяр де Шарден. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2009. 672 с.
6. Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с.
7. Шушаков Е.С. Генезис термина «ноосфера» и его использование П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105.
8. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
9. Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 3–38.
10. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. 584 с.
11. Гачева А.Г. В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров: История творческих взаимоотношений // Н.Ф. Федоров: *pro et contra*. В 2 кн. Кн. 1. М.: РХГИ, 2004. С. 844–937.
12. Соловьев В.С. Письма Евгению Тавернье // Соловьев В.С. Собр. соч. Письма и приложения. Фототипическое издание. Т. 4. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. С. 205–228.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.

14. Соловьев В.С. Записная книжка // Логос. Диалог Восток – Запад. № 50. Брюссель; Мюнхен; М.: Изд-во, 1995. С. 267–287.
15. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
16. Сетницкий Н.А. О конечном идеале // Сетницкий Н.А. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 61–530.
17. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. XI–XII. Эпилог // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 5–197.
18. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 37–311.
19. Умов Н.А. Роль человека в познаваемом им мире // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 114–128.
20. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 288–303.
21. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 303–311.
22. Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 239.
23. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626–634.
24. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 242–469.
25. Вернадский В.И. [Запись в дневнике от 14 мая 1928 г.] // Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934 / сост. В.П. Волков. М.: Наука, 2001. С. 58.
26. Флоренский П.А. Письмо В.И. Вернадскому // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 162–165.
27. Флоренский П.А. Макрокосм и микрокосм // Флоренский П.А. Соч.: в 4 т. Т. 3(1). М.: Мысль, 2000. С. 440–447.
28. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 47–297.
29. Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда // Муравьев В.Н. Соч.: в 2 кн. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 5–120.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. Smysl tvorchestva [The meaning of creativity], in Berdyaev, N.A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* v 2 t., t. 1 [Philosophy of creativity, culture and art in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 37–311.
2. Bulgakov, S.N. Filosofiya khozyaystva [Philosophy of the Economy], in Bulgakov, S.N. *Sochineniya* v 2 t., t. 1 [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 47–297.
3. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Kn. I–X [The Brothers Karamazov. Book I–X], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy* v 30 t., t. 14 [Complete works in 30 vols., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 5–508.
4. Fedorov, N.F. Stat'i i zametki o F.M. Dostoevskom, L.N. Tolstom, V.S. Solov'evе [Articles and notes about F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.S. Solovyov], in Fedorov, N.F. *Sochineniya* v 4 t., t. 4 [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 3–100.
5. Fedorov, N.F. Kak nuzhno chitat' Evangelie? (K XIX vekovomu yubileyu khristianstva) [How

should the Gospel be read? (On the 19th anniversary of Christianity)], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t.*, t. 3 [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 399–400.

6. Fedorov, N.F. Supramoralizm, ili Vseobshchiy sintez, t.e. vseobshchee ob"edinenie [Supramoralism, or Universal Synthesis, so Universal Unification], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t.*, t. 1 [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 388–441.

7. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva [The question of brotherhood, or kinship, about the causes of the non-fraternal, unrelated, i.e. non-peaceful, state of the world and about the means to restore kinship], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t.*, t. 1 [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.

8. Fedorov, N.F. Samoderzhavie [The Autocracy], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t.*, t. 2 [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 3–38.

9. Fedorov, N.F. Kto nash obshchiy vrag, edinyy, vezde i vseгда prisushchiy, v nas i vne nas zhivushchiy, no tem ne menee vrag lish' vremennyy [Who is our common enemy, the one, everywhere and always present, living in us and outside of us, but nevertheless the enemy is only temporary], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t.*, t. 2 [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 239.

10. Florenskiy, P.A. Makrokosm i mikrokosm [Macrocosm and microcosm], in Florenskiy, P.A. *Sochineniya v 4 t.*, t. 3(1) [Collected Works in 4 vols., vol. 3(1)]. Moscow: Mysl', 2000, pp. 440–447.

11. Murav'ev, V.N. Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda [Mastering Time as the Main Task of Labor Organization], in Murav'ev, V.N. *Sochineniya v 2 kn.*, kn. 2 [Works in 2 books, book 2]. Moscow, IMLI RAN, 2011, pp. 5–120.

12. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [Justification of Goodness], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t.*, t. 1 [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 47–580.

13. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vsemirnoy istorii [Three Conversations About War, Progress and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t.*, t. 2 [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 635–762.

14. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of the Übermensch], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t.*, t. 2 [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 626–634.

Individual Work

15. Florenskiy, P.A. Pis'mo V.I. Vernadskomu [Letter to V.I. Vernadsky], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993, pp. 162–165.

16. Setnitskiy, N.A. O konechnom ideale [About the ultimate ideal], in Setnitskiy, N.A. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 61–530.

17. Solov'ev, V.S. Pis'ma Evgeniyu Tavern'e [Letters to Evgeny Tavernier], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. Pis'ma i prilozheniya. Fototipicheskoe izdanie. T. 4* [Collected Works. Letters and Appendices. Phototyped Edition. Vol. 4]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 205–228.

18. Teyyar de Sharden, P. Fenomen cheloveka [The Phenomenon of Man], in Teyyar de Sharden, P. *Fenomen cheloveka. Vselenskaya messa* [The Phenomenon of Man. Universal Mass]. Moscow: Ayris-press, 2002, pp. 34–322.

19. Umov, N.A. Rol' cheloveka v poznavаемom im mire [The Role of Man in the World he knows], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993, pp. 114–128.

20. Vernadskiy, V.I. Avtotrofnost' chelovechestva [Humanity's autotrophy], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993, pp. 288–303.

21. Vernadskiy, V.I. Neskol'ko slov o noosphere [A few Words about the Noosphere], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: An anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993, pp. 303–311.

22. Vernadskiy, V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon], in Vernadskiy, V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Ayris-pres, 2004, pp. 242–469.

23. Vernadskiy, V.I. [Zapis' v dnevnike ot 14 maya 1928 g.] [Diary entry dated May 14, 1928], in Vernadskiy, V.I. *Dnevnik: 1926–1934* [Diaries from 1926 to 1934]. Moscow: Nauka, 2001, p. 58.

(Articles from Scientific Journals)

24. Shushakov, E. Genezis termina «noosfera» i ego ispol'zovanie P. Teyyarom de Shardenom i V.I. Vernadskim [Genesis of the Term Noosphere and its use by P. Teilhard de Chardin and V.I. Vernadsky], in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2020, issue 87, pp. 87–105.

25. Solov'ev, V.S. Zapisnaya knizhka [Notebook], in *Logos. Dialog Vostok – Zapad. Vyp. 50* [Logos. East–West Dialogue. Issue 50]. Bryussel'; Myunkhen; Moscow, 1995, pp. 267–287.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

26. Gacheva, A.G. V.S. Solov'ev i N.F. Fedorov: Istoriya tvorcheskikh vzaimootnosheniy [V.S. Solovyov and N.F. Fedorov: The history of creative relationships], in *N.F. Fedorov: pro et contra. In 2 books, book 1*. Saint-Petersburg: RKHGI, 2004, pp. 844–937.

(Monographs)

27. Semenova, S.G. *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo kosmizma* [Creating the Future: The Philosophy of Russian Cosmism]. Moscow: Nookratiya, 2020. 458 p.

28. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov* [The philosopher of the next century, Nikolai Fedorov]. Moscow: Pashkov dom, 2004. 584 p.

29. Semenova, S.G. *Palomnik v budushchee: P'er Teyyar de Sharden* [A Pilgrim to the Future. Pierre Teilhard de Chardin]. Saint-Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2009. 672 p.

УДК 140.8
ББК 87.3(2)6-688

Ольга Даниловна Куракина

Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Россия, Москва, e-mail: kurakina.od@mipt.ru

Екатерина Валерьевна Афонина

Московский физико-технический институт (Национальный исследовательский университет), аспирант Физтех-школы аэрофизики и космических технологий, Россия, Москва, e-mail: EkaterinaVAfonina@yandex.ru

От полета мысли русских космистов к становлению Космического антропоса

Аннотация. Русский космизм рассматривается в широком культурологическом смысле как мироощущение, мирозерцание, миропонимание единого гармонического целого национального космоса. Философия русского космизма, в отличие от космических представлений отдельных мыслителей былых веков, анализируется в свете современных вызовов, связанные с зарождением новой «космической эпохи», предсказанной Н.А. Бердяевым, и с началом программы освоения космоса. Исследуется возникновение философии русского космизма и становление двух ее естественнонаучных школ: освоение космического пространства (космонавтика К.Э. Циолковского) и разумная организация планетарного космоса (ноосфера В.И. Вернадского). Полет мысли философов-космистов (К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, Н.Ф. Федорова, Н.А. Бердяева и др.) рассматривается как вдохновляющий ориентир для творцов и конструкторов практической космонавтики, таких как С.П. Королев, Н.И. Тихомиров, Б.В. Раушенбах и др. Философия русского космизма в современных условиях всеобщей цифровизации анализируется в контексте генезиса ответов на вызовы современной эпохи. В качестве альтернативы устоявшимся решениям предлагается космизация общественной жизни, сознания и образования. Делается вывод, что решение этой задачи потребует изменений, в том числе, и в образовательной сфере за счет все большей фундаментальности образования, формирования «космической педагогики». Высказывается убеждение, что на смену безответственному отношению к природному космосу, порожденному потребительским этосом науки наших дней, должна прийти этика человека ответственного за все процессы, происходящие на планете – этика Космического антропоса.

Ключевые слова: русский космизм, космонавтика, ноосфера, антропокосмизм, космическая педагогика, цифровизация

Olga Danilovna Kurakina

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), PhD in Philosophy, Professor of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, Doctor of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: kurakina.od@mipt.ru

Ekaterina Valeryevna Afonina

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), PhD student of the Physics and Technology School of Aerophysics and Space Technologies, Russia, Moscow, e-mail: EkaterinaVAfonina@yandex.ru

From the flight of thought of Russian cosmists to the formation Cosmic anthropos

Abstract. Russian cosmism is considered in a broad cultural sense as a sense of the world, a contemplation of the world, and an understanding of the world as a single harmonious national cosmos. The philosophy of Russian cosmism, unlike the cosmic ideas of individual thinkers of past centuries, is analyzed in the light of modern challenges associated with the birth of a new “space age” predicted by N.A. Berdyaev and with the beginning of a space exploration program. The article examines the emergence of the philosophy of Russian cosmism and the formation of two of its natural science schools: space exploration (cosmonautics, K.E. Tsiolkovsky) and the intelligent organization of planetary space (V.I. Vernadsky's noosphere). The flight of thought of cosmist philosophers (K.E. Tsiolkovsky, A.L. Chizhevsky, V.I. Vernadsky, N.F. Fedorov, N.A. Berdyaev, and others) is considered as an inspiring guideline for creators and designers of practical cosmonautics, such as S.P. Korolev, N.I. Tikhomirov, B.V. Rauschenbach, and others. The philosophy of Russian cosmism is analyzed in the context of the genesis of responses to the challenges of the modern era, offering the cosmization of public life, consciousness, and education as an alternative to established solutions. It is concluded that addressing this task will require changes in the educational sphere, including greater fundamentalness of education and the formation of “cosmic pedagogy”. The article argues that the irresponsible attitude toward the natural cosmos, generated by the consumer ethos of contemporary science, should be replaced by the ethics of a person responsible for all processes taking place on the planet – the ethics of the Cosmic Anthropos.

Key words: Russian cosmism, cosmonautics, noosphere, anthropocosmism, space pedagogy, digitalization

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.041-055

*От полета мысли к полету в небеса,
Где звездные узоры, – раскрытые врата.
Туда, где неизвестность сливается с мечтой, –
Антропос Космический стал для нас судьбой.*

Русский космизм в культурологическом смысле можно рассматривать как мироощущение, мирозерцание, миропонимание космоса как единого гармонического целого. В этом первичном, архетипическом, значении «русский космос» – это «русский мир», «русский лад» как характерное выражение для обозначения культурного уклада всей жизни русского народа. Русский космос – это русский мир, миропорядок, стиль жизни и, наконец, русская культура, укоренен-

ная в православном «культе». Русский космизм относится к предельно широкому понятию «русская культура», культура «должного быть», взятая в ее идеальном, проективном значении. В этом смысле русский космизм – это «космософийный идеал», национальный проект «обустройства тварного мира, который на протяжении тысячелетий созидал и продолжает созидать неповторимый Русский мир»¹. Относительно разнородных предметов исследования необходимо проводить различие между социокультурным феноменом космизма – космическими представлениями о мире в целом, существующими в любой национальной культуре, нашедшими свое отражение в искусстве, религии, философии и науке, и философским дискурсом. Русский космизм как философское направление, в отличие от космических представлений отдельных мыслителей былых веков, возникает в ответ на современные вызовы, связанные с зарождением новой «космической эпохи» и программой освоения космоса.

В философии русского космизма можно выделить три основных направления: естественно-научное, религиозно-философское и эстетико-художественное, имеющие свои особые характерные черты. Выделение этих направлений в философии русского космизма явилось следствием философского осмыслением трех разнородных предметов исследования: научного миропредставления, религиозного мирозерцания, художественного мировосприятия в литературе, живописи, музыке, архитектуре. В каждом направлении, в свою очередь, можно выделить течения, при достаточной проработанности образующие соответствующие школы, возводимые к мыслителям прошлого. Религиозно-философское направление философии русского космизма включает в себя: «активно-эволюционное христианство», восходящее к «Общему делу» Н.Ф. Федорова; «софиокосмизм» В.С. Соловьева; «космоорганицизм» Н.О. Лосского; «теософский космизм» Н.К. и Е.И. Рерихов. Поэтико-художественное направление, задаваемое нарративом «отражение космоса», носит индивидуальный характер и может вписаться в общий культурный контекст космической гармонии как символическое отражение различных ее аспектов.

Естественно-научное направление обычно рассматривают в тесной связи с космонавтикой, полетами в космос, освоением космического пространства. Запуск первого искусственного спутника Земли, отправка в космос первого человека Ю.А. Гагарина, выход в открытое космическое пространство А.А. Леонова закрепили за страной статус космической державы. Освоение космоса было одним из приоритетных направлений послевоенного развития Советского Союза, что сказалось на появлении в философском дискурсе нового философского направления – русского космизма. Это привело к формированию устойчивого убеждения (особенно характерного для научно-технической интеллигенции),

¹ См.: Куракина О.Д. Философская культура отечественного самосознания. Русский космизм. М.: МФТИ, 2014. С. 170 [1].

что русский космизм, прежде всего, связан с философскими идеями К.Э. Циолковского о полетах в космос и его «Космической философией». Несомненно, полет мысли философов-космистов (К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского, Н.Ф. Федорова и др.) стал вдохновляющим ориентиром для творцов и конструкторов практической космонавтики, таких как С.П. Королев, Ф.А. Цандер, Н.И. Тихомиров, Б.В. Раушенбах и др. Инженеры – творцы технического прогресса, ковавшие «пламенные крылья своей стране и веку своему» (как гласит надпись из стихотворения брянского поэта Н.М. Грибачева на монументе К.Э. Циолковскому в Москве), искренне разделяли идеи философов-космистов. Вопреки системе с ее утилитарно-прагматическими целями, они боролись за осуществление грез о мирном покорении космического пространства. В библиографических трудах современника космических событий прошлого века С.Г. Ветрова, посвященных академику и главному конструктору С.П. Королеву, приводятся уникальные архивные материалы и воспоминания об основоположнике практической космонавтики, в которых сам конструктор неоднократно демонстрировал свою увлеченность идеями о покорении внеземного пространства, расселении человечества во Вселенной. Такой же путь развития человечества видел и основоположник теоретической космонавтики К.Э. Циолковский, труды которого стали для главного конструктора «олицетворением прошлого, настоящего и будущего космонавтики»². Немало воспоминаний о личности С.П. Королева оставил и один из его выдающихся сподвижников Б.В. Раушенбах, писавший, что в условиях, когда его деятельность воспринималась как «чуждачество изобретателей»³, Сергей Павлович смог сохранить веру в грандиозность его свершений и их важность для будущего всего человечества. Наследие великого конструктора сложно переоценить, ведь помимо технических достижений, его незавершенные труды по полетам к другим планетам являются сегодня источником вдохновения для новых деятелей космической отрасли, так как именно его кропотливый труд предшествовал зарождению космической отрасли и положил начало освоению человечеством внеземного пространства. Но исследование генезиса философии русского космизма показало (о чем пойдет речь позднее), что со временем пантеон мыслителей, философов-космистов, существенно стал расширяться.

В связи с развитием космонавтики программой «освоения космоса» в ситуации непримиримого ракетно-ядерного противостояния двух систем, социализма и капитализма, возникла необходимость популяризации в обществе идеи освоения космоса, в том числе и в целях привлечения в космическую отрасль наиболее талантливой молодежи. После первого полета в космос для идеологического обоснования «космической программы» стали проводиться различные

² См.: Ветров Г.С. С.П. Королев и космонавтика. Первые шаги. М.: Наука, 1994. С. 201 [2].

³ См.: Раушенбах Б.В. Сергей Павлович Королев // С.П. Королев. Ученый. Инженер. Человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников: сб. ст. М.: Наука, 1986. С. 375 [3].

конференции по истории авиации и космонавтики с публикацией трудов научных обсуждений. Неслучайно именно на «Циолковских чтениях», посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского» в Калуге появилось и первое терминологическое оформление столь востребованного философского осмысления концепта «освоения космоса» в контексте философских идей основателя космонавтики. После доклада «Из истории русского космизма» Н.К. Гаврюшина на «Циолковских чтениях» и последующей его публикации в трудах конференции термин «русский космизм» входит в научный обиход и приобретает определенный научный статус. Гаврюшин пишет о том, как вслед за распространением в России «нового космического мировоззрения», захватившего после «коперниковской революции» лучшие европейские умы, благодаря первому изданию в 1717 году русского перевода «Книги мировоззрения» Х. Гюйгенса, получили известность «учение об обитаемости планет и сюжет космического путешествия»⁴. Гаврюшин является не только автором термина, но одним из первых выразителей первоначального концепта философии русского космизма как «мировоззренческой основы теоретической космонавтики», по сути – философии науки, в частности – космонавтики. Согласно этой версии, русский космизм вышел из европейского космизма и является его составной частью, отнюдь не «вариантом мирового космизма», ибо последний включает в себя более широкое смысловое наполнение. В статье, посвященной Циолковскому и датированной 1976 годом, Гаврюшин пишет: «Космизм – комплексное естественно-научное и натурфилософское течение в европейской науке и культуре XIX–начала XX в., ориентированное на постижение и осмысление роли космических факторов в различных земных процессах» [5, с. 114]. В эти годы «программа освоения космоса» и «космизм» являлись синонимичными выражениями и базировались на утверждении представления «о пространственно-временной и материальной однородности Вселенной».

По другой версии, которую можно соотнести с зарождением планетарно-организационного направления отечественного космизма, автором термина «русский космизм» является философ Р.А. Гальцева. В статье о В.И. Вернадском в «Философской энциклопедии» она интерпретирует суть философии русского космизма как представление о единстве Вселенной и человека, предполагающего разумную, ноосферную регуляцию, вплоть до «преобразования космоса»⁵. Информирова читателей о так называемом (т.е. уже существующем в конце 60-х годов) «натурфилософском» направлении, она прописывает и его кредо, восходящее к Вернадскому (в скобках относит к космизму Циолковского, Чижевского и лишь «отчасти» Федорова и Флоренского). В отличие от ракетно-

⁴ См.: Гаврюшин Н.К. Из истории русского космизма. Калужский журнал «Уrania» 1804 г. // Труды V и VI Чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. М.: ИИЕТ АН СССР, 1972. С. 104 [4].

⁵ См.: Гальцева Р.А. Вернадский // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 624 [6].

космического освоения космического пространства, более популярного вследствие своей очевидности, восходящего к «Космической философии» К.Э. Циолковского, речь идет о «космопланетарном» смысле термина, который возводится к В.И. Вернадскому с его концептом ноосферной организации планетарного космоса. Это позволяет говорить, по крайней мере, о двух течениях («освоение космоса» внеземного и «организация космоса» планетарного) в естественно-научном направлении русского космизма.

Очередной вызов современной технократической эпохи, ставящий на повестку дня вопрос о гибели всего живого в результате загрязнения биосферы отходами промышленно-хозяйственной деятельности человека, приводит к актуализации ноосферно-экологической проблематики. В свою очередь, перед научным сообществом была поставлена задача просчитать как скорые, так и отдаленные последствия заявленных рисков, которая нашла решение, в первую очередь, в создании «математической модели ядерной зимы»⁶ (уничтожения жизни на земле), определенным образом повлиявшей на сдерживание применения ядерного оружия. Существенную роль в решении этой задачи сыграл научный коллектив математиков Вычислительного центра Академии наук, возглавляемый Н.Н. Моисеевым, создавшим собственную школу математического моделирования глобальных процессов, одной из центральных идей которой была идея сознательной «коэволюции человека и биосферы»⁷. Ноосферно-экологическая проблематика, восходящая к учению о ноосфере Вернадского, стала ключевой темой и постоянно действующего междисциплинарного семинара под руководством Н.Н. Моисеева, которого с полным правом можно назвать главой школы «организации и управления планетарным космосом» – главой физтеховской «космопланетарной школы» естественно-научного направления русского космизма.

В рамках «космопланетарной школы» появилась и первая современная интерпретация смыслового поля философии русского космизма в его непосредственной связи с идеями Н.О. Лосского о «мире как органическим целым»⁸. Об этом более углубленном раскрытии смыслов философии русского космизма вспоминает непосредственный участник формирования еще одного концепта Ф.И. Гиренок, диплом которого так и был озаглавлен: «Проблемы разума в истории русского космизма» (1976 г.). Гиренок пишет о том, как в конце 70-х годов XX в., занимаясь изучением генезиса концепции ноосферы В.И. Вернадского, он перечитал сочинения многих русских философов и ученых и в результате «придумал теорию “Русского космизма”, к которому отнес и Вернадского»⁹. Статью

⁶ См.: Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество. Проблема формализации описания. М.: Наука, 1982. 240 с. [7].

⁷ Там же.

⁸ См.: Лосский, Н.О. Мир как органическое целое. М.: Директ-Медиа, 2008. 285 с. [8].

⁹ См.: Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. С. 7 [9].

о «возникновении феномена русского космизма» опубликовать сразу (по идеологическим причинам) ему не удалось; лишь в 1984 г. его работу прочел академик Н.Н. Моисеева и поддержал публикацию в издательстве «Наука» его книги «Экология. Цивилизация. Ноосфера» (1987 г.), значительно расширяющую тематику русского космизма за счет ноосферно-экологической проблематики. В параграфе с многообещающим названием «Феномен русского космизма: онтология целостного восприятия мира» Гиренок определяет русский космизм как «умонастроение» группы русских писателей, ученых и философов, «объединенных идеями космизма», среди которых, называет имена В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского, Н.Ф. Федорова, Н.А. Морозова, А.В. Сухова-Кобылина и др. Установку технократического космизма на «возвращение жизни в космос» как операцию «по доставке в космос живых организмов» Гиренок предлагает интерпретировать посредством возвращения к основаниям живого мироздания Н.О. Лосского, утраченным в результате «изгнания жизни из космоса» в онтогносеологии новоевропейской науки. Тем самым технократический концепт философии русского космизма Гиренок расширяет до русского космизма как умонастроения, целостного восприятия «всей бесконечности мировых связей», «населая космос живыми и сознательными существами»¹⁰.

Заметным событием начального периода становления русского космизма как общеполитического направления является переиздание в 1982 году отдельной книгой избранных сочинений Н.Ф. Федорова со вступительной статьей С.Г. Семеновой. В своих выступлениях на Федоровских семинарах и конференциях она не раз вспоминала о том, с какими невероятными трудностями идеологического характера ей пришлось столкнуться, прежде чем сочинение Федорова вышло в печать. Во вступительной статье, по цезурным соображениям, Федоров представлен как самобытный мыслитель, намного опередивший свое время, но без его связи с русским космизмом. Однако сам факт знакомства широкого круга читателей с идеями оригинального мыслителя о расселении «воскрешаемых поколений» по всему космосу привел к тому, что все последующие исследователи стали включать Федорова в число основателей философии космизма. Только в юбилейный год 125-летия со дня рождения В.И. Вернадского в историко-публицистическом журнале «Прометей» в контексте «активно-эволюционной мысли» Вернадского и Федорова была предложена концепция религиозно-философского направления русского космизма¹¹.

Естественно-научное направление русского космизма, первоначально возникшее в виде двух научных школ, концепты которых были связаны с «освоением внеземного космоса» и «управлением планетарным космосом», с развитием информационно-компьютерных технологий демонстрирует появление на

¹⁰ См.: Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. С. 158 [10].

¹¹ См.: Семенова С.Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. 1988. Т. 15. С. 221–248 [11].

научном горизонте новой технологической школы. С взрывным развитием цифровых технологий в недрах научной физико-технической традиции возникает тенденция нового прочтения организации планетарного космоса посредством «цифровизация ноосферы». Глобальная эпидемия ковида и последующие вынужденные пандемийные ограничения, ускорившие всеобъемлющее внедрение дистанционно-цифровых технологий, привели к возникновению нового, «цифрового» облика наступившей космической эпохи. Этот облик обуславливает, с одной стороны, процесс формирования глобальной информационной среды, которую можно рассматривать как операционно-технологическая поддержка коллективного «сознания ноосферы». С другой стороны, создание единого информационного поля и притязание на контроль за его содержанием порождает непредвиденные риски реализации негативного влияния отдельных технически более оснащенных социальных групп или государств на ментальное и духовное состояние локального и глобального социума.

Технологии сами по себе, космические или информационные, еще не являются гарантией того, что ноосфера станет той самой «сферой разума», о которой мечтал В.И. Вернадский, как естественное продолжение биосферы, развитие которой происходит под действием научной мысли и труда в интересах человечества. В XXI веке, когда оцифровка ноосферы становится реальностью наших дней, на повестку дня выходят новые вызовы, ответы на которые мы можем вновь найти у нашего гениального мыслителя пророческого склада Н.А. Бердяева. В докладе «Духовное состояние современного мира» (1931 г.) он пишет о том, что все в мире находится «под знаком кризиса»¹², который касается, в том числе, и технической оснащённости человека, ибо вопрос о технике стал в современном мире вопросом о судьбе человека. Бердяев за сто лет до цифровой трансформации ноосферы предупреждает, что техника будет иметь все более глубокое значение, ибо «она имеет космогоническое значение», она создает совершенно новую действительность. Эта действительность, порождаемая техникой, изучаемая механикой, физикой и химией, которой не было в истории мира до научно-технических открытий и изобретений, образовала совершенно новый, машинно-технологический мир, который не является просто порождением механической машины, ибо в машине присутствует разум человека, в ней действует «телеологический принцип». Техника дает в руки человека, согласно Бердяеву, «страшную, небывалую силу, силу, которой может быть истреблено человечество», и его судьба будет уже зависеть от духовного состояния человека: «Техника войны, грозящая почти космической катастрофой, ставит духовную проблему техники во всей остроте. Техника есть не только власть человека над природой, но и власть человека над человеком, власть над жизнью людей» [12, с. 489].

¹² См.: Бердяев А.Н. Духовное состояние современного мира // Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 485 [12].

Пророческое предвидение Н.А. Бердяева о возможных проблемах, возникающих в наше время при наступлении новой цифровой действительности, вновь ставит перед человечеством вопросы о «духовной основе» происходящий перемен. Эти проблемы, переходя из разряда теоретических построений в практическую сферу, начинают привлекать все большее внимание наших современников и обсуждаются на многочисленных конференциях, посвященных гуманитарным аспектам повсеместного внедрения цифровых технологий. Специалист в области проблематики «цифрового будущего» нашей страны, профессор Г.Г. Малинецкий в своей работе «Перспективы и риски цифровой реальности» (2019 г.) анализирует положительные и отрицательные стороны цифровой трансформации общественной жизни как для общества в целом, так и для отдельного человека. В оцифрованном мире, где машины способны решать быстрее и компетентнее многие производственные задачи, человек все чаще вытесняется, становясь «ненадежным и уязвимым звеном», который при известной степени обобщения может быть исключен из системы принятия решения¹³. В своих прогнозах классик русского космизма Н.А. Бердяев идет дальше, поясняя свои рассуждения тем, что именно в наше материалистическое время все приобретает «духовное значение»: «Техника, порожденная духом, материализует жизнь, но она же может способствовать и освобождению духа, освобождению от сращенности с материально-органической жизнью. Она может способствовать и одухотворению. Техника означает переход всего человеческого существования от организма к организации» [11, с. 489–490].

Цифровая реальность, поддерживаемая развивающимися космическими технологиями – спутниковыми системами связи и космическим интернетом, является несомненным благом, делающим обыденную жизнь значительно комфортнее, но при этом все более уязвимее для влияния внешних по отношению к системе воздействий. Беспилотные виды транспорта в симбиозе с космическими технологиями демонстрируют гораздо более быструю реакцию на происходящее на дорогах, чем человек, что, казалось бы, делает движение и логистику более безопасными. Но эти же технологии могут быть использованы для разрушения отлаженной системы дорожного движения в условиях гибридных войн за доминирование одних социальных групп над другими. Особую роль при этом начинают играть социальные сети, которые могут использовать человеческий фактор для вмешательства в отлаженные механизмы цифровой автоматизации. Социальные сети становятся неотъемлемой частью жизнью общества, создавая виртуальные сообщества людей, объединенных общими интересами, предпочтениями и проблематикой. Обезличенность такого общения позволяет человеку примерять на себя любые произвольные роли в угоду моде или желанию возвы-

¹³ См.: Малинецкий Г.Г. Перспективы и риски цифровой реальности // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXIII Междуна. науч.-практ. конф. Ч. 1. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 56 [13].

ситься над другими, не считаясь ни с какими моральными принципам. «Облачные» сообщества молодежи получают возможность образовывать свой особый вид социума, живущего по своему неписанному уставу, по своим правилам и ценностям, которыми с тем большим успехом можно манипулировать, чем более технически вооружен внешний «манипулятор-кукловод» и чем более закрытым является это сообщество. «Виртуальное человечество» постепенно становится частью ментального пространства социума, которое в современной точке бифуркации с почти равной степенью вероятности может образовать ядро ноосферы как сферы планетарного разума, или сферы безрассудства.

Современные отечественные мыслители видят выход из складывающейся ситуации в том, что при всей катастрофичности многочисленных заявленных рисков, приводящих к «машинизации» человечества, поставленного через повсеместное внедрение цифровых технологий под глобальный контроль, остается надежда на успешное преодоление всех издержек нового технологического витка через возрастание космически ответственной личности. Об этом неоднократно писала С.Г. Семенова в многочисленных своих работах, посвященных «идеям и матрицам» русского космизма в контексте научной мысли и «вызовов» современного мира, в частности в программной статье «Глобализация и ноосфера» (2010 г.) и других, собранных воедино в книге под редакцией А.Г. Гачевой «Созидание будущего: философия русского космизма»¹⁴.

Задача «космизации» сознания человека как такового, расширения горизонтов его мышления до планетарно-космического сознания является одной из центральных в философии русского космизма, призванного к выработке космического мировоззрения Русского мира. В условиях цифровизации ноосферы проблема трансляции идей русского космизма получает дополнительные технологические возможности для внедрения их в образовательную среду в соответствии с вызовами времени. Цифровая трансформация, охватывая все ключевые сферы жизни современного общества, прежде всего сказывается на образовании и воспитании подрастающего поколения. Быстрое распространение в глобальной информационной сети научных знаний, учебных материалов, возможность получения ответа на любой вопрос в корне меняют подход к системе преподавания. Развитие машинного обучения позволяет сегодня использовать цифровые технологии для более эффективного сбора, обработки и анализа большого объема данных, на что прежде человеку понадобилось такое количество времени, которое сравнимо с жизнью нескольких поколений. Электронные образовательные ресурсы позволяют создавать групповые и индивидуальные дистанционные программы обучения; активно расширяется сфера самообразования, дополнительного образования, переквалификации.

Все большее влияние на становление обновленной системы образования будет оказывать и творческое развитие идей «космической педагогики» К.Э. Циолковского, которая своими корнями уходит в отечественные духовно-

¹⁴ Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с. [14].

нравственные традиции воспитания и образования, более характерные для религиозно-философского направления русского космизма (В.В. Зеньковский, Н.О. Лосский, С.А. Рачинский, Н.Ф. Федоров и др.). Однако в работах ряда отечественных исследователей (Ю.Б. Верина, И.М. Пушкина, А.В. Хуторской и др.) сохраняется тенденция рассматривать это развитие в парадигме антропокосмизма, восходящей к педагогическим трудам К.Н. Вентцеля (1857–1947) о свободном воспитании гармонической личности ребенка. В этой связи выход системы образования из-под влияния государства – переход от дихотомии «личность и социум» к дихотомии «человек и Вселенная» – дает надежду, что такой подход к образованию способен ответить на вызовы цифровой трансформации социума. Эти вызовы связаны, прежде всего, такими факторами как: поверхностность преподаваемых знаний, неструктурированное потребление информации, неготовность детской и подростковой психики противостоять нарастающему давлению цифровой среды, в которой у злоумышленников появляется возможность овладения вниманием учащихся в целях подрыва в них авторитетов и неокрепших моральных устоев. Ключевой задачей педагогики сегодня становится работа на опережение, которая заключается в формировании и закреплении в личности ключевых гуманитарных, отечественных духовно-нравственных ценностей, способных защитить ее от угроз оцифрованной информационной среды. Космическая педагогика К.Э. Циолковского строится на осознании индивида как «человека космического», и ее конечной целью является воспитание личности – соучастника процессов, протекающих во Вселенной¹⁵. К воспитанию космически мыслящего человека, сознание которого сопричастно ноосфере, сфере нравственного разума, ответственного за биосферу Земли, должно стремиться общество и по мнению В. И. Вернадского, отмечавшего, что «учащийся народ – основа широкого и мирного развития человечества»¹⁶. Его ноосферно-космическая педагогика, базирующаяся на взаимодействии человека с природой, движении человечества по пути устойчивого развития, приоритете ноосферных критериев развития над временно-утилитарными, идее «научно-эмпирической базы» будущего ноосферы¹⁷, вошли составной частью в концепт космопланетарной школы русского космизма.

«Космическая педагогика» имеет важное значение и для высшей школы. Согласно К.Э. Циолковскому, развитие космического общества на первых этапах будет невозможно без сильной инженерной мысли. Более того, ученых и инженеров он зачастую возводит в число тех «гениев», которые могли бы стать во главе идеальных государств и общественных структур: «...общество избранных

¹⁵ См.: Афонина Е.В. Отражение положений космической педагогики К.Э. Циолковского в методах популярных альтернативных педагогик // Материалы 60-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. Калуга: Эйдос, 2025. Ч. 3. С. 244 [15].

¹⁶ См.: Вернадский В.И. Задачи высшего образования нашего времени // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2013. № 4. С. 113 [16].

¹⁷ См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Собр. соч.: в 24 т. Т. 10 / под ред. академика Э.М. Галимова. М.: Наука, 2013. С. 81 [17].

исключительно состоит из судей – представителей высшей справедливости, учителей, врачей, представителей техников и ученых» [18, с. 30]. Идеальное общество, согласно представлениям Циолковского, будет возглавляться «лучшими людьми», и благодаря такой разумной власти, человечество обретет «единение, которое избавит народы от войн ... и самоистребления»¹⁸. Цель общественной жизни – в устранении зла и мучений, «идеал будущего» – в ограничении «свободы преступников» и «отсутствии мести», достижимых гуманными действиями: посредством разума и «воздействием истины», которые помогут отказаться от насилия¹⁹. Перед естественно-научным направлением русского космизма цифровизация ставит серьезные задачи, связанные с необходимостью трансформации системы высшего образования. Поверхностность знаний, неструктурированное потребление информации, быстрое распространение лженаучных знаний, «клиповость» мышления – все это выступает вопреки узконаправленному специализированному знанию, необходимому для дальнейшего развития космической отрасли. Поколение инженеров, способных мыслить широко и имеющих глубинные знания в различных специальностях, в условиях цифровизации можно воспитать лишь с опорой на ключевые принципы космической педагогики – морали, добра, миропорядка, традиционных ценностей, парадигмы осознания взаимосвязи человека и Космоса, концепции антропокосмизма. Основываясь на принципе антропокосмизма, космическая педагогика подчеркивает неразрывную связь судьбы человечества с космосом, а значит, и необходимость его разумного освоения. Но становление космического антропоса невозможно без воспитания общечеловеческого и гуманного мировоззрения, основы которых также заложены в космической педагогике. Нравственное совершенство Циолковский видит в разуме («Разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома»²⁰), то есть в отсутствии неразумности, а потому целями образования для него становятся воспитание тяги к постоянному самосовершенствованию и самопознанию, изучению космоса как источника знаний о самих себе (ведь человек есть составная часть Космоса), формирование мироощущения человека как нового мощного фактора направленной эволюции, меняющей облик людей, природы и Космоса. Конечным итогом воспитания в системе космической педагогики является становление свободной и совершенной творческой личности, готовой принимать вызовы современности и следовать по пути становления космического антропоса, принимая ответственность за последствия своей деятельности в Космосе. Это возвращает нас к вопросу о трансцендентальных основаниях здешнего бытия, вынуждая вновь и вновь обращаться к вечно востребованным этико-философским основаниям науки. На смену безответственному отношению к природному космосу, порожденному потребительским этосом, набором этических норм, науки наших дней, должна прийти полноценная система этических норм Космического Антропоса, нашедшая развитие в

¹⁸ См.: Циолковский К.Э. Научная этика. Калуга: Гос. тип., 1930. С. 47 [19].

¹⁹ См.: Циолковский К.Э. Монизм вселенной. Калуга: Издание автора, 1931. С. 15 [20].

²⁰ См.: Циолковский К.Э. Научная этика. С. 25.

«теономной этике» русской религиозной философии, в наши дни «развиваемой в философии русского космизма как мировоззрение Русского мира»²¹.

Подводя итоги, хочется еще раз подчеркнуть технологическую преемственность философии русского космизма, основы которой были заложены мыслителями-титанами отечественной философской мысли. Идеи, впервые высказанные К.Э. Циолковским и В.И. Вернадским, сегодня обретают инженерную реализацию. Картина мира, предсказанная Н.А. Бердяевым и Н.Н. Моисеевым, сегодня – реальность, и угрозы, обозначенные этими философами, требуют незамедлительного ответа ради сохранения и приумножения наследия человеческой цивилизации. Значимость дальнейшего развития философии русского космизма подчеркнем словами академика РАН Л.М. Зеленого «философия космизма изменила мир и изменила мир к лучшему»²².

Список литературы

1. Куракина О.Д. Философская культура отечественного самосознания. Русский космизм. М.: МФТИ, 2014. 190 с.
2. Ветров Г.С. С.П. Королев и космонавтика. Первые шаги. М.: Наука, 1994. 207 с.
3. Раушенбах Б.В. Сергей Павлович Королев // С.П. Королев. Ученый. Инженер. Человек. Творческий портрет по воспоминаниям современников: сб. ст. М.: Наука, 1986. 519 с.
4. Гаврюшин Н.К. Из истории русского космизма. Калужский журнал «Урания» 1804 г. // Труды V и VI Чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. М.: ИИЕТ АН СССР, 1972. С. 104–106.
5. Гаврюшин Н.К. К.Э. Циолковский и европейский космизм (к вопросу о генезисе теоретической космонавтики) // Советский научно-технический музей: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. Материалы науч.-практ. конф. Киев: Наукова думка, 1990. С. 114–117.
6. Гальцева Р.А. Вернадский // Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 624–625.
7. Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество. Проблема формализации описания. М.: Наука, 1982. 240 с.
8. Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Директ-Медиа, 2008. 285 с.
9. Гиренок Ф.И. Патология русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. 416 с.
10. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М.: Наука, 1987. 180 с.
11. Семенова С.Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. 1988. Т. 15. С. 221–248.
12. Бердяев А.Н. Духовное состояние современного мира // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 485–499.
13. Малинецкий Г.Г. Перспективы и риски цифровой реальности // Системный анализ в проектировании и управлении: сб. науч. тр. XXIII Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 56–80.
14. Семенова С.Г. Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. 458 с.

²¹ См.: Куракина О.Д. Русский космизм – построение единой картины мира как универсального синтеза науки, философии и религии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2(2). С. 87 [21].

²² См.: Зеленый Л.М. Русский космизм для инженеров // Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной сохранению научного наследия и развитию идей А.Л. Чижевского. Калуга: Эйдос, 2024. С. 8 [22].

15. Афонина Е.В. Отражение положений космической педагогики К.Э. Циолковского в методах популярных альтернативных педагогик // Материалы 60-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. Калуга: Эйдос, 2025. Ч. 3. С. 243–246.
16. Вернадский В.И. Задачи высшего образования нашего времени // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2013. № 4. С. 113.
17. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Собр. соч.: в 24 т. Т. 10 / под ред. академика Э.М. Галимова. М.: Наука, 2013. 475 с.
18. Циолковский К.Э. Миражи будущего общественного устройства. М.: Луч, 2010. 268 с.
19. Циолковский К.Э. Научная этика. Калуга: Гос. тип., 1930. 66 с.
20. Циолковский К.Э. Монизм вселенной. Калуга: Издание автора, 1931. 84 с.
21. Куракина О.Д. Русский космизм – построение единой картины мира как универсального синтеза науки, философии и религии // Язык. Коммуникация. Общество: Электронный научный журнал. 2023. № 2(2). С. 75–88.
22. Зеленый Л.М. Русский космизм для инженеров // Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной сохранению научного наследия и развитию идей А.Л. Чижевского. Калуга: Эйдос, 2024. С. 4–8.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, A.N. *Dukhovnoe sostoyanie sovremennogo mira* [The Spiritual State of the Modern World], in Berdyaev, A.N. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v 2 t., t. 1* [Philosophy of Creativity, Culture and Art in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Iskusstvo, 1994, pp. 485–499.
2. Gal'tseva, R.A. Vernadskiy [Vernadsky], in *Filosofskaya entsiklopediya v 5 t., t. 5* [Philosophical Encyclopedia in 5 vols., vol. 5]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1970, pp. 624–625.
3. Raushenbakh, B.V. Sergey Pavlovich Korolev [Sergey Pavlovich Korolev], in *S.P. Korolev. Uchenyy. Inzhener. Chelovek. Tvorcheskyy portret po vospominaniyam sovremennikov: sbornik statey* [S.P. Korolev. Scientist. Engineer. Person. A Creative Portrait Based on Memoirs of Contemporaries: Collection of Articles]. Moscow: Nauka, 1986. 519 p.
4. Tsiolkovskiy, K.E. *Mirazhi budushchego obshchestvennogo ustroystva* [Mirages of the Future Social System]. Moscow: Luch, 2010. 268 p.
5. Vernadskiy, V.I. Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavleniye [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon], in Vernadskiy, V.I. *Sobranie sochineniy v 24 t., t. 10* [Collected Works in 24 vols., vol. 10]. Moscow: Nauka, 2013. 475 p.

Individual Works

6. Girenok, F.I. *Ekologiya. Tsivilizatsiya. Noosfera* [Ecology. Civilization. Noosphere]. Moscow: Nauka, 1987. 180 p.
7. Kurakina, O.D. *Filosofskaya kul'tura otechestvennogo samosoznaniya. Russkiy kosmizm* [The Philosophical Culture of National Self-Consciousness. Russian Cosmism]. Moscow: MFTI, 2014. 190 p.
8. Losskiy, N.O. *Mir kak organicheskoe tseloe* [The World as an Organic Whole]. Moscow: Direkt-Media, 2008. 285 p.
9. Moiseev, N.N. *Chelovek, sreda, obshchestvo. Problema formalizatsii opisaniya* [Man, Environment, Society. The Problem of Formalizing Description]. Moscow: Nauka, 1982. 240 p.
10. Semenova, S.G. *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo kosmizma* [The Creation of the Future: Philosophy of Russian Cosmism]. Moscow: Nookratiya, 2020. 458 p.
11. Tsiolkovskiy, K.E. *Nauchnaya etika* [Scientific Ethics]. Kaluga: Gosudarstvennaya tipografiya, 1930. 66 p.
12. Tsiolkovskiy, K.E. *Monizm vselennoy* [The Monism of the Universe]. Kaluga: Izdanie avtora, 1931. 84 p.

13. Vetrov, G.S. *S.P. Korolev i kosmonavtika. Pervye shagi* [S.P. Korolev and Cosmonautics. The First Steps]. Moscow: Nauka, 1994. 207 p.

(Articles from Scientific Journals)

14. Kurakina, O.D. Russkiy kosmizm – postroenie edinoi kartiny mira kak universal'nogo sinteza nauki, filosofii i religii [Russian Cosmism – The Construction of a Unified Picture of the World as a Universal Synthesis of Science, Philosophy and Religion], in *Yazyk. Kommunikatsiya. Obshchestvo: Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2023 no. 2(2), pp. 75–88.

15. Semenova, S.G. Aktivno-evolyutsionnaya mysl' Vernadskogo [Vernadsky's Active-Evolutionary Thought], in *Prometey*, 1988, vol. 15, pp. 221–248.

16. Vernadskiy, V.I. Zadachi vysshego obrazovaniya nashego vremeni [The Tasks of Higher Education of Our Time], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2013, no. 4.

(Monographs)

17. Girenok, F.I. *Patologiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti* [The Pathology of the Russian Mind. Cartography of Literalism]. Moscow: Agraf, 1998. 416 p.

(Theses and Thesis Abstracts)

18. Afonina, E.V. Otrazhenie polozheniy kosmicheskoy pedagogiki K.E. Tsiolkovskogo v metodakh populyarnykh alternativnykh pedagogik [Reflection of the Principles of K.E. Tsiolkovsky's Cosmic Pedagogy in the Methods of Popular Alternative Pedagogies], in *Materialy 60-kh Nauchnykh chteniy, posvyashchennykh razrabotke nauchnogo naslediya i razvitiyu idey K.E. Tsiolkovskogo* [Proceedings of the 60th Scientific Readings Dedicated to the Development of the Scientific Heritage and Ideas of K.E. Tsiolkovsky]. Kaluga: Eydos, 2025, part 3, pp. 243–246.

19. Gavryushin, N.K. Iz istorii russkogo kosmizma. Kaluzhskiy zhurnal «Uraniya» 1804 g. [From the History of Russian Cosmism. The Kaluga Journal “Urania” of 1804], in *Trudy V i VI Chteniy, posvyashchennykh razrabotke nauchnogo naslediya i razvitiyu idey K.E. Tsiolkovskogo* [Proceedings of the 5th and 6th Readings Dedicated to the Development of the Scientific Heritage and Ideas of K.E. Tsiolkovsky]. Moscow: IIET AN SSSR, 1972, pp. 104–106.

20. Gavryushin, N.K. K.E. Tsiolkovskiy i evropeyskiy kosmizm (k voprosu o genezise teoreticheskoy kosmonavtiki) [K.E. Tsiolkovsky and European Cosmism (On the Question of the Genesis of Theoretical Cosmonautics)], in *Sovetskiy nauchno-tehnicheskoy muzey: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Soviet Scientific and Technical Museum: Problems and Prospects. Collection of Scientific Papers. Proceedings of a Scientific-Practical Conference]. Kiev: Naukova dumka, 1990, pp. 114–117.

21. Malinetskiy, G.G. Perspektivy i riski tsifrovoy real'nosti [Prospects and Risks of Digital Reality], in *Sbornik nauchnykh trudov XXIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sistemnyy analiz v proektirovani i upravlenii». Ch. I* [Proceedings of the 23rd International Scientific-Practical Conference “Systems Analysis in Design and Management”. Part 1]. Saint-Petersburg: Politekh-Press, 2019, pp. 56–80.

22. Zelenyy, L.M. Russkiy kosmizm dlya inzhenerov [Russian Cosmism for Engineers], in *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy sokhraneniyu nauchnogo naslediya i razvitiyu idey A.L. Chizhevskogo* [Proceedings of the 4th International Scientific-Practical Conference Dedicated to the Preservation of the Scientific Heritage and Development of the Ideas of A.L. Chizhevsky]. Kaluga: Eydos, 2024, pp. 4–8.

УДК: 14.140.8:27

ББК: 87(2)-688

Егор Сергеевич Шушаков

Тольяттинский государственный университет, Институт Гуманитарно-педагогического образования, кандидат философских наук, доцент, заведующий лабораторией, Россия, Тольятти, e-mail: heliografos@mail.ru

Проективная рассимволизация как осмысление религии в философии космизма

Аннотация. Анализируется уникальная особенность философии космизма как синергии религиозного и рационально-практического подходов к сущему. Проективность как черта философии космизма сопоставляется с другими формами рационализации религиозных доктрин. Демонстрируется концептуальная разница в отношении к рациональному познанию между 3 основными христианскими деноминациями в разные исторические периоды. Реконструируются специфические типы внутри религиозной практико-ориентированной рациональности в истории христианства. Раскрываются культурные факторы, повлиявшие на формирование проективно-религиозной установки Н.Ф. Федорова: трактовка познания мира как богопознания в раннехристианской восточной патристике; направленность философии «общего дела» в одинаковой степени на верующих и неверующих. Анализируются концепция ноосферы В.И. Вернадского и ее генезис. На примере появления концепции «ноосферы», показывается как может происходить проективная рассимволизация понятий, появившихся в религиозно-философском дискурсе. Вводится понятие «рассимволизация» как специфическое для традиции космической философии метода работы с религиозными нарративами. Раскрывается смысл этого термина. Подчеркивается важность этого метода для межкультурного и межрелигиозного диалога. На примерах рассимволизации религиозных традиций демонстрируется проективная установка таких религиозных течений, как православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм, буддизм, индуизм.

Ключевые слова: космизм, проективность, рассимволизация, протестантизм, православие, патристика, философия «общего дела» Н.Ф. Федорова, пневматосфера, ноосфера

Egor Sergeevich Shushakov

Togliatti State University, Institute of Humanities and Pedagogical Education Candidate of Philosophical Sciences (PhD in Philosophy), Associate Professor, Head of Laboratory, Russia, Togliatti, e-mail: heliografos@mail.ru

Projective Desymbolization as an Interpretation of Religion in the Philosophy of Cosmism

Abstract. The article analyzes a unique feature of the philosophy of cosmism as a synergy of the religious and rationally practical approaches to being. Projectivity as a characteristic of cosmist philosophy is compared with other forms of rationalization of religious doctrines. The article demonstrates the conceptual difference in attitudes toward rational knowledge among the three main Christian denominations in different historical periods. It reconstructs specific types of practice-oriented rationality within the history of Christianity. The cultural factors that influenced the formation of N.F. Fyodorov's

projective-religious attitude are revealed: (1) the interpretation of the knowledge of the world as the knowledge of God in early Christian Eastern patristics; (2) the orientation of the philosophy of the “common cause” equally toward believers and non-believers. The concept of the noosphere in V.I. Vernadsky’s work and its genesis are analyzed. Using the example of the emergence of the concept of the “noosphere”, the article shows how projective desymbolization of notions that appeared in religious-philosophical discourse can occur. The concept of “desymbolization” is introduced as a method of working with religious narratives specific to the tradition of cosmic philosophy. The meaning of this term is revealed. The importance of this method for intercultural and interreligious dialogue is emphasized. Using examples of desymbolization of religious traditions (Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, Islam, Judaism, Buddhism, Hinduism), the projective orientation of each of them is demonstrated.

Key words: cosmism, projectivity, desymbolization, Protestantism, Orthodoxy, patristics, N.F. Fedorov’s philosophy of the “common cause”, pneumatosphere, noosphere

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.056-067

Философия космизма, являясь одним из самых необычных и уникальных явлений русской духовной культуры, едва ли представляет собой цельную философскую традицию. Скорее, это соцветие различных подходов к осмыслению технического, социального и духовного прогресса человечества, объединенных несколькими общими нарративами. Однако даже последних достаточно, для того чтобы констатировать некоторую внутреннюю последовательность развития философской мысли от Федорова до более поздних представителей космической философии.

Одним из таких общих «космистских» нарративов является специфическая форма отношения к религии и к религиозно-философским учениям прошлого. Конечно, примеров концептуального осмысления взаимодополняющих отношений между наукой и религией история знает достаточно. Далеко не всегда это осмысление было однозначным. На примере европейской религиозной мысли можно выделить два во многом противоречащих друг другу подхода. Восточно-христианская философия зачастую держалась пути создания интеллектуальных «мостов» между рациональным познанием и чувством нуминозного. Примирение и взаимное проникновение рационального понимания природы и мироощущения, основанного на вере, провозглашает в «Строматах» (II в.) еще Климент Александрийский¹. Эту линию продолжают и представители каппадокийской школы богословия, в целом рассматривая познание природы как продолжение богопознания². Григорий Богослов, один из великих каппадокийцев, писал об этом следующим образом: «Но когда простер взор, едва увидел задняя Божия

¹ См.: Бирюков Д.С. Представления в области естествознания и тема научного познания у Климента александрийского в интеллектуальном контексте эпохи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 109–117 [1].

² См.: Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: Ком-книга, 2010. 1008 с. [2].

(Исх. 33:22–23), и то покрытый Камнем (1Кор. 10:4), то есть воплотившимся ради нас Словом. И, прикинув несколько, созерцаю не первое и чистое естество, познаваемое Им Самим, то есть Самой Троицей; созерцаю не то, что пребывает внутри первой завесы и закрывается Херувимами, но одно крайнее и к нам простирающееся. А это, сколько знаю, есть то величие, или, как называет божественный Давид, то великолепие (Пс. 8:2), которое видимо в тварях, Богом и созданных, и управляемых. Ибо все то есть задняя Божия, что после Бога составляет нам познание о Нем, подобно тому как отражение и изображение солнца в водах показывает солнце слабым взорам, которые не могут смотреть на него, потому что живость света поражает чувство» [3, с. 393]. Даже в эпоху паламистской мистики византийского богословия познание мира хоть и перестало считаться формой «богопознания», но никогда не теряло своей значимости³.

В западной школе раннехристианского богословия рациональное познание мира оценивалось более сдержано: от Августина, считавшего рациональное познание мира возможным, но малонужным для спасения делом, до более радикальных воззрений Тертуллиана⁴. В средневековой западной схоластике соотношение рационального познания и иррациональной веры вышло на передний план, по сути уйдя в другую крайность: ограниченность рационального познания признавалась, но в той степени, в какой оно считалось приемлемым, использовали его возможности, особенно в познании божественного. Отчасти излишняя перегруженность религиозного мировосприятия, доступная лишь немногим ученым и образованным слоям общества, и стала одной из причин реформации. Специфика части протестантских деноминаций и заключается в особенном практико-ориентированном рациональном аскетизме при абсолютно тотальной иррациональной неизвестности в вопросах потустороннего существования, связанной с учением о непреодолимой предопределенности лишь избранных к спасению. Значение подобного мировоззрения для экономической деятельности до сих пор в современной науке остается до конца не определенным, но его уникальность, выявленную Максом Вебером, признают многие современные авторы⁵. Сам же Вебер характеризует это влияние следующим образом: «Аскет, действующий в миру, т.е. представитель мирской аскезы, должен страдать некоей счастливой ограниченностью ума в вопросе смысла мира, вовсе не переживая по этому вопросу. Поэтому неслучайно мирская аскеза последовательнее всего воплотилась именно в кальвинизме с его верой в абсолютную непознаваемость мотивов божественных решений, к которым неприложим человеческий масштаб. Мирской аскет по своей природе – прирожденный профессионал, не задающийся вопросом о конечном

³ См.: Климов О.С. Исихия и философия в доктрине Григория Паламы // *Философская мысль*. 2015. № 5. С. 14–30 [4].

⁴ См.: Lewis E. *Re-examining Tertullian and Augustine's Relationship for the Theology Science Dialogue* // *Science & Christian Belief*. Exeter: Paternoster Press. 2015. 27(1). P. 84–100 [5].

⁵ See William H. Swatos Jr. and Lutz Kaelber. *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis*. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2005. xxxii, 233 p. [6].

смысле своих занятий в миру и считающий это ненужным, ведь ответственность за мир несет не он, а Бог, а ему самому достаточно сознания, что своими рациональными действиями он выполняет волю Божию, глубочайший смысл которой остается для него непостижимым» [7, с. 202–203].

Однако со временем в протестантской среде стали все чаще усиливаться воззрения «арминианского» характера, согласно которым человек способен по свободной воле противиться божественной благодати, а, следовательно, быть не предопределенным изначально к спасению или аду. В таком измерении взаимодействие свободного человека и свободного Бога становится с рациональной точки зрения более понятным, с другой стороны добавляет в рационально-практическую деятельность людей элемент взаимодействия с Богом и в делах, и в познании. В протестантской религиозной философии появляются идеи, обратные классической кальвинистско-гомарийской позиции, а с развитием науки в XVIII–XIX вв. – идеи о гармонии уже настоящего научного знания и веры. Так, Дж. Фиске писал: «Но если заглянуть под поверхность вещей, мы увидим, что в действительности между религией и наукой никогда не было никакого конфликта и примирения не требуется там, где всегда существовала гармония» [8, р. 3]. Можно вспомнить многих ученых и философов, придерживающихся протестантских взглядов и считавших взаимодополняющими религиозную веру и научную практику: Дж. Дана, М. Фрадей, Р. Милликен А. Уайтхед и т.д. Уайтхед, создавший свою философию процесса, был одним из первопроходцев секулярной рационализации многих теологических идей⁶. Обратная тенденция наблюдалась в католицизме, где, наоборот, от излишне рационалистического подхода неотомизма (XIX в.) теологическая мысль свернула к полумистическому, полурациональному познанию в виде умеренного неоавгустинианства и тейярдизма (XX в.), что позволило в целом занять католической церкви более гибкую позицию по вопросу диалога научного и религиозного мировоззрений.

Таким образом протестантская и католическая традиции, хоть и с противоположных сторон, пришли к приемлемому синтезу рационального знания, материальной практики и духовной жизни. В современной теологической традиции на западе обсуждаются даже вопросы на границе научной фантастики, например: каково теологическое значение внеземной жизни и как вести проповедь инопланетянам?⁷

Но именно в культурном русском пространстве XIX века в рамках философии общего дела Н.Ф. Федорова соотношение между практической деятельностью, рациональным познанием и религиозной верой приобрело уникальный

⁶ См.: Wood H.D. The Relation of Religious and Metaphysical Inquiry in the Thought of Alfred North Whitehead. PhD diss., McMaster University, 1971. 246 p. [9].

⁷ См.: Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст / под ред. Стивена Дж. Дика. М.: АСТ; Астрель, 2007. 224 с. [10] (особенно интересны в этом плане статьи из указанного сборника, таких авторов, как Артур Пикок (С. 113–142), Фриман Дж.Дайсон (С. 159–166), Эрнан Мак Маллин (С. 175–196) и др.).

характер «проектности». Как уже отмечалось, в истории мысли есть много способов рационально-философской секуляризации религиозных образов и теологических идей. Другой пример чисто философского характера – это переформатирование идей протестантизма в трудах представителей немецкого идеализма. Рационализация религиозного чувства в тех пределах, в каких это считалось допустимым с рациональной точки зрения (естественно, эта рационализация была не полной), отводила вере место в онтологических и гносеологических системах немецких идеалистов в той степени, в какой это позволяло обрисовать целостность субъекта и мира. Также рационализация религиозного чувства может представлять собой результат исследования в социальных науках. Так, Вебер, раскрывая истоки капиталистических хозяйственных отношений в религиозной этике протестантизма, показывает, как религиозная установка на аскетическое накопление, призванная изначально свидетельствовать о спасении, становится основным принципом уже секулярной экономики. Из области естественных наук можно привести в пример труды Тейяра, строящего свое учение о тангенциальных и радиальных энергиях в материальной вселенной на основе представлений христианского вероучения и мистики.

Проективная трактовка религии в рамках философии «общего дела» стала возможной благодаря двум обстоятельствам. Первое из них следующее: восточно-христианское богословие никогда не отрицало рациональную познавательную и практическую деятельность разума, хотя в своем позднесредневековом византийском варианте и приобрело крайне мистический оттенок. И тем не менее при возвращении к переосмыслению святоотеческого наследия уже в период синодальной церкви в Российской Империи это обстоятельство сыграло определяющую роль. Уникальность Федорова для его времени как раз и была в том, что он, будучи сыном своего времени, выражал всем пафосом общего дела ту же веру в возможности технологического и социального развития, какая была и у позитивистов, и у марксистов второй половины XIX и начала XX века. Но с другой стороны, Федоров был одним из самых ревностных исследователей святоотеческого наследия православного христианства, причем подходу к нему с практико-ориентированных позиций XIX века. Трактуя его понимание антропологии, С.Г. Семенова пишет о Федорове следующее: «Требование активности человека вытекает из основоположений христианской антропологии, как ее понимает мыслитель: первое и главное в том, что Бог создает и совершенствует человека через него самого, начиная с первого акта его самостоятельности – принятия вертикального положения и дальнейшего его трудового устроения» [11, с. 74]. Так же она проводит параллели между федоровским пониманием эсхатологии и пониманием эсхатологии у каппадокийцев, в частности у Григория Нисского⁸. Интересно, что близость нарративов Федорова к традиции раннего христианства в

⁸ См.: Семёнова С.Г. Философ будущего века: Николай Фёдоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 250–254 [12].

вопросах сотериологии и антропологии подмечает и П. Флоренский: «Идея воскресения и святости тела особ. живо чувствуется из древн.пис. у св. Иринея Лион, а из новых – у Н.Ф. Федорова» [13, с. 570]. Второй фактор, определивший способ рационализации религиозных образов в философии «общего дела» Федорова, – это ее принципиальный выход на уровень внерелигиозного, внеконфессионального дискурса. Для Федорова было крайне важно подчеркнуть, что его учение приемлемо как для верующих, так и для неверующих. Сам философ говорил об этом следующим образом: «...различаясь в мысли, верующие и неверующие могут быть согласны в деле, а общее дело приведет их к согласию и в мысли» [14, с. 98].

Рассмотрение эсхатологических христианских образов как результата проективного одухотворенного человеческого труда отнюдь не является для мыслителя вытеснением классической христианской эсхатологии. Федоров рассматривал обе эсхатологические модели как условные варианты, зависящие от выбора и развития человечества. Сам философ пишет об этом так: «Учение об отношении Божества к нам и миру есть вопрос об отношении к Божеству нас как орудия осуществления блага. Приготовление из целого человеческого рода орудия, достойного Божественного чрез него действия, есть задача богословов в связи со всеми другими представителями знания как воспитателями народа» [14, с. 102]. Тем не менее желательным вариантом эсхатологии для Федорова остается именно взросление человечества до состояния Царства Божия, предполагающее регуляцию природы, освоение космоса, достижение бессмертия и воскрешение всех умерших силами людей. При этом важно подчеркнуть то, как Федоров трактует многие религиозные образы и понятия, в частности: призыв к крещению (Мф.28:19) трактуется им как призыв достичь обожения не только в духовном, но и в физическом смысле; всеобщее воскрешение посредством научного прогресса – как Пасха; «Москва как третий Рим» понимается им как утверждение роли России в деле всеобщей интеграции и управления природой и т.д. Последователи философа занялись частичной «рассимволизацией» теологических положений первых семи церковных соборов. Так, в работе «Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви. Догматические очерки. Ч. 1. Борьба словом» А. Горский и Н. Сетницкий приходят к выводу о том, что основной тезис, который отстаивался ортодоксальной линии на церковных соборах, – это положение о реальности обожения каждого человека и победе над смертью как феномене реального физического бытия⁹.

Такой подход к анализу религиозного учения, через выделение из последнего основных положений и их относительно рациональную трактовку как проектных установок, был свойственен в той или иной степени многим космистам.

⁹ См.: Горский А.К., Сетницкий Н.А. Смертобожничество // Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 53–126 [15].

У одних, например у Валериана Муравьева, это могло иметь достаточно локальный характер – через попытку использовать его трактовку «ипостасности» в развитии теории множеств. У других, например у Вернадского, есть идеи о перестройке в целом научного знания при использовании наукой будущего религиозных и мистических интуиций, традиций востока. Но наиболее показательным примером является гипотеза ноосферы, которая имеет два интеллектуальных источника: русский (В.И. Вернадский и П.А. Флоренский) и французский (Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден)¹⁰. В первом речь идет о предложенном в переписке с Вернадским софиологом Флоренским концепте «пневматосфера»: «Со своей же стороны хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую, скорее, эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в космосе» [17, с. 164–165]. Вернадский, развивая идеи Флоренского с одной стороны, а с другой идеи П. Тейяра де Шардена (во многом созвучные с идеей Софии в русской религиозной философии) и Леруа, говорил о ноосфере в двух контекстах: во-первых, как об области материального мира, затронутого разумной человеческой деятельностью; во-вторых, как об этапе развития биосферы, на котором природные процессы вступают в синергию с человеческим разумом и регулируются им. Вернадский не просто описывает этот процесс, во многом он говорит о нем как о состоянии ноосферы, как о проектной цели, к которой человечество подталкивают объективные исторические процессы. Вернадский пишет: «Сверх того человеком создаются новые виды и расы животных и растений. В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет. В настоящее время мы не можем не считаться с тем, что в переживаемой нами великой исторической трагедии мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере». И продолжает: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть

¹⁰ См.: Шушаков Е.С. Генезис термина «ноосфера» и его использование П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105 [16].

поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [18, с. 511–512].

Для обозначения уникального подхода к анализу и трактовке религиозно-философских идей в традиции русского космизма кажется уместным ввести ранее уже использовавшийся термин «рассимволизация». Термин использовался С.Г. Семенов для обозначения процесса снятия символического значения с объекта анализа для восприятия его непосредственного прямого функционального значения. Сама Семенова использует этот термин для анализа образа дьявола в христианской традиции как образа человека, смирившегося со своей смертностью¹¹. Более концептуально о философии символа и необходимости преодолеть «символико-метафорическую паутину» реализации религии как проекта Семенова пишет в работе «Тайны Царствия Небесного», описывая символическую метафоричность религии как вынужденную необходимость, происходящую из невозможности «удовлетворить свои сверхфизические потребности»¹². Другой исследователь традиции космизма, Г.П. Аксенов, также использует этот термин, даже вынося его в название своей статьи «Рассимволизация Абсолюта» (2015 г.), в которой он предлагает перейти от метафорического понимания высших категорий (Абсолюта, времени, пространства) к их научному, физическому обоснованию, опираясь на принципы биогенеза, абиогенеза и диссимметрии¹³.

Для того чтобы термин «рассимволизация» охватывал все нюансы, которые присутствуют в рамках философской герменевтики религиозного контекста в трудах представителей русского космизма, необходимо расширить и переопределить данный термин. Под «рассимволизацией» в рамках традиции русского космизма следует понимать такого рода трактовку религиозно-философских идей, которая подразумевает восприятие объекта (образа, идеи) как функционально определяющей проективную деятельность цели. Иначе говоря, трактуя Софию как воплощенное богочеловечество, представитель философии космизма будет воспринимать ее как состояние развития человеческого общества, которое возможно достичь путем проективной человеческой деятельности. Также трактовка воскрешения мертвых в рамках космической философии в первую очередь будет акцентировать внимание на воскрешении как результате проективной человеческой деятельности. Следует оговориться, что это не относится к научной деятельности представителей философии космизма. Когда Вернадский пишет о превращении неживого в живое, рассуждая о развитии естествознания, конечно, контекстуально он будет говорить о воскрешении в том мистическом смысле, в каком о нем говорит классическое христианское вероучение (воскрешение по воле Божьей): «Христианство восприняло старинную веру в возрождение – в пе-

¹¹ См.: Семенова С.Г. Тропами сердечной мысли: Этюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: ПоРог, 2012. С. 213 [19].

¹² См.: Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 132–139.

¹³ См.: Аксенов Г.П. Рассимволизация Абсолюта // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 53–64 [20].

реход в жизнь через смерть. В частности, исконное земледельческое представление о необходимости гниения зерна в земле, для того чтобы получилось живое растение, соединилось с идеей – воскресением Христа из мертвых, т.е. с основными верованиями. Апостол Павел на этом образе построил свои толкования, и они прочно утвердились в широких кругах общества» [21, с. 99].

В заключение хотелось бы сделать несколько предположений о значении принципа рассимволизации и о его использовании в отношении различных религиозных традиций. Рассимволизация как метод понимания религиозной доктрины может помочь сопоставить религии как проективные модели и показать, в каком смысле они способны друг друга дополнить, а в каком вступают в противоречие друг с другом. Так, например, в рамках традиции философии космизма основной проективной целевой установкой христианства считается «воскрешение» всех когда-либо живших людей. Именно православная традиция фиксирует внимание на софиологическом аспекте, на человечестве, способном к такому деянию, воскрешающем богочеловечестве, рассимволизированным воплощением которого является концепция ноосферы. Основную проективную целевую установку католицизма – вселенскую церковь – условно можно рассимволизировать как устройство вселенского божественного порядка, в рамках которого возможна воскрешающая деятельность богочеловечества. С протестантизмом с учетом большого числа протестантских церквей это сделать сложнее, но тем не менее наибольшую часть протестантов объединяет их приверженность принципу опоры веры на писание, его личную трактовку и личную веру, что, скорее всего, можно рассимволизировать как акцентуацию на личном спасении, на достижении бессмертия. Трансгуманизм, изначально появлявшийся как вера в способность человека на уровне индивида и вида перенести себя на следующую ступень развития и преобразования собственной природы, выглядит наиболее близкой формой рассимволизации этой деноминации. Про нехристианские конфессии говорить еще сложнее. Следует оговориться, что все ниже сказанное, скорее, является отправной точкой для размышления, нежели какой-то конкретной оценкой возможности рассимволизации религий в определенном ключе. Так, например, основное отличительное понятие ислама «шариат», с одной стороны, определяет возможность различения сакрального и профанного в исламе, но с другой – выстраивает четкую субординацию мирской жизни через религиозные нормы. В этом смысле ислам является религией социальной инженерии, а в проектном смысле – принципом, позволяющим сознательно моделировать развитие социума и социальные отношения в нем в соответствии с религиозными нормами. Проективно-целевую установку талмудического иудаизма, если ее в целом выносить за рамки этноконфессиональных положений самой религии, можно охарактеризовать как религию бесконечного познания человеческой истории и культуры (книги) обществом будущего как своего отражения. Буддизм же в таком случае можно рассимволизировать как проект управления собствен-

ными ментальными состояниями, желаниями и ощущениями в целях свободного, внемирского самоконституирования субъекта, а индуизм – как проект все-ленской интеграции всей жизни в единое, постоянно индивидуализирующее себя в бесчисленных ипостасях сознание.

Все вышеуказанные аспекты присутствуют во всех вышеназванных религиях в той или иной степени. Каждая древняя религиозная традиция, обладая цельной антропологией, сотериологией и онтологией, в той или иной степени включает в свою модель каждый из аспектов, указанных выше, как проективные установки религиозных традиций, но культурно-исторически в разной степени проявляется акцентуация на этих аспектах, что как раз в формате рассимволизирующей модели интерпретации религиозных доктрин позволяет сопоставлять их между собой и объединять в той степени, в какой проективное воплощение каждой из них способствует проективному воплощению остальных.

Список литературы

1. Бирюков Д.С. Представления в области естествознания и тема научного познания у Климента александрийского в интеллектуальном контексте эпохи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 3. С. 109–117.
2. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: Комкнига, 2010. 1008 с.
3. Григорий Богослов. Слово 28. О богословии второе // Творения Григория Богослова: в 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912. С. 391–413.
4. Климов О.С. Исихия и философия в доктрине Григория Паламы // Философская мысль. 2015. № 5. С. 14–30.
5. Lewis E. Re-examining Tertullian and Augustine's Relationship for the Theology Science Dialogue // Science & Christian Belief. Exeter: Paternoster Press. 2015. Vol. 27, No. 1. P. 84–100.
6. William H. Swatos Jr. and Lutz Kaelber. The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis. Boulder, CO: Paradigm Publishers, 2005. xxxii. 233 p.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. II. Общности. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 429 с.
8. Fiske J. The Unseen World and Other Essays (15th ed.). Boston, MA: Houghton, Mifflin and Company, 1899. 349 p.
9. Wood H.D. The Relation of Religious and Metaphysical Inquiry in the Thought of Alfred North Whitehead. PhD diss., McMaster University, 1971. 246 p.
10. Много миров. Новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст / под ред. Стивена Дж. Дика. М.: АСТ; Астрель, 2007. 224 с.
11. Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
12. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М.: Пашков дом, 2004. С. 584.
13. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: Изд-во АСТ, 2003. 636 с.
14. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
15. Горский А.К., Сетницкий Н.А. Смертобожничество. Корень ересей, разделений и извращений истинного учения церкви // Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 53–126.

16. Шушаков Е.С. Генезис термина «ноосфера» и его использование П. Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105.
17. Флоренский П.А. Письмо В.И. Вернадскому // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 162–165.
18. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 503–512.
19. Семенова С.Г. Сатана в логике рассимволизации представления о мире // Тропами сердечной мысли: этюды, фрагменты, отрывки из дневника. М.: ПоРог, 2012. С. 212–213.
20. Аксенов Г.П. Рассимволизация Абсолюта // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 53–64.
21. Вернадский В.И. Живое вещество // Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. С. 19–314.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva (Zapiska ot neuchenikh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim [The Question of Brotherhood, or Kinship, on the Causes of the Unbrotherly, Unkindred, i.e. Unpeaceful, State of the World and on the Means to Restore Kinship (A Note from the Unlearned to the Learned, Spiritual and Secular, to Believers and Non-Believers)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. I* [Collected Works in 4 vols., vol. I]. Moscow: Progress, 1995, pp. 35–308.
2. Grigoriy Bogoslov. Slovo 28. O bogoslovii vtoroe [Oration 28. On Theology (Second)], in *Tvoreniya v 2 t., t. I* [Works in 2 vols., vol. I]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo P.P. Soykina, 1912, pp. 391–413.
3. Semenova, S.G. Satana v logike rassimvolizatsii predstavleniya o mire [Satan in the Logic of Resymbolization of the Worldview], in *Tropami serdechnoy mysli: Etyudy, fragmenty, otryvki iz dnevnika* [By the Paths of Heartfelt Thought: Sketches, Fragments, Excerpts from the Diary]. Moscow: PoRog, 2012, pp. 212–213.

Individual Works

4. Gorskiy, A.K., Setnitskiy, N.A. Smertobozhnichestvo. Koren' eresey, razdeleniy i izvrashcheniy istinnogo ucheniya tserkvi [Death-Worship. The Root of Heresies, Divisions and Distortions of the True Teaching of the Church], in Setnitskiy, N.A. *Iz istorii filosofsko-esteticheskoy mysli 1920–1930-kh godov* [From the History of Philosophical and Aesthetic Thought of the 1920s–1930s]. Moscow: IMLI RAN, 2003, pp. 53–126.
5. Vernadskiy, V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A Few Words about the Noosphere], in Vernadskiy, V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 503–512.
6. Vernadskiy, V.I. Zhivoe veshchestvo [Living Matter], in Vernadskiy, V.I. *Zhivoe veshchestvo i biosfera* [Living Matter and the Biosphere]. Moscow: Nauka, 1994, pp. 19–314.

(Articles from Scientific Journals)

7. Aksekov, G.P. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 8, pp. 53–64.
8. Biryukov, D.S. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2013, vol. 14, no. 3, pp. 109–117.
9. Klimkov, O.S. *Filosofskaya mysl'*, 2015, no. 5, pp. 14–30.
10. Lewis, E. *Science & Christian Belief*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 84–100.

11. Shushakov, E.S. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2020, issue 87, pp. 87–105.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

12. Florenskiy, P.A. Pis'mo V.I. Vernadskomu [Letter to V.I. Vernadsky], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993, pp. 162–165.

13. Dik, S.Dzh. (red.). *Mnogo mirov. Novaya Vselennaya, vnezemnaya zhizn' i bogoslovskiy podtekst* [Many Worlds: New Universe, Extraterrestrial Life, and Theological Undertext]. Moscow: AST; Astrel', 2007. 224 p.

Monographs

14. Fiske, J. *The Unseen World and Other Essays* (15th ed.). Boston, MA: Houghton, Mifflin and Company, 1899. 349 p.

15. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei* [The Pillar and Ground of the Truth: An Experiment in Orthodox Theodicy]. Moscow: AST, 2003. 636 p.

16. Savrey, V.Ya. *Aleksandriyskaya shkola v istorii filosofsko-bogoslovskoy mysli* [Alexandrian School in the History of Philosophical and Theological Thought]. Moscow: Komkniga, 2010. 1008 p.

17. Semenova, S.G. *Tayny Tsarstviya Nebesnogo* [Secrets of the Heavenly Kingdom]. Moscow: Shkola-Press, 1994. 415 p.

18. Semenova, S.G. *Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov* [Philosopher of the Future Century: Nikolai Fyodorov]. Moscow: Pashkov dom, 2004. 584 p.

19. Swatos, W.H. Jr., Kaelber, L. *The Protestant Ethic Turns 100: Essays on the Centenary of the Weber Thesis*. Boulder, CO: Paradigm Publishers. 2005. xxxii. 233 p.

20. Veber, M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii v 2 t., t. II. Obshchnosti* [Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology in 2 vols., vol. II. Communities]. Moscow: Izdatel'skiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 429 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

21. Wood, H.D. *The Relation of Religious and Metaphysical Inquiry in the Thought of Alfred North Whitehead*. PhD diss., McMaster University, 1971. 246 p.

УДК 1:32 (091)
ББК 87.3(2)-688

Дмитрий Владимирович Барановский

Независимый исследователь, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: afinus@gmail.com

«Рев племени» В.Н. Муравьева как историософия общего дела

Аннотация. В современной истории русской философии актуальной остается проблема аутентичности, «русскости» отечественной философской традиции. В науке до сих пор преобладает подход, согласно которому русская интеллигенция XIX – начала XX в. черпала вдохновение преимущественно в европейской философии. Однако взаимодействие европейского рационализма и русской национальной традиции носило не односторонний, а диалектический характер, что недостаточно учтено в существующих исследованиях. На материале работы В.Н. Муравьева «Рев племени» (1918 г.) рассматриваются историософские проблемы русской мысли, связанные с осмыслением судьбы России. С использованием феноменологического, герменевтического и диалектического методов позволяет выявить смысловые структуры текста и проследить диалектический синтез европейской и отечественной философских традиций. Отмечается, что Муравьев, решая проблему разрыва между интеллигенцией (отвлеченным рационализмом) и народом (действительно-целостным мирозерцанием), использует ряд философских идей Н.Ф. Федорова. Обосновывается положение о том, что «Рев племени» представляет собой уникальный синтез русской православной культуры и религиозно-философской мысли. Отмечены тенденции к восприятию Муравьевым в 1920-е гг. философии регуляции природы Н.Ф. Федорова. Делается вывод, что Муравьев намеренно использует отечественную традицию для решения историософской проблемы разобщения интеллигенции и народа, приведшей к большевистской революции 1917 года, и для создания образа будущей России, в котором будет решена ключевая проблема разрыва между интеллигенцией и народом и тем самым сохранена русская национальная идентичность.

Ключевые слова: историософия, космизм, философия общего дела, соборность, продолжительное миробразование, русская социальная философия

Dmtriy Vladimirovich Baranovskiy

Independent researcher, candidate of philosophical sciences (PhD), Russia, Saint-Petersburg,
e-mail: afinus@gmail.com

“The Roar of the Tribe” (“Rev plemeni”) by V.N. Muravyov as a Historiosophy of the Common Cause

Abstract. In the contemporary history of Russian philosophy, the problem of authenticity – the “Russianness” of the Russian philosophical tradition – remains relevant. Scholarship to date has been dominated by an approach according to which the Russian intelligentsia of the 19th and early 20th centuries drew inspiration primarily from the European philosophical tradition. However, the interaction between European rationalism and the Russian national tradition was not one-sided but dialectical in character – a fact insufficiently accounted for in existing research. Based on V.N. Muravyov's work “The

Roar of the Tribe" (1918), this article examines the historiosophical problems of Russian thought concerning the fate of Russia. Employing phenomenological, hermeneutic, and dialectical methods, the study identifies the semantic structures of the text and traces the dialectical synthesis of European and Russian philosophical traditions. The research reveals that in addressing the problem of the intelligentsia–people divide – that is, the split between abstract rationalism and the active-integral worldview – Muravyov draws on a number of philosophical ideas present in the legacy of N.F. Fedorov. The article argues that "The Roar of the Tribe" constitutes a unique synthesis of Russian Orthodox culture and religious-philosophical thought, in which tendencies toward Muravyov's subsequent reception of N.F. Fedorov's philosophy of the regulation of nature in the 1920s are already evident. The author concludes that Muravyov deliberately draws on the national tradition in order to resolve the historiosophical problem of the disunity between the intelligentsia and the people—a disunity that led to the Bolshevik Revolution of 1917 – and to create an image of Russia's future in which the problem of the intelligentsia-people divide will be resolved and, thereby, Russian national identity preserved.

Key words: historiosophy, cosmism, philosophy of the common cause, sobornost (conciliarity), continuous world-formation, Russian social philosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.068-081

В хрестоматийном «иконостасе» представителей русского религиозно-философского ренессанса имя Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930(32?)) стоит во втором или третьем ряду, уступая в славе Н.Ф. Федорову, Вл.С. Соловьеву, Н.А. Бердяеву и др. Не вызывает сомнений, что названные мыслители дали миру и российскому обществу глубокую философскую рефлексию истории России. Однако работы В.Н. Муравьева примечательны тем, что в них уникальным образом сочетаются самобытные русские истоки мышления: православие и рожденные в русском православии философские идеи, мотивы славянского язычества, мистицизм, русский космизм, восходящий к философии общего дела Н.Ф. Федорова. Исследование философского наследия В.Н. Муравьева, таким образом, дает возможность говорить об уникальности и самостоятельности русской религиозной философии XIX–XX вв., а также о самобытности отечественной историософии.

Работу «Рев племени» (1918 г.) В.Н. Муравьев писал во время событий революционного и пореволюционного времени¹. Этот период для Муравьева был наполнен чувством трагедии, гражданской и нравственной боли, проживая которое, философ старался найти соответствующий его нравственному устройству выход, о чем свидетельствуют тексты пореволюционных лет. Так, в статье «Собирание России» (1918 г.) Муравьев вопрошает: «Куда деться от внутренней боли, от жгучего стыда, от смертельной тоски по умирающей России?» Однако уже в следующем абзаце дает ответ в духе соборности: «Но если таковы чувства каждого, то вместе с тем это чувства *всех* русских людей, любящих Родину» [2, с. 73]. И это состояние «боли», «стыда», «тоски», свойственное каждому гражданину России тех лет, для Муравьева означает слияние разделенных людей в «одно отчаяние»,

¹ См.: Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 28–40 [1].

объединенное «великим горем». В этом объединении Муравьев уже видит «какое-то соборное таинство». «Если моя отдельная боль о России повергла меня в отчаяние от чувства моей малости, моего бессилия, – пишет Муравьев, – моя боль вместе с миллионами русских людей уже дает мне ощущение какой-то силы. Это уже не страдание за Россию, это страдание самой России» [2, с. 73]. Примечательно повторенное дважды неопределенное местоимение «какой-то». Философ подчеркивает неясность того соборного таинства, которое рождает неизвестную силу. Неясность, вероятно, связана с новизной явления, которое предчувствует Муравьев, с неизвестным истории проявлением человечества. В космизме управляемый человеком мир не может нести в себе больше опасностей, чем несет в себе сам человек. Если же человек вместе со всем обществом (как национального, так и мирового масштаба) преследует нравственные цели и творит целостный идеал, то зло не может возникнуть. Как писал Н.Ф. Федоров, «нельзя даже сказать, что Бог создал слепую силу, ибо Он создал и разумную, и только по бездействию последней творит зло первая» [3, с. 94].

Существенно отметить, что у Муравьева делается акцент не на одиноком герое, а на совокупности людей, народе, объединенном общим чувством любви к Родине, на основе которого образуется собор. Философ уповает на народ. Однако только общим чувством собор не ограничивается – скрепленный верой, он совершает общее соборное действо. В этом слышны отголоски концепции В.А. Кожевникова (ученика Н.Ф. Федорова), который изложил разницу между философией чувства и веры и философией действия, а также их синтеза в философии общего дела Н.Ф. Федорова. В частности, в работе «Философия чувства и веры» (1897 г.) В.А. Кожевников, критикуя одного из наиболее ярких представителей этого философского направления XVIII в. И.Г. Гамана, пишет: «Гаманн [авторское написание. – прим. Д.Б.] не понял, что конечное назначение всякого знания и всей науки есть ... деятельность восстанавливающая, оживляющая, воскрешающая и объединяющая» [4, с. 750]. Таким образом, в поисках решения поставленной историей проблемы русской революции В.Н. Муравьев идет стопами Н.Ф. Федорова и его учеников. Непосредственное чувственное постижение Муравьевым и «миллионами русских людей» трагедии России, а также раскрывающейся в этой трагедии «какой-то силы» требует действий.

Характерной чертой космизма является категория стихийности, которая встречается в самом начале работы В.Н. Муравьева «Рев племени»: «А в это время в другом, безмолвном лагере [народном, – прим. Д.Б.] нечто совершалось. Шум грозный родился, и, гулко вздрогнув, огласилась им тишина ... звуки росли громче, и то был уже не шум людей, но ропот моря. И море, казалось, вздымается и бушует, и ревет ревом вопиющим, возрастающим, с силой чудовищной разбивая окрестные берега. И я понял, что то не моря рев, но рев народа, рев племени», – описывает Муравьев пробужденные в 1917 году силы народа, которые ему удалось услышать [5, с. 53]. Ожидание иного, нового мира – характерная черта рус-

ской мысли начала XX века. Это ожидание уловил ленинградский писатель и мыслитель 1960–1970-е гг. Б.Б. Вахтин (1930–1981) и представил его в ключе философии космизма: «Иное бытие – иной мир, просто иное, Инония... <...> Казалось, перед революцией удесятирилось ожидание, предчувствие, предвидение золотого века, рая на земле; казалось, вся душа нации исступленно бредила и грезилась чем-то единым, в котором сплетались нерасторжимо смерть и бессмертие, золотой век и гибель, могильный мрак и ослепительный свет, кровавое знамя убийц и белые розы терниев Христа» [6, с. 834]. Значение философии космизма для понимания описанного явления Б.Б. Вахтин подчеркивает через фигуру Н.Ф. Федорова: «Одним из самых могучих мыслителей этой полосы был скромный служащий Румянцевского музея Николай Федорович Федоров» [6, с. 834]. Соединение ожидания «иноного, нового мира» с именем Федорова неслучайно. Именно в космизме, идейно восходящем к Федорову, заметно особое отношение к истории человечества – как к еще только начинающейся, ведь человечество стоит еще только на пороге своего «совершеннолетия», своей способности самостоятельно осуществлять регуляцию природы (вспомним о труде В.Н. Муравьева «Овладение временем как основная задача научной организации труда» (1924 г.)), человечество находится в начале своего восхождения. Вахтин, свидетель первого полета человека в космос, мог видеть подтверждение этого тезиса, в то время как Муравьев только предчувствовал, интуитивно улавливал надвигающиеся изменения.

Существенно отметить, что космизм в отличие от, например, ницшеанства и марксизма, с которыми его нередко сравнивают², говорит о Бого-человеческом акте и со-творении. Названные же направления утверждают полную доминацию человека над миром живого и неживого. Это отличает космизм, восходящий к «Философии общего дела» (1906 г.), от других философских течений модерна, которые устремлены в нишу, возникшую после пресловутой «смерти Бога»³. Эта концептуальная особенность заметна в работе «Рев племени». Космизм утверждает концепцию продолжающегося творения, в основе которой лежит толкование Библии. Так, проф. А.П. Лопухин в толковании на книгу Бытия писал, что всемогущество Бога позволяло Ему при творении пойти разными путями – сотворить мир в один миг, разделить творческий акт на периоды – дни, а также сотворить, «вложив в мир известные целесообразные законы, предоставить им более или менее естественное течение, приведшее к продолжительному мирообразованию»⁴. И дополняет: «Последнее, на наш взгляд, еще даже более отвечает идее божественной премудрости и благодати Творца» [9, с. 36]. Несомненно, за-

²См.: Russian cosmism / edited by Boris Groys. New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, 2018. IX, 249 p. [7].

³См.: Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб.: Наука, 2019. С. 61–62 [8].

⁴См.: Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. М.: ДАРЪ, 2009. С. 36 [9].

коны, о которых пишет А.П. Лопухин, являются внешними по отношению к человеку, ведь не человек, а Бог устанавливает их. Однако созданное Богом сознание человека оказывается тождественно законам мира, и это показывает вовлеченность человека в сотворческий акт. На это обращает внимание один из главных последователей и толкователей учения Федорова Н.П. Петерсон. В печатном споре с С.А. Голованенко Петерсон, в частности, пишет, что до достижения Богочеловеческого единения и состояния человек должен восстановить «все, погибшее по его греху; погибшее потому, что человек не исполнил заповеди Господа, данной при сотворении, – управлять миром»⁵.

Таким образом, можно утверждать, что сотворческий акт Бога и человека – это не столько изобретение космизма, сколько одно из возможных толкований библейского сюжета о Творении. Н.Ф. Федоров, Вл.С. Соловьев и вслед за ними многие мыслители, включая В.Н. Муравьева, делали акцент на активном участии человека в процессе продолжения акта творения. И этот акцент был сделан как нельзя вовремя – перед самым апогеем индустриальной эпохи, когда вооруженный техническими инновациями человек набрал поистине титаническую силу, которую можно направить как на сохранение и восстановление жизни, так и на ее разрушение и уничтожение.

История для космизма – это область деятельности человека и Бога, работа спасения мира и человечества. Мир, творимый в истории, согласно русскому космизму, не есть акциденция (что свойственно акосмизму), не есть также объект поклонения (подобно тому как идеализированно воспринимался космос в античной мысли). В мире действует человек. Ориентиром для его деятельности является Божественное откровение, данное в Священном тексте. Н.Ф. Федоров выражает мысль о «несовершеннолетии» человечества – состоянии, когда человек не способен самостоятельно творить историю, а подвержен влиянию стихийных сил природы. Совершеннолетие же человечества, по Федорову, это чаемое состояние исполненного религиозной веры разума, направленного на регуляцию природы, преодоление смертности и воскрешение. Муравьев усматривает эту интенцию к историческому творчеству в русском национальном характере: «Для древнерусского человека прошлое, то, что делали отцы и деды, было вечно живым, присутствовало в делах его и направляло их. Он чтит таинственную связь времен, и Бог Совершенный ощущался им одинаково в начале и в конце исторического процесса» [5, с. 57].

Говоря о соборности, на которую ориентируется В.Н. Муравьев, стоит отметить, что соборность, будучи весьма объемным понятием, у разных авторов обретает разные оттенки смысла. Н.Ф. Федоров предлагает следующую «неученую» трактовку: «В детском чувстве всеобщего братства скрывалось то, что каж-

⁵ См.: Петерсон Н.П. О религиозном характере учения Н.Ф. Федорова: (По поводу ст. С.А. Голованенки в «Богословском Вестнике» 1914 г.). М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. С. 26 [10].

дый человек есть сын, внук, правнук, праправнук, потомок отца, дедов, прадедов, общего, наконец, праотца. А если для дитяти все люди братья и сестры, то что же такое он сам, этот ребенок, как не сын человеческий? Кому же тогда принадлежит Царство Божие? Детям и тем, кто сохранил детское чувство» [3, с. 81]. В этом прочитываются евангельские слова Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»⁶ ([Мф. 18:3]). Соборность в космизме, таким образом, есть священное детское чувство родства всех живых, живших и будущих поколений между собой, а также имманентное ощущение сыновства.

Подчеркнем, что, несмотря на смещение у мыслителей первой половины XX века семантического акцента концепции соборности на коллективизм и даже тоталитаризм⁷, Муравьев сохраняет изначальный социально-философский посыл этой концепции. Так, во второй части «Рева племени» философ называет «ложным и извращенным мнением» представление о «растворении в соборном целом» древнерусской личности, ведь не существует «противоположности между личностью и соборным целым»⁸. Со свойственной космизму критикой радикальных положений индивидуализма и социализма (вспомним федоровское «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех. это и есть объединение живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов)»⁹) Муравьев подчеркивает: «Такое противоположение в самом деле существует между индивидуализмом, замыкающим всю жизнь в пределы одной личности, и социализмом, уничтожающим личность в механическом соединении людей. <...> Живая личность и живое конкретное соборное целое неразрывно связаны и взаимно входят друг в друга, взаимно обогащаются» [5, с. 57].

Кроме того, Муравьев избегает распространенной в его время интенции к секуляризации соборности и выведению этой концепции из богословского дискурса. Тем самым философ следует изначальной философской рефлексии соборности, данной А.С. Хомяковым. Последний отмечал, что лишь в православии сохранилась подлинная соборность: «Ибо один Бог, и одна Церковь, и нет в ней ни раздора, ни разногласия. Посему Церковь называется православною» [13, с. 23].

⁶ Примечательно, что в 18 главе Евангелия от Матфея, начинающейся ответом Христа на вопрос учеников «кто больше в Царстве Небесном?» (Мф. 18:1) есть следующие слова: «Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18:11), на которые, вероятно, опирался Н.Ф. Федоров, когда писал о миссии Богочеловеческого действия: «...мысль, что чрез нас, чрез разумные существа, природа достигнет полноты самосознания и самоуправления, воссоздаст все разрушенное и разрушаемое по ее еще слепоте и тем исполнит волю Бога, делаясь подобием Его, Создателя своего» [11, с. 165].

⁷ См.: Biriukov D. Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost // Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds I. Paert, A. Shishkov and A.R. Kolosova. 2025. (URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Дата обращения: 20.04.2026)) [12].

⁸ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 57.

⁹ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... С. 110.

Ни римская католическая церковь, где присутствует единство, но отсутствует свобода, ни протестантизм, где «плоды обнаруживаются во внутреннем раздоре верований, в признанном или неизбежном субъективизме», т.е. есть свобода при отсутствии единства – «это не та свобода, которой Бог открыл Свои тайны»¹⁰. Соборность в русской философии неразрывно связана с православием. Утверждая одновременно христианский характер русской культуры и соборный характер общественного устройства древнерусского общества, Муравьев следует русской религиозно-философской традиции.

В третьей части работы «Рев племени» Муравьев переходит к проблеме ответственности за большевистскую революцию и другие общественные вызовы XIX–нач. XX в. Он говорит об «отрыве русской идейной жизни от ее религиозных и национальных корней», который был отмечен еще П.Я. Чаадаевым¹¹. Отрыв интеллигенции от народа и церкви заключается в переходе первой к умозрительному мышлению, лишенному действия. «Интеллигенция оторвалась от народа, – пишет В.Н. Муравьев, – отвергла древнерусское мирозерцание», в то время как традиционное русское мышление было неотъемлемо от действия, благодаря чему возникла «небывалая цельность духа» русской культуры. Известную радикальность отечественной культуры – «русский человек и тогда, как теперь, вечно бросался в крайности, творил рядом преступления и духовные подвиги» – Муравьев объясняет цельностью мысли и действия русского человека: «Не было в нем раздвоенности между мыслью и действием. <...> Для него мысль, ощущение, чувство, действие, из них вытекающее, – были тождественны» [5, с. 54–55]. Источником тождества мышления, чувства и дела Муравьев считает русское православие, ведь «внутренняя сущность православия – в его самодовлеющей полноте <...> Дух православия есть дух всеобъемлющий»¹². Эта полнота, считает Муравьев, снимает любые противоречия – «субъекта и объекта, сознания и бытия и прочих кажущихся противоположностей»¹³. Это целостное мирозерцание выражается, по мысли философа, в крайней значимости обрядовой составляющей в православии древней Руси¹⁴.

«Со времени Петра, – пишет Муравьев, – начинается отрыв образованных русских классов от народа и усвоение ими нового западного мирозерцания» [5, с. 59]. Народ же «остался при старом. <...> Он продолжал жить исторически, воспринимая события и участвуя в них целостным, действенным образом»¹⁵. Однако народ, «выделяющий» из себя образованную часть, нуждается в ней, подобно тому как «цветок плодоносный для растения – необходимый орган, обновляющий

¹⁰ См.: Хомяков А.С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 182–183 [14].

¹¹ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 59.

¹² Там же. С. 56.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 59.

¹⁵ Там же.

его жизнь и двигающий его развитие». Но интеллигенция не давала нового развития народу – напротив, она отторгала свойственную ему историю и культуру и «воспринимала чуждое народу мирозерцание, отрывалась от народа, жила вне связи с русской историей»¹⁶. В результате «древнее мирозерцание наше не могло развиваться», «не развиваясь же, оно должно было зачахнуть и умереть»¹⁷.

Исчерпание народной культуры, начавшееся в нач. XIX в., В.Н. Муравьев считает причиной русской смуты XX в: «Три века держалось оно [древнее народное мирозерцание. – прим. Д.В.], несмотря на ожесточенную войну, объявленную ему интеллигенцией, и три века им держалось русское государство. Наконец, к началу XIX века народ оказался вовсе без мирозерцания. Старое умерло, нового он не усвоил» [5, с. 56]. Муравьев возлагает ответственность за социальные конфликты на интеллигенцию, которая усвоила европейскую философскую мысль максималистски (что также является чертой русского национального характера), оторвавшись от древней народной культуры. Интеллигенция вступила на путь отвлеченной теории, «умственности в худшем ее виде», разделяющей мысль и дело, в то время как народу это разделение было несвойственно. Произошел культурный разрыв, а за ним – социальная аномия.

Оставаясь «цветком плодоносным» для народа, интеллигенция со свойственным русской душе максимализмом усвоила «совокупность идей, отражавших все главные течения европейской мысли», пишет Муравьев¹⁸. Все идеи «доводились без колебаний до конца. Из них сделаны были бесстрашно все последние, самые суровые и нелепые выводы. Русские интеллигенты остались русскими людьми, искали в европейских откровениях последнюю религиозную правду. И в каждой идее, в каждой теории старательно, ни перед чем не останавливаясь, ее выводили»¹⁹. Иными словами, Муравьев постулирует тезис о внутренней религиозности русской культуры, интенции поиска религиозной правды? свойственной как народу, так и интеллигенции, ведь «наиболее полным идеалом древнего русского мирозерцания было Царство Божие на земле»²⁰. Позднее Н.А. Бердяев назовет характер русской культуры «эсхатологическим по конечной цели»²¹.

Однако Муравьев заостряет конфликт, подчеркивая, что интеллигенция создала для народа искусственную правду в виде социалистических и либеральных идей. Народ же воспринял эту правду со свойственным ему деятельным подходом, несмотря на «умственный» характер социализма и либерализма: «умственная мысль рассуждает о чем-то вообще, об отвлеченных понятиях, каче-

¹⁶ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 56.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Там же. С. 60–61.

²⁰ Там же. С. 58.

²¹ См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / под ред. М.А. Маслина. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 43 [15].

ствах, категориях. Противоположность умственной мысли есть мысль конкретная, имеющая все время в виду “этость” предмета, о котором она рассуждает»²². Здесь, по мнению В.Н. Муравьева, кроется трагедия русской истории, от которой «умственность» отрывает человека, превращая его в отвлеченный спекулятивный концепт: «Конкретная мысль есть всегда мысль историческая. <...> Сущность конкретной мысли есть постижение прошлого как единственно существующего. И постижение это необходимо не умственное, а целостное, всем существом человека» [5, с. 61].

В данной части текста В.Н. Муравьева, на наш взгляд, нетрудно рассмотреть образ интеллигента, не оторвавшегося от народа, сохранившего имманентную народной душе целостность, – Н.Ф. Федорова. Более того, сходный взгляд на историю русской интеллигенции встречается и у самого Н.Ф. Федорова. Во второй части «Вопроса о братстве...» (1906 г.) Федоров ставит «вопрос о примирении военно-гражданского с христианским, веры с знанием, светского с духовным» и подчеркивает «противоречие военного с христианским, ... глубокое противоречие гражданского с христианским и ... еще более глубокое противоречие между христианским и естественным»²³. Не заметив эти противоречия, считает Федоров, «во имя естественного Запад отверг христианское, а за Западом и наша интеллигенция в большей ее части»²⁴. Говоря шире, Федоров принципиально критиковал разрыв «ученого» и «неученого» сословий, всегда вставая на защиту последнего, к которому относил и себя. Об этом свидетельствует название одной из главных его работ – «Записка от неученых к ученым...» (1906 г.)²⁵.

В заключительной четвертой части «Рева племени» В.Н. Муравьев утверждает безвозвратный разрыв между отвлеченно мыслящей интеллигенцией и действительно ориентированным народом: «Идея хотела направить действие, но действие уничтожило идею. Последняя превратилась в дым, в мечту. Осталось одно действие, без идеи ... вместо интеллигенции, подчиняющей народ внушенному разумом идеалу, оказался народ, подчинивший своим неразумным действием интеллигенцию» [2, с. 66].

Конкретность истории – ключевая категория «Рева племени» – оказалась сильнее отвлеченного мирозерцания. История для Муравьева – «конкретный материал для нашего действия». Социология же, набравшая популярность на границе XIX–XX вв., выступает для Муравьева источником правил, которые «сознаются нами не как правила даже, а ощущаются как силы, как непререкаемые обязательства, завещанные прошлым и толкающие нас к определенным совершениям будущего»²⁶. То есть социологическая мысль выступает в качестве

²² См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 61.

²³ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... С. 120.

²⁴ Там же.

²⁵ Полное название – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим)».

²⁶ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 69.

исследовательской методологии для постижения самой глубины народной жизни, по правилам которой следует выстраивать всякий образ будущего во избежание социальных «провалов» и «разломов», каким явился отрыв интеллигенции от народа. Так, по Муравьеву, достигается соединение теории с практикой, при котором «наше познание исходит ... из момента сегодняшнего, конкретного, "этого", включающего одинаково и время, и вневременность» [5, с. 69]. Наука встает на рельсы религиозной практики, обретая нравственный вектор, что отражает этику философии общего дела Н.Ф. Федорова.

Практически социология В.Н. Муравьева должна быть реализована появлением новой, не оторванной от народной жизни интеллигенции: «Мы должны наконец сознать свою нерасторжимую связь с историей и с народом, творящим историю» [5, с. 69]. «То, что мы испытываем, и то, что мы выражаем, есть то, что испытывает и выражает в веках русский народ. Мы – его вестники и глашатаи. <...> Мы уносимся внутренне в его бушующей, идущей из глубины веков стихии» [2, с. 69–70]. Буквально вторя Н.Ф. Федорову, призывавшему к регуляции стихийных сил природы объединенными усилиями «ученых и неученых», Муравьев констатирует гибель кабинетного типа мыслителя, которого «смяла и разнесла» народная стихия. И «рев племени» одновременно есть «животворный родник истории», от которого «будут черпать отныне творцы новой русской действительности»²⁷.

По мысли Н.Ф. Федорова, любая стихия слепа, и глаза ей дает человеческий разум. Муравьев согласен с этим положением и предлагает направление для «народной стихии». Средневековую культуру, проникнутую духом соборности в Церкви и духом родства в частной жизни, подменила «плоскостность ... отрицание времени, рода и племени». На этой почве, по мнению Муравьева, и стали возможны «глупость и невежество» революции, которая явилась «царством ... одномерности настроений и влечений». «Убивающая плоскость» есть «царство трупов, похороненных без отпевания». Однако Муравьев в федоровском жизнеутверждающем ключе восклицает: «Смерти нет. Она – отвратительное подобие жизни, внешнее целое ... труп – кощунственное подражание человеку» [5, с. 70]. Уподобляя интеллигенцию Софии Премудрой, Муравьев верит в ее покаяние и возвращение «в отеческое лоно, в хранилище русского духа». После чего «русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности». Наступит время, когда «человек сознал себя народом и слабые члены свои, смертные в настоящем, бессмертно расправил в безвременной временности веков»²⁸. Очевидно, что мысли Муравьева свойственна интенция к преодолению конфликта между народом и интеллигенцией путем соучастия обоих социальных страт в восстановлении подлинно народной жизни путем искоренения «убивающей плоскости» рационализма из последней. Это роднит философа с движением славянофилов и Ф.М. Достоевским.

²⁷ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 70.

²⁸ Там же. С. 71–72.

Анализ работы В.Н. Муравьева «Рев племени» показывает изменения в отношении философа к революции и советской власти. Если в 1924 г. Муравьев напишет «Овладение временем...», где старается идти в русле общественных и государственных запросов научной организации труда²⁹, то в 1918 г. философский интерес Муравьева сосредоточен на историософии России, источниками которой являются русское православие и идеи русской религиозной философии. Подчеркнем также, что в «Реде племени» есть лишь одно (хотя концептуально значимое) упоминание гностических концептов (Софии и Эона³⁰), но отсутствуют мистические аспекты, свойственные более позднему произведению В.Н. Муравьева «София и Китоврас» (1921–1925 гг.).

Существенно отметить, что философии истории Муравьева не свойственна надежда на разрушение старого и рождение нового мира из субъектного хаоса, свойственная многим интеллектуалам нач. XX в. Это роднит его мысль с идеями Вл.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова³¹. Муравьев выражает веру в народ, в глубокое его православное начало, которое уже содержит потенцию космической гармонии. Народная действенность призвана уравновесить блуждающий ум интеллигенции. Утверждение Муравьева об имманентности православия русскому народу сходно утверждению Вл.С. Соловьева, высказанному в «Русской идее» (1888 г.): «Народ русский – народ в глубине души своей христианский» [18, с. 245]. Положение Муравьевым в основание «органического соединения людей», т.е. соборности, родства, «сознания единого корня, связующего разрозненные как будто действия»³², на наш взгляд, отсылает к философии общего дела Н.Ф. Федорова, где родство также является связующей нитью атомизированных индивидов в едином воскресительном проекте и главным источником скрепляющего соборного чувства. Кроме того, работы В.Н. Муравьева наполнены метафорами и олицетворениями, свойственными литературному тексту, и в этом выражается существенная черта русской философии – ее близость художественной литературе.

Поскольку Муравьев во время написания текста «Рев племени», вероятно, еще не был знаком с идеями Н.Ф. Федорова, прямые цитаты и упоминания его имени отсутствуют. Тем не менее проведенный анализ позволяет обнаружить в тексте Муравьева концептуальные тенденции, которые в 1920-е гг. станут определяющими для открытого и положительного восприятия В.Н. Муравьевым философии общего дела Н.Ф. Федорова.

²⁹ См.: Барановский Д.В. Философское наследие Н.Ф. Федорова в XX–XXI вв.: проблема формирования отечественной исследовательской традиции: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. С. 63–84 [16].

³⁰ См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 71.

³¹ См.: Романов Д.Д. Софиологический и персоналистический аспекты интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 3(87). С. 142 [17].

³² См.: Муравьев В.Н. Рев племени. С. 70.

Список литературы

1. Колеров М.А. Сборник «Из глубины» (1918): осознание диктатуры. Новые данные // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2018. Т. 1, № 1. С. 28–40.
2. Муравьев В.Н. Собрание России // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / сост., предисл. и коммент. Г.П. Аксенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 73–75.
3. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве... // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
4. Кожевников В.А. Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. Ч. 1. М., 1897. 757 с.
5. Муравьев В.Н. Рев племени // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / сост., предисл. и коммент. Г.П. Аксенова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 52–72.
6. Вахтин Б.Б. Человеческое вещество // Портрет незнакомца / сост.: И.В. и Н.Б. Вахтины. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2010. С. 817–923.
7. Russian cosmism / edited by Boris Groys. New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, corp., 2018. IX, 249 p.
8. Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб.: Наука, 2019. 568 с.
9. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета / под ред. А.П. Лопухина. В 7 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. М.: ДАРЪ, 2009. 1056 с.
10. Петерсон Н.П. О религиозном характере учения Н.Ф. Федорова: (По поводу ст. С.А. Голованенки в «Богословском Вестнике» 1914 г.). М.: печ. А.И. Снегиревой, 1915. 30 с.
11. Федоров Н.Ф. Заметки личного характера // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. IV. М., 2004. С. 161–168.
12. Biriukov D. Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost. In The Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity / eds I. Paert, A. Shishkov and A.R. Kolosova. 2025 Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Дата обращения: 20.04.2026))
13. Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 5–23.
14. Хомяков А.С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Хомяков А.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медимум, 1994. С. 129–195.
15. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / под ред. М.А. Маслина. М.: Изд-во «Наука», 1990. С. 43–271.
16. Барановский Д.В. Философское наследие Н.Ф. Федорова в XX–XXI вв.: проблема формирования отечественной исследовательской традиции: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. 189 с.
17. Романов Д.Д. Софиологический и персоналистический аспекты интерпретаций концепции хаоса в поэзии Ф.И. Тютчева в русской философии // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 3(87). С. 132–145. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.132-145.
18. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 219–246.

References

(Sources)

Collected Works

1. Berdyaev, N.A. Russkaya ideya [Russian Idea], in *O Rossii i russkoy filosofskoy kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October Diaspora]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1990, pp. 43–271.
2. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve... [The Question of Brotherhood or Kinship...], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. I* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 35–308.
3. Fedorov, N.F. Zametki lichnogo kharaktera [Personal Notes], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vols., vol. IV]. Moscow, 2004, pp. 161–168.
4. Groys, B. *Russian cosmism* (ed.). New York: E-flux; Cambridge, Mass.: The MIT press, cop., 2018. IX. 249 p.
5. Khomyakov, A.S. Tserkov' odna [The Church is One], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Raboty po bogosloviyu* [Collected Works in 2 vols., vol. 2. Theological Works]. Moscow: Medium, 1994, pp. 5–23.
6. Khomyakov, A.S. Eshche neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroispovedaniyakh. Po povodu raznykh sochineniy latinskikh i protestantskikh o predmetakh very [A Few More Words of an Orthodox Christian Concerning Western Confessions. On the Occasion of Various Latin and Protestant Writings on Matters of Faith], in Khomyakov, A.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2. Raboty po bogosloviyu* [Collected Works in 2 vols., vol. 2. Theological Works]. Moscow: Medium, 1994, pp. 129–195.
7. Solov'ev, V.S. Russkaya ideya [Russian Idea], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Collected Works, in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 219–246.
8. Lopukhina, A.P. (red.). *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta. V 7 t., t. I: Pyatiknizhie; Istoricheskie knigi* [Explanatory Bible, or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. In 7 vols., vol. I: Pentateuch; Historical books]. Moscow: DAR, 2009. 1056 p.

Individual Works

9. Kozhevnikov, V.A. *Filosofiya chuvstva i very v ee otnosheniyakh k literature i ratsionalizmu XVIII veka i k kriticheskoy filosofii. Ch. 1* [Philosophy of Feeling and Faith at Its Relationship to Literature and Rationalism of the 18th Century and to Critical Philosophy. Part 1]. Moscow, 1897. 757 p.
10. Murav'ev, V.N. Rev plemeni [The Roar of the Tribe], in Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time. Selected Philosophical and Publicistic Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998, pp. 52–72.
11. Murav'ev, V.N. Sobiranie Rossii [Collecting Russia], in Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publitsisticheskie proizvedeniya* [Mastering Time. Selected Philosophical and Publicistic Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998, pp. 73–75.
12. Peterson, N.P. *O religioznom kharaktere ucheniya N.F. Fedorova: (Po povodu st. S.A. Golovanenki v «Bogoslovskom Vestnike» 1914 g.)* [On the Religious Character of N.F. Fedorov's Teaching: (Regarding the Article by S.A. Golovanenko in the “Bogoslovskiy Vestnik” of 1914)]. Moscow: pech. A.I. Snegirevoy, 1915. 30 p.
13. Vakhtin, B.B. Chelovecheskoe veshchestvo [Human Substance], in Vakhtin, B.B. *Portret neznakomtca* [Portrait of a Stranger]. Saint-Petersburg: ZAO «Zhurnal “Zvezda”», 2010, pp. 817–923.

(Articles from Scientific Journals)

14. Kolerov, M.A. Sbornik «Iz glubiny» (1918): osoznanie diktatury. Novye dannye [Collection "From the Depths" (1918): Awareness of Dictatorship. New Data], in *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*, 2018, vol. 1, no. 1, pp. 28–40.

15. Romanov, D.D. Sofiologicheskiy i personalisticheskiy aspekty interpretatsiy kontseptsii khaosa v poezii F.I. Tyutcheva v russkoy filosofii [Sophiological and Personalistic Aspects of Chaos Concept in F.I. Tyutchev's Poetry Interpretations in Russian Philosophy], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 3(87), pp. 132–145. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.3.132-145.

(Monographs)

16. Gryakalov, A.A. *Topos i sub"ektivnost'. Svidetel'stva utverzhdeniya* [Topos and Subjectivity. An Evidence of Assertion]. Saint-Petersburg: Nauka, 2019. 568 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

17. Baranovskiy, D.V. *Filosofskoe nasledie N.F. Fedorova v XX–XXI vv.: problema formirovaniya otechestvennoy issledovatel'skoy traditsii*. Diss. ... kand. filos. nauk [The Philosophical Legacy of N.F. Fedorov in the 20th–21st Centuries: The Problem of Forming a Domestic Research Tradition. Cand. philos. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2021. 189 p.

(Electronic Resources)

18. Biriukov, D. *Egalitarian and Totalitarian Lines Within the Structure of Sobornost. In The Wiley Blackwell Companion to Conciliarity in Modern Orthodox Christianity*. 2025. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781394195855.ch23> (Date of access: 20.04.2026).

УДК 77.04(47)

ББК 87.821.12

Екатерина Евгеньевна Звонова

Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), кандидат философских наук, доцент института социальных наук, Россия, Москва; Филиал частного учреждения образовательной организации высшего образования «Медицинский университет “Реавиз”» в городе Москве, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Россия, Москва, e-mail: inflammatur@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Григорьева

Московский государственный университет, аспирант первого года обучения, Московский государственный университет, философский факультет, кафедра онтологии и теории познания, Россия, Москва, e-mail: yatak.grig@yandex.ru

Интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах

Аннотация. Рассматривается проблема интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах. Актуальность исследования обусловлена целесообразностью изучения свойственных советской культуре интерпретаций идеи покорения космоса в целях стимулирования современных космических разработок за счет формирования позитивного образа космической экспансии, а также в целях более тщательного исследования проблемы соотношения проектов русского космизма и русского коммунизма. Материалом для изучения выступают ленты «Космический рейс» (1936 г.), «Полет на Луну» (1953 г.), «Укрощение огня» (1972 г.). Работа с материалом осуществлена с применением методов дискурс-анализа, семиотического анализа, культурно-исторического метода, компаративного анализа. Показано, как «преобразовательные» мотивы космизма ассимилируются советской культурой. Пересечение космистского и советского дискурсов составляет феномен, именуемый «советским космизмом». Интерпретации идеи освоения космоса в фильмах иллюстрируют данный феномен и тенденцию к отождествлению космических свершений и победы коммунизма. В качестве знаков этого отождествления рассматриваются символы и идеологически значимые названия и действия, визуализация пространства, включающего «советские» и «космические» постройки, обращения к «прометеевскому» мотиву дерзания, одержимости, ценности освобождения, темы единства и достоинства советского народа, превосходства СССР над США. Означенные интерпретации рассматриваются как воплощение «советского космизма» в силу их связи с идеями нераздельности повседневности и глобального проекта, коллективного решения общезначимой задачи, братских отношений между «новыми людьми», регуляции естественных явлений, «киной природы», преобразовательного потенциала науки и техники, проектно-практической ориентации. Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом олицетворяет фигура К.Э. Циолковского. Отмечается, что исследуемые интерпретации несут на себе печать периода создания содержащих их фильмов.

Ключевые слова: советский художественный кинематограф, семиозис космоса в СССР, русский космизм, «советский космизм», русский коммунизм, управление природой

Ekaterina Evgenyevna Zvonova

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Ph.D., Associate Professor, Institute of Social Sciences, Russia, Moscow; Branch of the private institution of the educational organization of higher education "Medical University "Reaviz"" in Moscow, Associate Professor of the Department of Public Health and Health, Russia, Moscow, e-mail: nflammatur@yandex.ru

Ekaterina Sergeevna Grigoreva

Moscow State University, first-year postgraduate student, Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Russia, Moscow, e-mail: yatak.grig@yandex.ru

Interpretations of the idea of space exploration in Soviet films

Abstract. The article examines the problem of interpreting the idea of space exploration in Soviet feature films. The relevance of this study stems from the need to examine the interpretations of space conquest characteristic of Soviet culture in order to stimulate contemporary space developments by fostering a positive image of space expansion, as well as to investigate more thoroughly the correlation between the projects of Russian cosmism and Russian communism. The materials for analysis are the films *Cosmic Voyage* (1936), *Flight to the Moon* (1953), and *Taming of Fire* (1972). The analysis employs methods of discourse analysis, semiotic analysis, the cultural-historical method, and comparative analysis. The article demonstrates how the "transformative" motives of cosmism are assimilated by Soviet culture. The intersection of cosmist and Soviet discourse constitutes a phenomenon termed "Soviet cosmism". The interpretations of space exploration in these films illustrate this phenomenon and the tendency to identify cosmic achievements with the victory of communism. As markers of this identification, the article examines symbols and ideologically significant names and actions; the visualization of space encompassing "Soviet" and "cosmic" structures; appeals to the "Promethean" motif of daring, obsession, and the value of liberation; and themes of unity and dignity of the Soviet people, as well as the superiority of the USSR over the United States. These interpretations are regarded as embodiments of "Soviet cosmism" due to their connection with the following ideas: the inseparability of everyday life from the global project; the collective resolution of a universally significant task; fraternal relations among the "new people"; the regulation of natural phenomena and the concept of "a different nature"; the transformative potential of science and technology; and a project-oriented, practical focus. The continuity between Russian cosmism and Soviet discourse is personified by the figure of K.E. Tsiolkovsky. The interpretations under study bear the imprint of the historical period in which the films were produced.

Key words: Soviet feature cinema, semiosis of space in the USSR, Russian cosmism, "Soviet cosmism", Russian communism, control of nature

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.082-097

Задача развития направлений, связанных с освоением космоса, весьма актуальна для России¹. Чтобы стимулировать космические разработки, необходимо формировать позитивный образ покорения космического пространства на уровне общественного сознания.

¹ См.: Сергеева А.С. Развитие перспективных космических технологий и систем как основа технологического суверенитета России // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 1. С. 17–26 [1]; Жданов В.Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных

Для решения указанной задачи целесообразно использовать опыт советской культуры, изучать представленные в ней интерпретации идеи освоения космоса. Космические успехи Советского Союза несомненны: достаточно вспомнить запуск первого спутника Земли (1957 г.), первое достижение поверхности Луны (1959 г.) и полет Ю.А. Гагарина (1961 г.)². Этим прорывам способствовали репрезентации космической экспансии в советской культурной среде. Последняя формировалась под влиянием «завета Ильича», сохранившегося благодаря воспоминаниям А.В. Луначарского: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино»³.

Объектом нашего исследования является идея освоения космоса в советской культуре, предметом – интерпретации этой идеи в советском художественном кинематографе. Прежде чем перейти к их анализу, раскроем мировоззренческое значение космического проекта СССР и его соотнесенность с философией русского космизма.

Цель космической экспансии была важна для Советского Союза не только в научном и политическом плане – она сфокусировала суть советской атеистической духовности. Так, Н.С. Попова и С.И. Попов пишут: «Полеты в космос стали главным воплощением советской культуры времен пика ее силы и своеобразности, так что вне этого контекста их понять просто нельзя (с утилитарной точки зрения, которая инфицировала общественное сознание к концу Советского Союза, в них не увидишь ни чуда, ни пафоса). Порыв в космос явился наиболее полным воплощением «советскости» (символично выглядит в этой связи порыв постсоветской России к обзаведению флотилиями мегаяхт и вообще, так сказать, ко дну океанов)» [5, с. 54].

Покорение космоса часто рассматривалось практически как эквивалент победы коммунизма, чему способствовало соперничество в сфере освоения космоса между СССР и США (космическая гонка). Подобная эквивалентность отражена во многих феноменах советской культуры. Е.А. Федосов исследует пересечение космической и идеологической тем в плакатах, журнальных и газетных рисунках, карикатурах⁴. А.В. Астахова отмечает, что советский павильон для выставки Экспо-70 похож одновременно на башню Татлина и на монумент «Покорителям космоса», причем вершину павильона венчают серп и молот, а вершину монумента – ракета⁵.

вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18–28 [2]; Уваров Д.Н. Проблемы и перспективы космической отрасли России // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2021. Т. 13, № 1. С. 40–50 [3].

² См.: Герасютин С.А. Стремление ввысь. Очерки космонавтики. М.: Ноократия, 2024. 744 с. [4]; Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 1 1960–1963 гг. // Скрытый космос. В 4 кн. М.: Инфортекст-ИФ, 1995. 400 с. [5].

³ См.: Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 19 [6].

⁴ См.: Федосов Е.А. Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957–1965 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 200–218 [8].

⁵ См.: Астахова А.В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // Дискурс. 2023. Т. 9, № 4. С. 22 [9].

«Советскость» идеи освоения космоса удивительна, но закономерна. Удивительна, потому что обоснование и развитие она получила до возникновения Советского Союза – в рамках русского космизма, родоначальником которого является Н.Ф. Федоров, считавший созданное им учение «активным христианством» и отвергавший путь революционных преобразований. Закономерна, потому что и русский космизм, и русский коммунизм (несмотря на формально атеистический характер идеологии) впитали паттерны православного мировоззрения, определившего многие особенности отечественного менталитета⁶. В советской культуре коммунистические идеалы и чаяния русского космизма слились воедино.

Философское творчество Н.Ф. Федорова относится ко второй половине XIX века и во многом представляет собой реакцию на те же запросы, что и популярные тогда социалистические идеи. «Неотмирная» («пассивная») интерпретация христианского учения не удовлетворяла потребность в «земном» решении вопросов, связанных с организацией оптимального распределения ресурсов, обеспечением достойного существования большинства членов общества, а не сравнительно немногочисленных привилегированных его групп. Она не позволяла осмыслить бурное развитие науки в контексте предельных смыслов человеческого существования. Назревала дилемма: или духовность и пассивное «смирение» – или материализм и революционный протест.

Н.Ф. Федоров попытался разрешить эту дилемму, призвав к одухотворению мира, подразумевающему его преобразование («преображение») на материальном уровне. Философ стремился перенаправить энергию протеста на естественный порядок мира, согласно христианству установившийся после грехопадения. Ведь именно он порождает ограниченность ресурсов, которая чревата революциями и войнами. Альтернативой классовой солидарности и классовой борьбе Н.Ф. Федоров считал объединение людей во имя общего дела, направленного на регуляцию природы. Его реализация призвана устранить естественные основания взаимной вражды.

Недаром ключевым концептом русского космизма ряд ведущих исследователей (например, С.Г. Семенова и А.Г. Гачева)⁷ считает идею активной эволюции, т.е. эволюции, направляемой разумом, волей и нравственным чувством человека. Согласно активно-эволюционной логике, природа создает человека, чтобы тот воссоздал ее и природные силы перестали быть слепыми, чтобы естество через него обрело моральное самосознание. Противоречия в отношениях природы и человека оказываются диалектическими, способствующими их взаиморазвитию. Неслучайно Н.Ф. Федоров полагал: «Природа нам враг временный,

⁶ См. об этом подробнее: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с. [10].

⁷ См.: Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с. [11].

а друг вечный потому, что нет вражды вечной, а устранение временной есть наша задача, задача существ, наделенных чувством и разумом» [10, с. 521].

Победа над смертью и воскрешение предков – это то, с чем у многих федоровское учение ассоциируется прежде всего. Эта идея сохраняет актуальность по сей день, обретая новые смыслы, например в контексте трансгуманизма и синергетики⁸. Но имморталистские проекты являются лишь частными проявлениями активно-эволюционной деятельности человека по регуляции природы на уровне микрокосма. Освоение же космоса предполагает расширение сферы ее применения до масштабов макрокосма.

Признание ценностно ориентированного управления природными процессами «точкой сборки» русского космизма не только позволяет верно оценить мировоззренческое значение космической экспансии для Н.Ф. Федорова и его последователей, но и делает очевидной закономерность интеграции «преобразовательных» сюжетов космизма в дискурс советской культуры, романтизирующей контроль над природой.

Разумеется, соответствующие сюжеты претерпели трансформацию. Преобразование природы в изначальной оптике космизма означает не превозношение над ней, но воплощение природной интенции. Логика советского проекта способствовала тому, что преобразование было зачастую интерпретировано как покорение, преодоление. Смена фокуса была обусловлена стремлением советской культуры создать «нового человека», воплощающего прометеевский тип личности⁹. Поскольку «новый человек» восстает против любого угнетения, закономерен его протест не только против тирании социальной, но и против диктатуры слепых законов естества. Подобная расстановка акцентов коснулась и освоения космического пространства. В этом смысле символично название монумена «Покорителям космоса».

Однако четкую границу, которая отделяла бы действия, выражающие интенцию природы к самосовершенствованию через человека, от подчинения естества человеческой воле, провести проблематично. Поэтому отсылающие к управлению природными процессами концепты русского космизма и советской идеологии сливаются воедино, образуя идейный континуум, именуемый нами «советским космизмом». Попытки установить, чего больше в конкретном феномене, «космистского» или «советско-коммунистического», зачастую напоминают спор о том, что первично – яйцо или курица.

Реализация проекта русского космизма означала бы возникновение общества без классовой борьбы, скрепленного неотчужденным трудом, соответствующего идеалу коммунизма. Но может ли наука, мощное орудие регуляции природы, служить «общему делу» в капиталистическом обществе? Вероятно, нет,

⁸ См.: Tumarkina L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy // Pensamiento. 2023. Vol. 79, № 302. P. 73–92 [13].

⁹ См.: Яковлева Е.Л. Конструирование советского человека посредством мифов // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178 [14].

ведь ее финансирование определяется частными интересами. В связи с этим правомерно считать коммунизм условием воплощения чаяний русских космистов.

Взаимной дополнительностью и диалектическим единством космистского и коммунистического проектов объясняется тот факт, что идея освоения космоса, представляющая собой эмблему космизма, стала символом победы коммунизма в советский период. Для лучшего понимания интерпретаций космической экспансии коснемся наиболее ярких феноменов «советского космизма».

Примером синтеза космистских и коммунистических идей является пролетарский и новокрестьянский космизм. С.Г. Семенова справедливо отмечает, что стихи и статьи пролетарских поэтов – от М.П. Герасимова и В.Т. Кириллова до И.Г. Филипченко и А.К. Гастева – отражают представление о революции не как об обычной социальной перестройке общества, но как о бытийственном перевороте, открывающем новую планетарно-космическую эру, преобразующую мировой порядок и человека¹⁰. Развита авторами «крестьянской купницы» концепция «мужицкого рая» перекликается и с идеями Н.Ф. Федорова о космичности сельской жизни и преобразовательном потенциале крестьянского труда, и с идеалом государства рабочих и крестьян¹¹.

Культура раннего советского периода впитала концепты воскрешения предков (патрификации) и обретения бессмертия. В начале двадцатых годов XX века лидер движения биокосмистов Александр Святогор утверждал, что социальная программа почти завершена, а теперь остается «поставить на очередь дня космическое воскрешение мертвых»¹². Б. Гройс подчеркивает, Святогор полагал бессмертие предпосылкой и целью коммунистического общества будущего, ведь, поскольку смерть разделяет людей, подлинная солидарность может быть лишь между бессмертными¹³. И.Г. Эренбурга спрашивали во время лекций, как скоро коммунизм откроет возможность победы над смертью¹⁴.

Большие надежды возлагались на научную организацию труда¹⁵, позволяющую регулировать физическую реальность, особенно время. Знаковой с этой

¹⁰ См.: Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 13 [15].

¹¹ Там же. С. 40–66.

¹² См.: Бердяев Н. А. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: Международные отношения, 1990. С. 219 [16].

¹³ См.: Groys B. *Becoming Cosmic in: Russian Philosophy in the Twenty-First Century* // *Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology* / ed. by M. Sergeev, A.N. Chumakov, M.E. Theis. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021. P. 155 [17].

¹⁴ См.: Масинг-Делич А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века / пер. с англ. М. Абушика. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. С. 8 [18].

¹⁵ См.: Надехина Ю.П., Крюкова Е.В., Геокчакая А.Г. «Культура труда» и «культурная революция» в СССР. Деятельность ЦИТа в 1920-е–1930-е гг. // *Человек и культура*. 2023. № 2. С. 15–22 [19]; Дволучанский И.В. Социокультурный фактор влияния на формирование идей научной организации труда в работах Алексея Гастева // *Управленческое консультирование*. 2024. № 4. С. 116–124 [20].

точки зрения является работа В.Н. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924 г.)¹⁶. Ее автор полагает, что научная организации труда (НОТ) получает бесспорную цель лишь исходя из интенции управления временем для преобразования мира, для его «космизации». Мыслитель подчеркивает новый статус науки: она обретает всеобщий, всечеловеческий характер, становится преддверием науки космической.

Изданная в 1924 году, работа В.Н. Муравьева является отражением не только политических и социальных, но и антропологических преобразований Страны Советов. Н.И. Бухарин на XIII съезде РКП(б) провозгласил главным «приобретением» советской революционной власти создание нового типа людей¹⁷. Это событие выявляет смысл укрощения природы: оно выступает формой самореализации «нового человека».

Как и прочие «преобразовательные» мотивы, мотив управления временем характеризует не только философские работы, он пронизывает все сферы жизни государства, ориентированного на индустриализацию и перевыполнение планов. В романе В.П. Катаева «Время, вперед!» (1932 г.), название которого отсылает к тексту пьесы В.В. Маяковского «Баня» (1929 г.), инженер Налбандов произносит знаковую фразу: «Мы достигнем скорости света и станем бессмертными» [20, с. 267]. В продолжающем русский космизм советском и в породившей его культуре идеи объединяющего людей труда, преобразования природы, управления временем и имморталистские чаяния также оказываются слитыми воедино.

Это единство интегрирует и в проекты покорения пространства, включая пространство космическое. Утверждение о «пространстве в целом» подтверждается примерами освоения целины, арктической экспедиции челюскинцев и т.п.; вспоминаются слова из «Марша веселых ребят» (1934 г.): «Мы покоряем пространство и время, / Мы – молодые хозяева земли»¹⁸. Об общем значении космической экспансии для культуры СССР сказано достаточно; перейдем непосредственно к изучению ее интерпретаций, отраженных в фильмах.

Для анализа мы выбрали три произведения – «Космический рейс» (1936 г.), «Полет на Луну» (1953 г.) и «Укрощение огня» (1972 г.). Выбор во многом обусловлен тем, что время создания этих кинолент приходится на разные периоды советской истории, что позволяет учитывать эволюцию процесса репрезентации космического проекта. Кроме того, данные картины визуально и жанрово различны; наличие общих тенденций в «неоднородных» произведениях с большой

¹⁶ См.: Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издательство автора, 1924. 127 с. [21].

¹⁷ См.: Бухарин Н.И. Доклад о работе среди молодежи / Заседание одиннадцатое 29 мая // Стенографический отчет Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. М.: Государственное издательство Политической литературы, 1963. С. 515 [22].

¹⁸ См.: Дунаевский И., Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят. 1934 [Электронный ресурс]. URL: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (Дата обращения: 02.05.2026) [24].

степенью вероятности не случайно. «Космический рейс» представляет собой черно-белый немой научно-фантастический фильм о первом космическом путешествии. «Полет на Луну» – мультфильм, который часто рассматривается как ремейк «Космического рейса» из-за сходства сюжетов. «Укрощение огня» – драматический фильм о развитии советского ракетостроения и судьбе конструктора Андрея Башкирцева (собираТЕЛЬНЫЙ образ, вобравший в себя черты С.П. Королева и других пионеров авиационной и ракетной техники).

Сюжет киноленты «Космический рейс» (1936 г.) режиссера В.Н. Журавлева прост. События происходят летом 1946 года. Сотрудники Института межпланетных сообщений имени К.Э. Циолковского проводят опыты, связанные с подготовкой полета на Луну. Энтузиасту космического путешествия академику Седых противостоит скептик профессор Карин, который выступает против полета. Ракетоплан «Иосиф Сталин» всё-таки отправляется в путь, на борту – академик, ассистентка Марина и мальчик Андрюша Орлов – младший брат аспиранта Седых, пытавшегося под влиянием Карина предотвратить полет. Высадившись на обратной стороне Луны, путешественники достигают видимой с Земли ее части и подают землянам сигнал (слово «СССР»). Используя замерзшие остатки лунной атмосферы, они пополняют запасы кислорода и успешно возвращаются домой, спасая подопытную кошку – пассажирку не вернувшейся на Землю ракеты.

Сближение тем покорения космоса и торжества коммунизма выражено в фильме с помощью ряда деталей. К уже упомянутым относятся название ракетоплана «Иосиф Сталин», полет которого открывает космическую эру, а также сигнал «СССР», свидетельствующий о достижении жителями Земли поверхности другого небесного тела. Примечательно, что на помощь долго не возвращавшемуся «Иосифу Сталину» земляне планировали послать ракетоплан «Клим Ворошилов». Показателен момент, когда Андрюша устанавливает на Луне советский флаг. Полет осуществляется «вопреки», т.е. представляет собой дерзание, благородное безумие (Карин и называет Седых безумцем), что соответствует мотиву жертвенности во имя идеи, поощряемому коммунистической идеологией. Эстетика фильма, как отмечают В.Б. Мендонса и В. Липпольд, отражает переход кинофантастики к социалистическому реализму¹⁹.

Преемственность между идеями русского космизма и советским космическим проектом иллюстрируется самой историей создания киноленты: она посвящена К.Э. Циолковскому, который был научным консультантом фильма и причастен к написанию сценария. Замечательно, что «Космический рейс» стал первым научно-фантастическим фильмом об освоении космоса, созданным в СССР, и определил «исходную» визуализацию космической мечты.

¹⁹ См.: Mendonça V.B., Lippold W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético // RUS (São Paulo). 2025. Vol. 16, No 29. P. 14–36 [25].

Черты «советского космизма» иллюстрируют многие обстоятельства путешествия на Луну. К ним можно отнести ситуации, показывающие единство повседневной жизни и глобального проекта: жена Седых беспокоится, что «ее старик» забыл валенки, а на Луне – 270 градусов, Андрюша причисляет себя к изобретателям, поскольку создал особую рогатку. Здесь вспоминаются и интенции советской культуры одухотворить бытовую и трудовую деятельность чувством причастности к коммунистической идее²⁰, и убежденность Н.Ф. Федорова в том, что творцами «общего дела» должны стать обычные люди и что это «общее дело» есть будничный, хотя и возвышенный труд. Примечательно, что на Луну летят пожилой мужчина, молодая женщина и мальчик-подросток: люди разного пола и возраста объединены общей значимой задачей, что соотносится и с идеей советского коллективизма, и с характерным для космизма идеалом сорборности.

Подчеркнем роль технического аспекта «Космического рейса». То, что фильм является немым, усиливает роль визуального ряда, позволяет ярче продемонстрировать возможности техники и явления, которые отсутствуют в повседневной жизни (невесомость, «воробьиное» передвижение по Луне и т.п.). Представления об «иной» природе и о том, что путь к ней открывает наука, характерны для «советского космизма». Причем понимание пути здесь можно связать как с физическим явлением (космическое пространство до «других миров»), так и с методом преобразования природы. «Немота» фильма способствует особой сосредоточенности зрителя (нельзя пропустить текст реплик персонажей и потерять нить повествования). Такая сосредоточенность предполагает активную позицию зрителя, коррелирующую с общей установкой «советского космизма» на активность.

Обратимся к сюжету мультфильма «Полет на Луну» (1953 г.) режиссеров З.С. Брумберг и В.С. Брумберг. Московские пионеры сталинской эпохи Коля Хомяков, Петя Терещенко и Сэнди Робинсон играют в «Международное Общество Межпланетных Сообщений имени Циолковского» (МОМС). Ребята узнают, что отец их подруги Наташи, улетевший на Луну, не может вернуться из-за аварии. Дети пытаются отправить пса Тобика выручать космонавта, но случайно пассажиром космического корабля «Р-2», направляющегося к Луне, становится Коля. Помимо него, экипаж составляют профессор Бобров и женщина-космонавт Софья Андреевна. Путешественники достигают Луны. Корабль «Р-1», где находился Наташин отец, не выходит на связь. Коля и профессор ищут его, попадают под метеоритный дождь, укрываются в пещере. Повредивший ногу профессор Бобров остается там, а мальчик находит «Р-1» и отца Наташи. Коля и космонавт возвращаются за профессором. После починки «Р-1» и установления связи с «Р-2» оба корабля возвращаются в Москву.

²⁰ См.: Романов Р.Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941–1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // Исторический курьер. 2020. № 1(9). С. 69–80 [26].

«Полет на Луну» также демонстрирует пересечение тем освоения космоса и торжества коммунизма. Путешествие Коли не состоялось бы без деятельности МОМС, название которого свидетельствует о соединении «межпланетного», и «международного» (гимном СССР с 1922 по 1944 год был «Интернационал»). При этом, международность общества которого подкрепляется тем, что его создатели (Коля – русский, Петя – украинец, а Сэнди – негр) воплощают ключевой для советской идеологии принцип «дружбы народов». О близости идей покорения космоса и построения коммунизма зритель может судить и по облику Москвы: выполняющая функции Центра управления полетами обсерватория и космодром гармонично сосуществуют со сталинскими высотками и не построенным в реальности Дворцом Советов.

Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом, как и в случае с «Космическим рейсом», показана через отсылку к К.Э. Циолковскому (МОМС носит его имя). Интерпретация идеи освоения космоса в духе «советского космизма» поддерживается деталями: разный пол и возраст участников космического полета; непривычные для землян лунные явления (отсутствие погоды и рассеяния света и т.п.); соединение высокого и будничного, высокой миссии и будничных забот (ставший пассажиром «Р-2» Коля просит вернуть его на Землю, не желая пропустить контрольную).

Общий для коммунизма и космизма идеал братских отношений между людьми выражается через дружбу детей, стремление юных членов МОМС утешить Наташу, помочь ее отцу. Пионеры из мультфильма «Полет на Луну» – не просто «новые люди» советского общества, их можно охарактеризовать, выражаясь языком вдохновившей русский космизм христианской традиции: они совлеклись с «ветхого человека» и облеклись в свободного от эгоизма «человека нового».

«Космичность», мироощущение «советского космизма» выражаются создателями «Полета на Луну» и с помощью музыкального сопровождения. В эпизодах пребывания героев на Луне фантастическую атмосферу подчеркивает звучание электронной музыки, ассоциирующейся с научно-техническим прогрессом. Наука и техника – орудия преобразования природы, сущностного для русского космизма и советской культуры проекта.

Перейдем к рассмотрению сюжета и анализу фильма «Укрощение огня» (1972 г.) режиссера Д.Я. Храбровицкого. Фильм разворачивает перед зрителем картину пути от создания первых самодельных ракет до выхода человека в космическое пространство.

Едва окончив школу, энтузиаст Андрей Башкирцев отправляется покорять Москву с чертежами сконструированного им аэроплана. Чертежи забраковали, но молодой человек грезит созданием реактивного самолета. Башкирцев встречает Циолковского, и это событие зарождает в нем мечту о космосе. Перед Великой Отечественной войной герой разрабатывает первые ракеты и строит стартовый комплекс. Во время войны Башкирцев занимается решением оборонных

задач. Послевоенная жизнь конструктора посвящена созданию новой ракетной системы, совместной с Курчатовым работе над ракетно-ядерной программой, проектированию ракеты-носителя первого спутника, разработкам проекта полета на Луну. Моментом высшего триумфа для Башкирцева становится полет Гагарина. Несмотря на то что главный герой умирает от сердечного приступа после отмены намеченного запуска, фильм производит жизнеутверждающее впечатление. Башкирцев не просто посвятил себя значимому для человечества делу, увидел плоды своих трудов и оставил последователей, он сохранил главное – «горение» идей.

«Укрощение огня» также воплощает идею единства покорения космоса и торжества коммунизма. Символично, что руководитель ГИРДа Карташов после взлета ракеты («первой советской», по его замечанию) поет «Интернационал», и ему подпевают товарищи-энтузиасты. Показательны заявления в СМИ, последовавшие за запуском первого спутника. Фредерик Жолио-Кюри отмечает, что человек более не прикован к своей планете, что вызывает ассоциации с идеей освобождения, одной из главных целей революции. Вашингтонский корреспондент «Юнайтед пресс» передает: «Девяносто процентов разговоров об искусственных спутниках Земли приходилось на долю Соединенных Штатов Америки, а, как оказалось, сто процентов дела пришлось на долю России». Эти слова в контексте холодной войны говорят о торжестве коммунистической идеи. Во время первомайской демонстрации с помощью ракеты сбит шпионский самолет: она показана как средство не только покорения космоса, но и защиты государства, стремящегося к победе коммунизма.

Главным событием, отражающим единство реализации космического проекта и триумфа СССР, является подвиг Гагарина. Когда после первого космического полета Башкирцеву предлагается выпить лично за него, конструктор произносит замечательную речь: «Нет, я хочу выпить за нас. Не за кого-либо персонально, а за миллионы и миллионы нас, имя которым – народ. Человечество вступило в космический век. Оно шагнуло в иную эпоху, и мост человечеству перекинули мы. Те самые мы, которые мерзли по Магнитогорскам, лопатами строили Днепрогэс и Турксиб, хлебали голод и холод, отстояли Москву и взяли Берлин. Пройдут каких-нибудь тридцать лет, и в космос станут летать по профсоюзным путевкам. Люди достигнут иных миров, как мечтал Циолковский. Но никто никогда не повторит того, что было совершено нами. Мы были первыми – и останемся уже ими на века. Это так трудно – быть первыми. Давайте выпьем. Давайте выпьем за Россию. За нашу партию. За наш прекрасный народ. За первую в мире Страну Советов». После этой речи и осушения бокалов Башкирцев запекает «Варшавянку» – и окружающие подпевают ему.

Фигурой, связывающей русский космизм и советский космический проект, опять оказывается К.Э. Циолковский. Интересен эпизод, где Башкирцев выступает против копирования «Фау-2» фон Брауна: «Я учился у Циолковского и

Кондратюка. Мне учиться у Брауна нечему!»²¹ И представитель ЦК КПСС Логунов признает: нужно делать отечественные ракеты. Эта ситуация показывает, как выбор СССР собственной дороги к звездам связан с идеями русского космизма (здесь создатели фильма допускают историческую неточность, поскольку отечественные специалисты использовали опыт фон Брауна).

«Укрощение огня» раскрывает преобразовательный настрой «советского космизма», его интенцию к регуляции природы (значимо само название фильма), регулятивный потенциал науки и техники (особенно космической). Покорение космоса отсылает к необходимости ускорения времени. «Время – вот что невозможный ресурс», – говорит Башкирцев в одном из эпизодов, подчеркивая, что важен не приоритет, а открытие нового космического направления. Фильм отражает свойственный и коммунистическому мировоззрению, и учению Н.Ф. Федорова активно-практический, а не пассивно-теоретический подход к реальности: Башкирцев замечает, что «космос не покоряют на стендах». В фильме передана также такая важнейшая черта «советского космизма», как «всеобщность» (личная судьба сопряжена с общей судьбой и причастна объединяющему труду): вспомним торжественную речь главного героя. «Укрощение огня» иллюстрирует отношения между людьми, которые в коммунистическом дискурсе выражены словами «человек человеку друг, товарищ и брат», а Н.Ф. Федоров назвал бы «родством»; примером таких отношений является дружба Башкирцева и его соратника Огнева.

Духу «советского космизма» и названию фильма соответствует и музыкальное сопровождение – увертюра А.П. Петрова, передающая ощущение «прометеевского» дерзания. «Укрощение огня» включает сцены, снятые на космодроме Байконур, на ракетном полигоне Капустин Яр, что отражает стремление «советского космизма» к подлинности, к действительной, а не сугубо символической регуляции мира.

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы.

Интерпретации идеи освоения космического пространства в советских художественных фильмах демонстрируют тенденцию к отождествлению покорения космоса и торжества коммунизма, а также феномен «советского космизма» – пересечение концептов русского космизма и советского дискурса.

Кинематограф СССР показывает тождество космической экспансии и победы коммунистической идеи при помощи символов, идеологически значимых названий и действий, через визуализацию пространства, включающего «советские» и «космические» постройки, за счет обращения к «прометеевскому» мотиву дерзания, благородной одержимости, ценности освобождения, единства и достоинства советского народа, к теме превосходства СССР над США, а также к проблеме защиты Родины.

²¹ См.: Укрощение огня (1972): видеофильм / реж. Даниил Храбровицкий. Время воспроизведения: 00:59:01-00:59:10 [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/HaNzj> (Дата обращения 02.05.2026) [27].

Характерные для кинематографа СССР интерпретации идеи покорения космоса воплощают черты мировоззрения «советского космизма» ввиду их соотнесенности с идеями единства повседневной жизни и реализации глобальных проектов, коллективного участия в решении общезначимой задачи, братских отношений между «новыми людьми», регуляции природных явлений, «иной природы», преобразовательного потенциала науки и техники, активной, проектно-практической жизненной ориентации. Преемственность между русским космизмом и советским дискурсом олицетворяет фигура К.Э. Циолковского.

Интерпретации идеи космической экспансии в советском кино не статичны. Так, например, фильм «Укрошение огня» демонстрирует сближение космической и оборонной проблематики, отражая реалии холодной войны.

По нашему мнению, для формирования позитивного образа космической отрасли, актуально транслировать общие для русского космизма и советской культуры интерпретации идеи освоения космоса. Это обусловлено тем, что они могут быть релевантны мировоззрению людей, придерживающихся различных политических убеждений. Сторонник коммунизма примет данные интерпретации как подтверждение своей позиции. Но поскольку они соответствуют также установкам философии, впитавшей сущностные черты отечественного менталитета и не предполагающей обязательных симпатий к коммунистической (и любой другой) идеологии, ничто не мешает приверженцам иных политических взглядов вдохновляться ими.

Список литературы

1. Сергеева А.С. Развитие перспективных космических технологий и систем как основа технологического суверенитета России // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, №1. С. 17–26.
2. Жданов В.Л. Государственная политика России в области космической деятельности в свете последних глобальных вызовов и перспектив: цели, принципы, задачи и основные приоритеты // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 18–28.
3. Уваров Д.Н. Проблемы и перспективы космической отрасли России // Вестник Отделения наук о Земле РАН. 2021. Т. 13, № 1. С. 40–50.
4. Герасютин С.А. Стремление ввысь. Очерки космонавтики. М.: Ноократия, 2024. 744 с.
5. Каманин Н.П. Скрытый космос. Кн. 1. 1960–1963 гг. // Скрытый космос: в 4 кн. М.: Инфортекст-ИФ, 1995. 400 с.
6. Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. 88 с.
7. Попова Н.С., Попов С.И. Идея выхода в космос в контексте советской ментальности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 48–55.
8. Федосов Е.А. Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957–1965 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 200–218.
9. Астахова А.В. Русский космизм в проектировании городской среды Советского Союза в 50–60-е гг. XX в. // Дискурс. 2023. Т. 9, № 4. С. 20–28.
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. 224 с.
11. Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; вступ. ст. С.Г. Семеновой; предисл. к текстам С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой; примеч. А.Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
12. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 52–605.

13. Tumarkina L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy // *Pensamiento*. 2023. Vol. 79, No. 302. P. 73–92.
14. Яковлева Е.Л. Конструирование советского человека посредством мифов // *Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал* 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178.
15. Семенова С.Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 590 с.
16. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»: Международные отношения, 1990. 224 с.
17. Groys B. Becoming Cosmic in: *Russian Philosophy in the Twenty-First Century* // *Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology* / ed. by M. Sergeev, A.N. Chumakov, M.E. Theis. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021. P. 155–166.
18. Масинг-Делич А. Упразднение смерти. Миф о спасении в русской литературе XX века / пер. с англ. М. Абушника. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 464 с.
19. Надехина Ю.П., Крюкова Е.В., Геокчалян А.Г. «Культура труда» и «культурная революция» в СССР. Деятельность ЦИТа в 1920–е–1930-е гг. // *Человек и культура*. 2023. № 2. С. 15–22.
20. Дволучанский И.В. Социокультурный фактор влияния на формирование идей научной организации труда в работах Алексея Гастева // *Управленческое консультирование*. 2024. № 4. С. 116–124.
21. Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: издательство автора, 1924. 127 с.
22. Бухарин Н.И. Доклад о работе среди молодежи / Заседание одиннадцатое 29 мая // *Стенографический отчет Тринадцатый съезд РКП/б*. Май 1924 года. М.: Государственное издательство Политической литературы. 1963. С. 510–527.
23. Катаев В.П. Время, вперед! // *Собр. соч.: в 9 т. Т. 3*. М.: Худож. лит., 1969. С. 129–432.
24. Дунаевский И., Лебедев-Кумач В. Марш веселых ребят. 1934 [Электронный ресурс]. URL: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (Дата обращения: 02.05.2026).
25. Mendonça V.B., Lippold, W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético // *RUS (São Paulo)*. 2025. Vol. 16, No. 29. P. 14–36.
26. Романов Р.Е. Архетип, традиция, модерн: феномен стахановского труда 1941–1945 годов (на материалах сибирского военпрома) // *Исторический курьер*. 2020. № 1(9). С. 69–80.
27. Укрощение огня (1972): видеофильм / реж. Даниил Храбровицкий. 02:38:00 (время воспроизведения) [Электронный ресурс]. URL: <https://clc.li/HaNzj> (дата обращения 02.05.2026).

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of common cause], in Fedorov, N.F. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow: Mysl', 1982, pp. 52–605.
2. Kamanin, N.P. *Skrytyy kosmos*. Kniga 1. 1960–1963 gg. [Hidden space. Book 1. 1960–1963], in *Skrytyy kosmos v 4 kn*. [Hidden Space in 4 books]. Moscow: Infortekst-IF, 1995. 400 p.
3. Kataev, V.P. *Vremya, vpered!* [Time, go!], in Kataev, V.P. *Sobranie sochineniy v 9 t., t. 3* [Collected Works in 9 vols., vol. 3]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969, pp. 129–432.

Individual Works

4. Berdyayev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
5. Berdyayev, N.A. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: SP «DEM»: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 224 p.
6. Boltyskiy, G.M. *Lenin i kino* [Lenin and cinema]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 88 p.

7. Gerasyutin, S.A. *Stremlenie vyys'. Ocherki kosmonavtiki* [Aspiration skyward. Essays on astronautics]. Moscow: Nookratiya, 2024. 744 p.
8. Masing-Delich, A. *Uprazhdenie smerti. Mif o spasenii v russkoy literature XX veka* [The Abolition of Death: The Myth of Salvation in 20th-Century Russian Literature]. Saint-Petersburg: Academic Studies Press; BiblioRossika, 2020. 464 p.
9. Murav'ev, V. *Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [Mastering Time as the Main Task of Labor Organization]. Moscow: Izdatel'stvo avtora, 1924. 127 p.
10. Semenova, S.G., Gacheva, A.G. (red.). *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 368 p.
11. Semenova, S.G. *Russkaya poeziya i proza 1920–1930-kh godov. Poetika – Videnie mira – Filosofiya* [Russian poetry and prose of the 1920s and 1930s. Poetics – World Vision – Philosophy]. Moscow: IMLI RAN; Nasledie, 2001. 590 p.

(Articles from Scientific Journals)

12. Astakhova, A.V. Russkiy kosmizm v proektirovanii gorodskoy sredy Sovetskogo Soyuza v 50–60-e gg. XX v. [Russian cosmism in the design of the urban environment of the Soviet Union in the 50–60s. XX century], in *Diskurs*, 2023, vol. 9, no. 4, pp. 20–28.
13. Dvoluchanskiy, I.V. Sotsiokul'turnyy faktor vliyaniya na formirovanie idey nauchnoy organizatsii truda v rabotakh Alekseya Gasteva [Sociocultural factor influencing the formation of ideas for the scientific organization of labor in the works of Alexei Gastev], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2024, no. 4, pp. 116–124.
14. Fedosov, E.A. Ideologema «kosmos» v obrazakh sovetskoy vizual'noy propagandy 1957–1965 gg. [The ideologeme “Cosmos” in Soviet visual propaganda images 1957–1965], in *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 200–218.
15. Mendonça, V.B., Lippold, W. Da Revolução ao Cosmos: expressões de ficção científica nas primeiras décadas do cinema soviético [Lippold W. from Revolution to Cosmos: science fiction expressions in the first decades of Soviet cinema], in *RUS (São Paulo)*, 2025, vol. 16, no. 29, pp. 14–36.
16. Nadekhina, Yu.P., Kryukova, E.V., Geokchakyan, A.G. «Kul'tura truda» i «kul'turnaya revolyutsiya» v SSSR. Deyatel'nost' TsITa v 1920-e–1930-e gg. [“Culture of labor” and “cultural revolution” in the USSR. CIT activities in the 1920s–1930s.], in *Chelovek i kul'tura*, 2023, no. 2, pp. 15–22.
17. Popova, N.S., Popov, S.I. Ideya vykhoda v kosmos v kontekste sovetskoy mental'nosti [The idea of going into space in the context of the Soviet mentality], in *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2019, no. 47, pp. 48–55.
18. Romanov, R.E. Arkhetip, traditsiya, modern: fenomen stakhanovskogo truda 1941–1945 godov (na materialakh sibirskogo voenproma) [Archetype, tradition, modern: the phenomenon of Stakhanov's labor of 1941–1945 (based on materials from the Siberian military industry)], in *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 1(9), pp. 69–80.
19. Sergeeva, A.S. Razvitie perspektivnykh kosmicheskikh tekhnologiy i sistem kak osnova tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii [Development of advanced space technologies and systems as a basis for Russia's technological sovereignty], in *Mir novoy ekonomiki*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 17–26.
20. Tumarkina, L.V. Evolution of Death and Immortality Ideas From Russian Cosmism to Synergy, in *Pensamiento*, 2023, vol. 79, no. 302, pp. 73–92.
21. Uvarov, D.N. Problemy i perspektivy kosmicheskoy otrasli Rossii [Problems and prospects of the Russian space industry], in *Vestnik Otdeleniya nauk o Zemle RAN*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 40–50.
22. Yakovleva, E.L. Konstruirovaniye sovetskogo cheloveka posredstvom mifov [Construction of the Soviet man through myths], in *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2025, vol. 13, no. 4, pp. 164–178.
23. Zhdanov, V.L. Gosudarstvennaya politika Rossii v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti v svete poslednikh global'nykh vyzovov i perspektiv: tseli, printsipy, zadachi i osnovnye priority [State policy

of Russia in the field of space activities in the light of the latest global challenges and prospects: goals, principles, tasks and main priorities], in *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2022, no. 9, pp. 18–28.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. Bukharin, N.I. Doklad o rabote sredi molodezhi [Report on youth work], in *Stenograficheskiy otchet Trinadtsatyy s"ezd RKP/b. May 1924 goda* [Verbatim report Thirteenth Congress of the RCP/b. May 1924]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Politicheskoy literatury, 1963, pp. 510–527.

25. Groys, B. Becoming Cosmic in: Russian Philosophy in the Twenty-First Century, in *Russian Philosophy in the Twenty-First Century: An Anthology*. Leiden; Boston: Brill Rodopi, 2021, pp. 155–166.

(Electronic Resources)

26. Dunaevskiy, I., Lebedev-Kumach, V. *Marsh veselykh rebyat* [March of the merry guys]. 1934. Available at: http://sovmusic.ru/text.php?fname=ves_reb (accessed: 02.05.2026).

27. *Ukroshchenie ognya: videofil'm* [Taming the fire]. 1972. Available at: <https://clc.li/HaNzj> (accessed: 02.05.2026).

УДК 141.2(47)
ББК 87.3(2)-688

Ольга Васильевна Лабутина

Институт физиологии имени И.П. Павлова Российской академии наук, аспирант лаборатории психофизиологии речи, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: labutina012@gmail.com

От Homo Empathicus к Homo Resuscitans: антропологический вектор русского космизма

Аннотация. Современная цивилизация столкнулась с разрывом между технологическими возможностями и этическими основаниями их применения. Это актуализирует обращение к русскому космизму (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьёв, В.И. Вернадский) как к традиции, рассматривающей человека активным субъектом эволюции. Опираясь на фундаментальные исследования наследия космистов, представленные в трудах С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой и М.В. Максимова, а также на данные современной нейрофизиологии и эволюционной биологии, обосновывается возможность целенаправленного формирования у человека способности к родству и братству, в чем реализуется проективный подход русского космизма. Обосновывается эволюционная антропологическая модель: от *Homo economicus* через *Homo Empathicus* к *Homo Resuscitans*. Концепция *Homo Empathicus* получает онтологическое обоснование в идее «родства» у Н.Ф. Федорова и в учении о всеединстве Соловьёва. Возможность развития эмпатии как психологического и социального навыка находит эмпирическое подтверждение в современных нейронауках. Обосновывается вывод о том, что целенаправленное развитие эмпатии выступает необходимым условием для реализации проекта русского космизма.

Ключевые слова: русский космизм, философия общего дела Н.Ф. Федорова, Homo Empathicus, Homo Resuscitans, всеединство, эволюционная антропологическая модель

Olga Vasilyevna Labutina

Pavlov Institute of Physiology, Russian Academy of Sciences, Postgraduate Student, Russia, St. Petersburg, e-mail: labutina012@gmail.com

From Homo Empathicus to Homo Resuscitans: Anthropological Vector of Russian Cosmism

Abstract. Modern civilization has encountered a gap between technological capabilities and the ethical foundations of their application, which makes an appeal to Russian cosmism (N.F. Fedorov, V.S. Solovyov, V.I. Vernadsky) relevant as an intellectual tradition that views humans as active agents of evolution. Drawing on foundational studies of the tradition of Russian cosmism by S.G. Semenova, A.G. Gacheva, and M.V. Maksimov, as well as on recent advances in neurophysiology and evolutionary biology, this article argues for the possibility of deliberately developing a sense of kinship and brotherhood, thereby realizing the active evolutionary approach immanent to Russian cosmism. The article proposes an evolutionary anthropological model: from *Homo economicus* through *Homo Empathicus* to *Homo Resuscitans*. The concept of *Homo Empathicus* receives ontological grounding in Fedorov's idea of kinship and Solovyov's doctrine of all-unity – a philosophical position that finds

empirical support in contemporary neuroscience, which increasingly documents the fundamental capacity to develop empathy as a psychological and social skill. The article concludes that the intentional development of empathy is a necessary condition for the realization of the Russian cosmist project.

Key words: Russian cosmism, N.F. Fyodorov's philosophy of the common cause, Homo Empathicus, Homo Resuscitans, all-unity, evolutionary anthropological model

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.098-108

Мы живем в эпоху, когда технологии – от искусственного интеллекта до генной инженерии – развиваются быстрее, чем наша способность осмысленно и ответственно ими распоряжаться. Возникает разрыв между технологическими возможностями и этическими основаниями их применения. Этот разрыв заставляет нас обратиться к философской традиции русского космизма, в которой нравственные ориентиры и активная роль человека в эволюции неразрывно связаны. В трудах Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева и В.И. Вернадского человек предстает не пассивным наблюдателем, но активным участником мировых процессов, призванным сознательно преобразовывать природу – и собственную, и окружающую. Философия «общего дела» Федорова утверждает идею «родства» как онтологической основы бытия, где нравственный долг перед предками становится импульсом к регуляции природы и восстановлению утраченных связей¹. Соловьев, развивая учение о всеединстве, вводит антропологический аспект: человек, направляемый «сердечным» познанием и нравственной волей, способен преодолевать эгоизм и двигаться к Богочеловечеству². Вернадский же, создавая учение о ноосфере, показывает, что научная мысль становится планетарной геологической силой, а человечество – ответственным за эволюцию биосферы³.

Понятие «всеединство» занимает центральное место в рассматриваемой традиции. Для Федорова оно выражается в идее «родства» как связанности всех поколений: «... братство сынов это – не отрицание лишь всякой вражды; это – участие во всеобщем и для каждого родном деле, всех сближающем и связывающем взаимным познаванием» [1, с. 67]. Для Соловьева всеединство становится принципом органической связанности, где «целое и части, общее и единичное» находятся в равновесии. Как подчеркивает М.В. Максимов, обращение к наследию Соловьева сегодня позволяет выявить «актуальность этического вектора его

¹ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 35–308 [1].

² См.: Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–557 [2].

³ См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с. [3].

историософских представлений» и перспективность проектов «логики всеединства» для современной мысли⁴.

Но каким образом философская идея всеединства может быть связана с антропологическим проектом – реальным изменением человека и общества? Ключ к этой связи дает понятие эмпатии, которое имеет глубокие историко-философские корни. Уже античные мыслители, разрабатывая категорию симпатии (греч. *συμπάθεια*), понимали под ней не только сострадание, но и универсальную связь всего сущего. Согласно «Новой философской энциклопедии», симпатия космическая – это «термин античной философии, обозначающий гармонию всех вещей в масштабе мироздания»⁵. У стоиков этот термин служил для обозначения «гармонической целостности космоса как живого организма», где вездесущая пневма обеспечивает устойчивость космического континуума и разнообразие его внутренней структуры⁶. В этом античном понимании эмпатия (через ее предшественницу симпатию) предстает не как поздний психологический навык, но как фундаментальная способность, укорененная в самой структуре реальности.

Эту линию развивает В.С. Соловьев в своей метафизике всеединства, органично связанной с аристотелевской традицией. Как отмечал А.П. Козырев, Соловьев активно использовал эвристический потенциал аристотелевской логики и метафизики⁷. Создавая свое учение об Абсолюте, мыслитель обращался к аристотелевской концепции материи, к идее потенциальности (*δύναμις*) и действительности (*ἐνέργεια*)⁸. Осмысление Соловьевым этой аристотелевской пары «дюнамис – энергейя» становится для него исходным пунктом построения динамической концепции Абсолюта и его другого⁹. В «Философских началах цельного знания» он прямо характеризует Абсолют через единство потенции и акта: «С одной стороны, Абсолютное выше всякого бытия, есть безусловное единое, положительное ничто; с другой стороны, оно есть непосредственная потенция бытия или первая материя» [2, с. 152]. В этом контексте соловьевское всеединство предстает не как статичная гармония, но как динамический процесс, в котором потенция всеобщей связи реализуется через нравственное усилие человека. Человек, по Соловьеву, есть «центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства», а любовь выступает тем актом, который эту потенцию реализует: она «заставляет нас действительно, с нашим целым существом, признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем

⁴ См.: Максимов М.В. Об актуальности наследия Вл.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 8 [4].

⁵ См.: Столяров А.А. Симпатия космическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542 [5].

⁶ См.: Столяров А.А. Симпатия космическая. С. 543.

⁷ См.: Козырев А.П. Об аристотелевских началах в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 45–55 [6].

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же. С. 52.

только в самих себе»¹⁰. Именно в этом пункте аристотелевская традиция встречается с проективным вектором космизма: эмпатия – в широком смысле этого слова как способность к «симпатии» и сочувствию – оказывается тем самым ἐνέρῳεια, который актуализирует потенциальное всеединство мира.

В перспективе философии всеединства эта античная линия получает онтологическое обоснование. Если все связано со всем, то эмпатия – способность чувствовать другого как себя – оказывается не просто эмоциональным механизмом, но антропологическим выражением глубинной связанности бытия. Именно через эмпатию человек может осознанно восстанавливать и поддерживать ту связь всего со всем, которая составляет сущность мира. Задача перехода к Homo Empathicus получает, таким образом, онтологическое измерение: речь идет не о развитии полезного качества, но о приведении человеческой природы в соответствие с универсальным законом всеединства.

Сегодня это древнее понимание эмпатии получает эмпирическое подтверждение в современных нейронауках. Исследования последних лет показывают, что эмпатия буквально «синхронизирует» нейронные процессы: при переживании чужого стресса определенные области мозга начинают работать в едином ритме, что фиксируется методами ЭЭГ¹¹. Было показано, что при эмпатическом сопереживании мозг участников эксперимента синхронизировался даже в отсутствие прямых социальных сигналов, когда участники находились в разных комнатах и не видели друг друга. Данный эффект интерпретируется как эволюционный механизм: «синхронизация мозговой активности могла способствовать укреплению социальных связей, усилению взаимного доверия и улучшению коллективных действий перед лицом угроз, повышая тем самым выживаемость и процветание группы» [7, p. 112642]. Аффективные компоненты эмпатии опираются на древние подкорковые структуры, что свидетельствует об эволюционной древности этой способности¹². В исследовании, проведенном группой Моршед-Сакран (2025 г.), было продемонстрировано, что первичный, быстрый отклик на состояние другого человека запускается зрительными путями, связанными с древними подкорковыми центрами. Авторы формулируют вывод: «Эмпатия опирается на эволюционно древние подкорковые механизмы (схемы ствола мозга, миндалевидного тела и гипоталамуса), связанные с аффективной чувствительностью, привязанностью и заботой родителей о потомстве» [8, p. 2355]. Ключевым для понимания перспектив антропологического перехода является свойство нейропластичности. Davidson и Lutz (2008 г.) определяют его так: «Термин “нейропластичность” используется для описания изменений в

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Смысл любви. С. 496–505.

¹¹ См.: Levy J., Goldstein A., Feldman R. Empathy Aligns Brains in Synchrony // iScience. 2025. Vol. 28, No. 6. P. 112642. P. 2 [7].

¹² См.: Morshed-Sakran A., Shamay-Tsoory S., Gabay S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy // Psychonomic Bulletin & Review. 2025. Vol. 32, No. 5. P. 2353–2362 [8].

мозге, которые происходят под влиянием опыта. Существует множество различных механизмов нейропластичности – от роста новых связей до создания новых нейронов» [9, р. 174]. За эмпатией, таким образом, стоят не статичные структуры, а сложные динамические паттерны активности центральной нервной системы, которые могут целенаправленно развиваться.

Феномен эмпатии выступает яркой иллюстрацией биопсихосоциальной природы человека, при этом важно отметить, что подобный подход имеет глубокие корни в отечественной науке. Термин «биопсихосоциальный» был введен Дж. Энгелем в 1977 году¹³, но задолго до него комплексное понимание человека развивалось в русской научной школе. Основы этого подхода заложил И.М. Сеченов. В своем труде «Рефлексы головного мозга» (1863 г.)¹⁴ он писал: «Мозг есть орган души, т.е. такой механизм, который, будучи приведен какими ни на есть причинами в движение, дает в окончательном результате тот ряд внешних явлений, которыми характеризуется психическая деятельность» [11, с. 2]. Этим тезисом Сеченов утвердил рефлекторную природу психики и указал на ее материальную основу – мозг, что впоследствии позволило связывать психические процессы не только с физиологией, но и с условиями жизни и воспитания. Традицию продолжил И.П. Павлов, который утверждал неразрывное единство физиологического и психического, задавая вопросом: «Кто отделил бы... в безусловных сложнейших рефлексах (инстинктах) физиологическое соматическое от психического, то есть от переживаний могучих эмоций голода, полового влечения, гнева и т.д.?» [12, с. 335]. А.А. Ухтомский, развивая учение о доминанте, рассматривал человека в единстве биологического, социального и духовного существования; в таком целостном рассмотрении «доминанта выступает основой нравственного поведения» [13, с. 324]. Завершает эту линию Б.Г. Ананьев, который утверждал, что «единство биологического и социального в человеке обеспечивается посредством единства таких его макрохарактеристик, как: индивид, – личность, – субъект, – индивидуальность» [14, с. 28]. Таким образом, эмпатия оказывается явлением, в котором неразрывно сплетены биологическое (нейрофизиологические механизмы), психологическое (когнитивные и эмоциональные процессы) и социальное (межличностное взаимодействие и культурные практики).

Учение Соловьёва о человеке содержит предпосылки для понимания эмпатии как антропологической нормы. Здесь мы соприкасаемся с кордоцентризмом – учением о «сердце» как средоточии личности. Как отмечает М.Н. Громов,

¹³ См.: Engel G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. 1977. Vol. 196, No. 4286. P. 129–136 [10].

¹⁴ См.: Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. С. 71–183[11].

кордоцентризм представляет собой «библейское по происхождению представление о том, что истинная сущность человека сосредоточена в сердце»¹⁵. Классическое изложение этой идеи дано в работе П.Д. Юркевича «Сердце и его значение в духовной жизни человека» (1860 г.), где «сердце» определяется как центр, в котором сходятся познавательные, нравственные и эстетические способности человека, как «средоточие душевной и духовной жизни человека»¹⁶. В.В. Зеньковский подчеркивает, что в русской философии «сердечное» постижение мира рассматривается как основа целостного познания¹⁷. Эмпатия, таким образом, оказывается не дополнением к разуму, но проявлением той самой цельности, о которой писали русские мыслители. Задача состоит не в том, чтобы привить человеку чуждое качество, но в том, чтобы актуализировать то, что уже заложено в его существе.

Соловьевская идея всеединства получает развитие в антропокосмизме – представлении о внутренней связи человека и космоса, противостоящем антропоцентризму. А.Г. Гачева, развивая эту традицию, отмечает: «Сфера исторического действия неуклонно расширяется, захватывая сначала планету, затем околоземное пространство и в перспективе – всю Вселенную» [18, с. 145]. Антропокосмизм дает философское обоснование для расширения эмпатии на все сущее: мы способны чувствовать связь с природой и космосом не потому, что проецируем на них человеческие качества, но потому, что действительно связаны с ними онтологически.

Эта линия получила естественно-научное обоснование в трудах П.А. Кропоткина. В книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1907 г.) он показал, что взаимопомощь является не поздним культурным приобретением, но фундаментальным законом природы, действующим уже в животном мире¹⁸. Кропоткин писал: «Наиболее приспособленными оказываются вовсе не те, кто физически сильнее, или хитрее, или ловчее других, а те, кто лучше умеет соединяться и поддерживать друг друга – ради блага всего своего общества» [19, с. 17]. В человеке, утверждал он, действует не столько абстрактная любовь, сколько «инстинкт общечеловеческой солидарности», глубоко коренящийся «в человеческом сознании и сердце»¹⁹. Тем самым Кропоткин задолго до появления нейронаук предвосхитил идею о биологической укорененности нравственного чувства, что делает его позицию созвучной обоснованию перехода к *Homo Empathicus*.

¹⁵ См.: Громов М.Н. Кордоцентризм // Русская философия: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007. С. 287 [15].

¹⁶ См.: Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69 [16].

¹⁷ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. С. 142–143 [17].

¹⁸ См.: Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2021. 256 с. [19].

¹⁹ Там же. С. 249.

Связь идей Кропоткина с космистским проектом не ограничивается концептуальным родством. Как показано в исследовании О.Д. Бурениной-Петровой, в начале XX века на смену концепциям «исторического анархизма» П.А. Кропоткина пришли разнообразные проекты, среди которых наиболее неординарным было движение анархистов-биокосмистов²⁰. Исследовательница пишет: «Среди неоднородных разветвленных форм анархистского учения наиболее неординарным было движение анархистов-биокосмистов А. Святогора, А. Ярославского, П. Иваницкого, И. Яковлева, Г. Буторина и др., с одной стороны, постулировавших идеи освобождения от государственности не только на земле, но и на других планетах, тотального освоения космоса, установления межпланетных сообщений (“интерпланетаризма”), а с другой – проповедовавших преодоление “локализма” жизни, расширение “принципа личности” до признания и реализации индивидуального бессмертия (“иммортиализма”))» [20, с. 223]. Хотя анархисты-биокосмисты расходились с Федоровым в понимании способа достижения бессмертия, сам факт возникновения этого движения свидетельствует о том, что идеи Кропоткина о взаимопомощи и солидарности органично вписывались в интеллектуальный контекст, питавший космистские устремления.

Американский мыслитель Дж. Рифкин в книге «Эмпатическая цивилизация» (2009 г.) противопоставляет концепцию *Homo Empathicus* традиционному «экономическому человеку», обосновывая необходимость смены антропологической парадигмы, и показывает, что история человечества – это последовательное расширение круга эмпатии: от кровнородственных групп к племенам, от наций к глобальному сообществу²¹. Однако, как отмечает исследователь, это расширение происходит во многом стихийно, а его этические последствия остаются недостаточно осмысленными. «Эмпатия – это очень трудный баланс, – пишет Рифкин. – Нужно быть открытым к переживанию чужой беды как своей собственной, но не позволить ей поглотить себя, затопив собственную способность быть уникальной и отдельной личностью» [21, р. 162]. Эмпатия, становясь глобальной, требует не только эмоционального отклика, но и ответственного, рефлексивного отношения к тем, кто включается в круг нашей заботы. Задача философии и гуманитарного знания – перевести этот стихийный процесс в русло сознательного антропологического проекта.

Современные технологии могут выступать союзниками и инструментами такого перехода. Показателен проект аргентинского инженера и художника Хоакина Фаргаса, который определяет свою работу как «поэтику технологического». Создаваемые им роботы (Nannybot, распознающий эмоции младенцев;

²⁰ См.: Буренина-Петрова О.Д. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 1. С. 222–240 [20].

²¹ См.: Rifkin J. *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*. New York: Tarcher/Penguin, 2009. 688 p. [21].

Glaciator, медленно движущийся на солнечной энергии в Антарктиде) становятся «медиаторами эмпатии»²². Они не заменяют человека и не отчуждают его от мира, но, напротив, соединяют с уязвимыми экосистемами, пробуждая сострадание там, где рационального знания недостаточно. Новейшие помощники человека – современные нейросети – способны не просто пробуждать эмпатию, но и напрямую обучать ей. Исследование, представленное на конференции CHI'25, описывает систему EmoSync, в которой LLM-агент генерирует персонализированные аналогии для развития аффективной эмпатии, позволяя человеку «примерить» на себя эмоции другого²³. Таким образом, и роботы Фаргаса, и нейросетевые тренажеры выступают не как заменители человеческой эмпатии, а как инструменты для развития «антропологической способности к родству», превращая абстрактное сочувствие в конкретное переживание.

Проведенный анализ наследия Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева и В.И. Вернадского позволяет утверждать, что в нем выявляется последовательный антропологический вектор: от *Homo economicus* (нашего текущего состояния) через развитие эмпатических способностей к *Homo Resuscitans*. Онтологическим основанием этого вектора выступает принцип всеединства, восходящий через аристотелевскую традицию к античной «космической симпатии»; антропологическим основанием – кордоцентризм; эволюционным – антропокосмизм.

Важным является установление соответствия между философскими положениями космизма и данными современных наук о человеке, подтверждающими возможность целенаправленного развития эмпатии. Русская научная школа – от И.М. Сеченова и И.П. Павлова до А.А. Ухтомского и Б.Г. Ананьева – заложила фундамент для понимания био-психосоциальной природы человека, на котором сегодня строятся нейронаучные исследования эмпатии. Как обобщает Х.С. Коштойац в своих «Очерках по истории физиологии в России» (1946 г.), именно эти ученые создали целостное учение о нервной системе и высшей нервной деятельности, ставшее естественно-научной основой для философской антропологии²⁴.

Концепция *Homo Resuscitans*, восходящая к федоровскому проекту общего дела, включает в себя несколько измерений: онтологическое – восстановление родственной связи со всеми поколениями и преодоление разрыва между живыми и умершими; технологическое – регуляцию природы (включая человеческую) средствами науки, направленную на преодоление смерти и страдания; и антро-

²²См.: Fargas J. *Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene*. New York: Springer, 2024. 210 p. [22].

²³См.: Ju H., Lee J., Yang S., Ok J., Hwang I. *Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression* // *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2025. P. 1–31 [23].

²⁴См.: Коштойац Х.С. *Очерки по истории физиологии в России* / под общ. ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 494 с. [24].

пологическое – переход от пассивного принятия смерти к активному ее преодолению как нравственной задаче.²⁵ Развитие эмпатических способностей выступает необходимым условием этической легитимности *Homo Resuscitans*: в отсутствие сформированного *Homo Empathicus* технологии регуляции природы и воскрешения, будучи реализованы в рамках парадигмы *Homo economicus*, с высокой вероятностью приведут к усугублению антропологического неравенства и тотальному контролю. Эмпатия, таким образом, выполняет функцию предохранителя, обеспечивающего соответствие средств целям общего дела. Сегодня человечество располагает необходимыми ресурсами для осуществления описанного перехода – от возобновляемой энергетики до социальных и культурных практик сотрудничества и кооперации. Главным ограничением сегодня выступает не технологический потенциал, а недостаток гуманитарной рефлексии и этически выверенных механизмов, которые предотвратили бы вырождение эмпатии в симуляцию или принудительную норму. Традиция русского космизма задает не только проективный идеал, но и конкретный антропологический маршрут его достижения, а современная наука предоставляет эмпирические подтверждения принципиальной реализуемости этого маршрута. Антропологический переход совершается уже сегодня, и он требует сознательного участия человека.

Список литературы

1. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 35–308.
2. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 493–547.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
4. Максимов М.В. Об актуальности наследия Вл.С. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 3(83). С. 6–11.
5. Столяров А.А. Симпатия космическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 542–543.
6. Козырев А.П. Об аристотелевских началах в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 45–55.
7. Levy J., Goldstein A., Feldman R. Empathy Aligns Brains in Synchrony // iScience. 2025 May 12; 28(6):112642. DOI: 10.1016/j.isci.2025.112642. eCollection 2025 Jun 20.
8. Morshed-Sakran A., Shamay-Tsoory S., Gabay S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy // Psychonomic Bulletin & Review. 2025. Vol. 32, No. 5. P. 2353–2362.
9. Davidson R.J., Lutz A. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation // IEEE Signal Processing Magazine. 2008. Vol. 25, No. 1. P. 174–176.
10. Engel G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine // Science. 1977. Vol. 196. No. 4286. P. 129–136.
11. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. С. 71–183.

²⁵ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим). С. 40.

12. Об уме вообще, о русском уме в частности // Павлов И.П. Полн. собр. тр.: Т. 3. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 249–287.
13. Соколова Л.В., Ноздрачев А.Д. «Небесная физиология». К 145-летию со дня рождения академика А.А. Ухтомского // Вестник РАН. 2020. Т. 90, № 6. С. 583–592.
14. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
15. Громов М.Н. Кордоцентризм // Русская философия: Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2007. С. 287–288.
16. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 69–103.
17. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 880 с.
18. Гачева А.Г. Авторские концепции творчества в философии русского космизма: Н.Ф. Федоров, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, В.Н. Муравьев // Авторские теории творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 137–199.
19. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2021. 256 с.
20. Буренина-Петрова О.Д. Бессмертие человека и телесные метаморфозы в творчестве анархо-биокосмистов // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 222–240.
21. Rifkin J. The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis. New York: TarcherPerigee, 2009. 688 p.
22. Fargas J. Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene. New York: Springer, 2024. 210 p.
23. Ju H., Lee J., Yang S., Ok J., Hwang I. Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. P. 1–31.
24. Коштыянец Х.С. Очерки по истории физиологии в России / под общ. ред. С.И. Вавилова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 494 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva (Zapiska ot neuchenykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim) [The Question of Brotherhood, or Kinship, on the Causes of the Unbrotherly, Non-Kin, i.e. Unpeaceful, State of the World and on the Means to Restore Kinship (A Note from the Unlearned to the Learned, Clerical and Secular, to Believers and Non-believers)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Progress, 1995, pp. 35–308.
2. Pavlov, I.P. *Polnoe sobranie trudov. T. 3, kn. 1* [Complete Collected Works. Vol. 3, book 1]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
3. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 493–547.

Individual Works

4. Gromov, M.N. Kordotsentrizm [Cordocentrism], in *Russkaya filosofiya: Entsiklopediya* [Russian Philosophy: Encyclopedia]. Moscow: Algoritm, 2007, pp. 287–288.
5. Sechenov, I.M. Refleksy golovnogogo mozga [Reflexes of the Brain], in Sechenov, I.M. *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected Philosophical and Psychological Works]. Moscow: Gospolitizdat, 1947, pp. 71–183.
6. Stolyarov, A.A. Simpatiya kosmicheskaya [Cosmic Sympathy], in *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t., t. 3* [New Philosophical Encyclopedia in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Mysl', 2010, pp. 542–543.

7. Yurkevich, P.D. Serdtse i ego znachenie v dukhovnoy zhizni cheloveka [The Heart and Its Significance in the Spiritual Life of Man], in Yurkevich, P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical Works]. Moscow: Pravda, 1990, pp. 69–103.

(Articles from Scientific Journals)

8. Burenina–Petrova, O.D. Bessmertie cheloveka i telesnye metamorfozy v tvorchestve arkhobiokosmistov [Human Immortality and Bodily Metamorphoses in the Work of Anarcho-Biocosmists], in *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 222–240.

9. Davidson, R.J., Lutz, A. Buddha's Brain: Neuroplasticity and Meditation, in *IEEE Signal Processing Magazine*, 2008, vol. 25, no. 1, pp. 174–176.

10. Engel, G.L. The Need for a New Medical Model: A Challenge for Biomedicine, in *Science*, 1977, vol. 196, no. 4286, pp. 129–136.

11. Kozyrev, A.P. Ob aristotelevskikh nachalakh v filosofii Vl. Solov'eva [On the Aristotelian Principles in the Philosophy of Vl. Solovyov], in *Voprosy filosofii*, 2020, no. 1, pp. 45–55.

12. Levy, J., Goldstein, A., Feldman, R. Empathy Aligns Brains in Synchrony, in *iScience*, 2025, vol. 28, no. 6, p. 112642.

13. Maksimov, M.V. Ob aktual'nosti naslediya Vl.S. Solov'eva [On the Relevance of Vl.S. Solovyov's Heritage], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 3(83), pp. 6–11.

14. Morshed-Sakran, A., Shamay-Tsoory, S., Gabay, S. The Role of Subcortical Regions in Affective Empathy, in *Psychonomic Bulletin & Review*, 2025, vol. 32, no. 5, pp. 2353–2362.

15. Sokolova, L.V., Nozdrachev, A.D. «Nebesnaya fiziologiya». K 145-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A.A. Ukhtomskogo ["Heavenly Physiology". On the 145th Anniversary of Academician A.A. Ukhtomsky], in *Vestnik RAN*, 2020, vol. 90, no. 6, pp. 583–592.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Gacheva, A.G. Avtorskie kontseptsii tvorchestva v filosofii russkogo kosmizma: N.F. Fedorov, A.K. Gorskiy, N.A. Setnitskiy, V.N. Murav'ev [Authorial Conceptions of Creativity in the Philosophy of Russian Cosmism: N.F. Fedorov, A.K. Gorsky, N.A. Setnitsky, V.N. Muravyov], in *Avtorskie teorii tvorchestva* [Author's Theories of Creativity]. Moscow: IMLI RAN, 2025, pp. 137–199.

17. Ju, H., Lee, J., Yang, S., Ok, J., Hwang, I. Toward Affective Empathy via Personalized Analogy Generation: A Case Study on Microaggression, in *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2025, pp. 1–31.

(Monographs)

18. Anan'ev, B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a Subject of Knowledge]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1968. 339 p.

19. Fargas, J. *Poetics of the Technological: Empathy Mediators in the Anthropocene*. New York: Springer, 2024. 210 p.

20. Koshtoyants, Kh.S. *Ocherki po istorii fiziologii v Rossii* [Essays on the History of Physiology in Russia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946. 494 p.

21. Kropotkin, P.A. *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii* [Mutual Aid as a Factor of Evolution]. Moscow: Samoobrazovanie, 2021. 256 p.

22. Rifkin, J. *The Empathic Civilization: The Race to Global Consciousness in a World in Crisis*. New York: TarcherPerigee, 2009. 688 p.

23. Vernadskiy, V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 270 p.

24. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii projekt, 2011. 880 p.

УДК 141(47)
ББК 87.3(2)-688

**«Наследие Н.Ф. Федорова и философия русского космизма»:
список статей, опубликованных в журнале
«Соловьёвские исследования»**

**“The Legacy of N.F. Fedorov and the Philosophy
of Russian Cosmism”: A List of Articles Published in the Journal
“Solovyov Studies”**

2003

Скачков А.С. Наследие В.С. Соловьёва в смысловом поле русского космизма: борьба за «абсолютную человечность» // Соловьёвские исследования. 2003. Вып. 7. С. 91–102.

2010

Ращевская Е.П. Космизм Даниила Андреева в космогоническом мифе русского культурфилософского пространства // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 30–35.

2011

Варава С.В. Этика и философия: Семинар имени Андрея Платонова на родине писателя // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 2(30). С. 135–139.

Варава В.В. Становление и развитие нравственной философии смерти в России // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 3(31). С. 105–124.

2012

Ефимова Н.М. О космизме Андрея Платонова // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 88–98.

2015

Уланов М.С. Буддийская культура и русский космизм // Соловьёвские исследования. 2015. Вып. 2(46). С. 112–129.

2016

Гачева А.Г. «Почему мир не мир?». Образ войны в философии русского космизма // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 44–62.

Скорородова С.И. Азия в русской философии XIX века // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 1(49). С. 26–43.

2017

Баршт К.А. «Вещество жизни» Андрея Платонова и категория «ци» в китайской философской традиции // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 3(55). С. 163–181.

2019

Титаренко Е.М. Русская живопись XIX века в свете проективной эстетики Н.Ф. Федорова // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 4(64). С. 114–127.

2020

Варава В.В. Философия смерти Н.Ф. Федорова: танатология, иммортология или нравственный вызов? // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 166–177.

Гачева А.Г. «Пасха родилась с человеком, не оставит его никогда...». Николай Федоров о смысле Пасхи // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 2(66). С. 137–153.

Маслобоева О.Д. Методология проективного мышления в учении Н.Ф. Федорова // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 48–61.

Оносов А.А. Проективная антропология: техногенез и органо-синтез в философии космизма // Соловьёвские исследования. 2020. Вып. 3(67). С. 62–78.

Титаренко Е.М. Власть и ритуал: эстетика обряда венчания на царство в трактовке Н.Ф. Федорова // 2020. Вып. 2(66). С. 178–190.

2021

Барановский Д.В. Оправдание России: политические воззрения русских космистов // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 1(69). С. 58–71.

Мадэй-Цетнаровска М. Христианский «анархизм» трех космистов (св. Франциск Ассизский, Н.Ф. Федоров, Папа Римский Франциск) // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 1(69). С. 42–57.

2022

Варава В.В. «Какой родной до невозможности человек!» [Рец. на:] Семенова С.Г. Юродство проповеди: Метафизика и поэтика Андрея Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 624 с. // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 4(76). С. 179–187.

2023

Базелика Джулия. Мечтания русского космизма о невозможном // Соловьёвские исследования. 2013. Вып. 3(39). С. 100–114.

Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства. Статья первая: О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартенева // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 113–131.

Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьёв – Федоров – Чекрыгин // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 132–146.

2024

Гачева А.Г. В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: Вопрос о смысле и целях искусства. Статья вторая: по страницам журнала «Весь» // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 45–61.

Смирнова Н.Н. Зримое и телесное как невыразимое (Федоров – Толстой – Шестов – Розанов – Шкловский) // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 35–44.

2025

Гачева А.Г. Христианство как «задача человечества». Образ будущего у Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 147–161.

Гачева А.Г. Афанасий Фет и Николай Федоров. Статья первая: скрепления судеб // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 4(88). С. 58–77.

2026

Грякалов А.А., Шевченкова А.С., Иванов Е.А. Проект будущего в философии космизма и практиках русского авангарда: основания коллективного субъекта // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 1(89). С. 41–55.

Барановский Д.В. «Рев племени» В.Н. Муравьева как историософия общего дела // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 68–81.

Гачева А.Г. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова и русский космизм: оправдание человека как завет будущему // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 27–40.

Звонова Е.Е., Григорьева Е.С. Интерпретации идеи освоения космоса в советских художественных фильмах // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 82–97.

Куракина О.Д., Афонина Е.В. От полета мысли русских космистов к становлению Космического антропоса // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 41–55.

Лабутина О.В. От Homo Empathicus к Homo Resuscitans: антропологический вектор русского космизма // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 98–108.

Максимов М.В. Звездное небо над головой и моральный закон внутри нас...: о Всероссийской научной конференции «От полёта мысли к полёту в космос» // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 23–26.

Список статей по теме «Наследие Н.Ф. Федорова и философия русского космизма», опубликованных в журнале «Соловьёвские исследования» / сост. Л.М. Максимова // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 109–111.

Шушаков Е.С. Проективная рассимволизация как осмысление религии в философии космизма // Соловьёвские исследования. 2026. Вып. 2(90). С. 56–67.

Сост. Л.М. Максимова

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 821.161.1.09

ББК 87.3(2)-688:86.372

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Два неизвестных автографа К.Н. Леонтьева из архива Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон

Аннотация. Впервые вводятся в научный оборот два новонайденных небольших текста, связанных с афонским периодом жизни выдающегося писателя и мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), важнейших в его личной и литературной судьбе. Оба отрывка написаны от третьего лица и послужили поводом в одном случае для письма помощника настоятеля Пантелеимонова монастыря архимандрита Макария (Сушкина) к жене Леонтьева, в другом – для доклада того же о. Макария, возможно, святогорскому Протату (высшему органу церковного управления на Афоне). Сообщаются сведения о местонахождении черновых автографов, возможной причине их невключения в публикацию, подготовленную монастырем в 2015 г. Документы рассматриваются в контексте биографии и творчества Леонтьева. Особое внимание уделяется второму тексту («Замечания для отца Макария»), поскольку он служит своего рода недостающим звеном между двумя произведениями философа и дипломата – его не изданной при жизни «Запиской об Афонской Горе и об отношениях ее к России» (1872 г.) и статьей «Панславизм на Афоне» (1872 г., опубл. в 1873 г.). Устанавливаются датировки рукописей, поводы к их написанию, сопутствующие обстоятельства. Тексты публикуются по автографам и сопровождаются комментариями.

Ключевые слова: Пантелеимонов монастырь, афонские архивы, панславизм на Афоне, русская философия, греко-русские отношения

Olga Leonidovna Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, leading researcher, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Two Unknown Autographs by K.N. Leontiev from the Archives of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos

Abstract. This article introduces into scholarly circulation two newly discovered short texts relating to the Athonite period in the life of the eminent writer and thinker Konstantin Nikolaevich Leontiev (1831–1891), a period of crucial importance for his personal and literary destiny. Both fragments are

written in the third person and served, in the first case, as the basis for a letter from the assistant superior of the Panteleimon Monastery, Archimandrite Makary (Sushkin), to Leontiev's wife, and in the second case, as the basis for a report by the same Father Makary, possibly addressed to the Holy Mountain's Protaton (the highest ecclesiastical administrative body on Mount Athos). The article provides information on the whereabouts of the draft autographs and the possible reason for their exclusion from the publication prepared by the monastery in 2015. The documents are examined in the context of Leontiev's biography and literary output. Special attention is paid to the second text ("Remarks for Father Makary"), as it serves as a kind of missing link between two works by the philosopher and diplomat – his unpublished during his lifetime "Memorandum on Mount Athos and its Relations with Russia" (1872) and the article "Panslavism on Athos" (1872, published in 1873). The article establishes the dating of the manuscripts, the circumstances that prompted their writing, and the relevant contextual events. The texts are published based on the autographs and are accompanied by commentaries.

Key words: Panteleimon Monastery, Athonite archives, Panslavism on Athos, Russian philosophy, Greco-Russian relations

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.112-128

Выходом в свет академического Полного собрания сочинений и писем К.Н. Леонтьева (2000–2021 гг.) отнюдь не завершилось активно ведущееся в Пушкинском Доме изучение биографии и наследия автора «Византизма и Славянства». Продолжается выпуск серии Приложений к этому собранию, куда вошла, в том числе, и двухтомная «Летопись жизни и творчества»¹. Недавно издана монография В.А. Котельникова², с одной стороны суммирующая все предшествовавшие раздумья исследователя о Леонтьеве, с другой – представившая новый взгляд на его философию, с более глубоким, подчас неожиданным освещением темы ее идейных сближений с античной и западноевропейской традицией. Есть в этой книге и раздел, посвященный биографии Леонтьева, которая рассматривается, прежде всего, как становление философа.

На протяжении всего времени работы над собранием сочинений одной из насущных задач являлся поиск неизвестных автографов. Было много находок, но все они делались в отечественных архивах, несколько рукописей было обнаружено в свое время в Киеве. Попытки запросов в ряд зарубежных архивов не увенчались успехом. Неисследованными оставались монастырские хранилища. Тем более радостным и неожиданным событием стало появление в 2015 г. десятого тома серийного издания «Русский Афон», где среди прочего были представлены

¹ См.: Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891) / сост. О.Л. Фетисенко // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. III. Ч. 1: 1831–1880. СПб.: Владимир Даль, 2022. 704 с. [1]; Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891) / сост. О.Л. Фетисенко // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. IV. Ч. 2: 1881–1891. СПб.: Владимир Даль, 2022. 735 с. [2]. В 2025 г. вышел шестой том серии Приложений (см.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. VI. СПб.: Владимир Даль, 2025. 623 с. [3]).

² См.: Котельников В.А. Воин мысли: Константин Леонтьев в поединке с веком. СПб.: Владимир Даль, 2025. 443 с. [4].

и письма Леонтьева к старцам Пантелеимонова монастыря³. Тот, кому была поручена работа с этими источниками, видимо, не ставил перед собой цель научную публикации текстов. Достаточно сказать, что вступительная заметка написана «по материалам портала Православие.ру»⁴ без обращения к какой-либо «литературе вопроса», ко всем 22 письмам сделано лишь 12 самых кратких примечаний, а главное, о чем стоит пожалеть, – в текстах исчезли столь характерные для Леонтьева подчеркивания (обычно передаются курсивом), интонационные выделения, делающие его речь неповторимой и «слышимой» даже в письменной форме. Поскольку за все годы нам так и не удалось выяснить, кто готовил эту публикацию, за которую, несмотря на все недочеты, мы должны быть безмерно признательны составителям серии «Русский Афон», в соответствующих томах собрания сочинений письма были представлены по тексту первой публикации, без сверки с автографами. Забегая вперед, отметим, что увидеть эти автографы (в качественных цифровых копиях) стало возможным лишь недавно, благодаря помощи тесно связанных со Святой Горой исследователей-историков Дмитрия Сергеевича Бурого и Михаила Григорьевича Талалая.

Но тема «Леонтьев и Афон» далеко не ограничивается контактами философа с Пантелеимоновым монастырем (Руссиком), хотя именно эта обитель и стала для него главным приютом на Святой Горе. Здесь он просил пострига и неисключено, что был пострижен в рясофор (полный постриг, тайный, он примет 18 августа 1891 г. в Оптиной пустыни), здесь обрел великого духовного наставника – иеросхимонаха Иеронима (Соломенцева). Однако бывал он и во многих других обителях: в болгарском Зографе, где его задержала болезнь, начал свой труд «Византизм и Славянство»; в малороссийском Ильинском скиту выступил примирителем двух враждующих «партий», которые не могли выбрать нового дикя (так на Афоне называют настоятелей скитов); не раз посещал греческий Ватопед и, как выяснилось, подолгу гостил в зависимом от последнего русском Андреевском скиту; вообще, вероятно, объехал весь Афон. Во второй половине XX в. Андреевский скит долго был в запустении, сейчас он вновь оживает: в 1992 г. здесь поселилось несколько монахов греков. Архив скита находится в Ватопеде и с большим тщанием разбирается схимонахом Диадокхом (Кривицким). Им были обнаружены уникальные документы, драгоценные для леонтьеведения (а отчасти и для истории русской философии: ряд найденных материалов связан с судьбой книги «Византизм и Славянство»), – автографы Леонтьева, в том числе несколько ранее неизвестных его писем 1870-х гг., многочисленные упоминания о нем в переписке старшей братии скита, запись в книге посещений и даже набросок с планом кельи, в которой жил Леонтьев (тогда – салоникский консул). С благословения ватопедского игумена о. Ефрема (Куцу) были подготовлены две

³ См.: Письма Константина Николаевича Леонтьева // Русский Афон XIX–XX веков. Т. 10: Письма выдающихся личностей России к старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Святая Гора Афон, 2015. С. 395–448 [5].

⁴ Там же. С. 396.

дополняющие друг друга публикации⁵. И, думается, новые открытия еще возможны, ведь обработка архива ведется постепенно.

Вслед за этим, по нашей просьбе, были произведены новые поиски в архиве Пантелеимонова монастыря (официальная аббревиатура АРПМА – Архив Русского Пантелеимонова монастыря на горе Афон), нашлось несколько ранее неизвестных деловых документов, подписанных Леонтьевым как салоникским консулом. Они не представляют особого интереса («подписаны», но едва ли составлены самим Леонтьевым, который не очень любил чисто канцелярскую работу). Гораздо важнее было получить возможность обратиться к той архивной единице, что послужила основой публикации писем Леонтьева 2015 г.⁶: АРПМА. Оп. 41. Д. 482. Док. А001973 (письма Леонтьева старцам Макарию и Иерониму). Это стало возможным с разрешения братии монастыря и при содействии уже упомянутых Д.С. Бураго и М.Г. Талалая. Им и братии Руссика выражаем глубокую благодарность.

Своей задачей мы видели первоначально только сверку текста – для гипотетического будущего переиздания академического собрания и для более точного цитирования. Это оказалось действительно необходимым, потому что, помимо названной выше серьезной погрешности с исчезновением леонтьевских курсивов, обнаружился ряд неточностей и даже небольших пропусков текста, что, впрочем, могло произойти и в любой «светской» работе. Но главная неожиданность была впереди: внимательный просмотр архивного дела показал, что в десятом томе «Русского Афона» без каких-либо пояснений оказались пропущенными два черновых автографа Леонтьева. Возможно, у этого досадного пропуска было две причины. Во-первых, публикация этих текстов была бы некоторым отклонением от основной темы: это не в прямом смысле слова письма, а своего рода материалы к ним, к тому же в них Леонтьев говорит о себе в третьем лице, потому что эти материалы (к письму и, вероятно, к докладу-объяснению) готовились им для архимандрита Макария (Сушкина), который был главным помощником настоятеля монастыря, а с 1875 г. и настоятелем. Во-вторых, черновые автографы Леонтьева могли просто оказаться трудными для прочтения неспециалиста (вероятно, по этой же причине не учтенными оказались и зачеркнутые места в письмах, среди которых есть и довольно значимые). Остается лишь пожалеть, что редакторы солидного многотомного издания не обратились в Пушкинский Дом.

Итак, целью нашего настоящего исследования является введение в научный оборот новонайденных двух автографов Леонтьева и, что не менее важно, прочтение их в контексте жизни и творчества философа. Каждая вновь

⁵ Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. Неизвестные письма Константина Леонтьева к иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву) и другие материалы из Русского архива Андреевского скита // *Словесность и история*. 2023. № 4. С. 170–191 [6]; Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874) // *Русско-Византийский вестник*. 2024. № 1(16). С. 197–217 [7].

⁶ См.: Письма Константина Николаевича Леонтьева // *Русский Афон XIX–XX веков*. Т. 10. С. 395–448.

обретаемая подробность может оказаться драгоценной. Монах Климент словно сам заботится о втором обретении своих автографов. Так, недавно одним из московских библиофилов было приобретено первое издание «Византизма и Славянства» с леонтьевской дарительной надписью, пояснения к которой «вытянули» за собой целую неизвестную страницу его биографии⁷. Ватопедские находки тоже были связаны с историей создания главного труда Леонтьева, а один из затерявшихся до времени автографов приоткрывает существенные детали творческой истории одной из статей цикла работ о панславизме, который создавался для «Русского вестника» под псевдонимом «Н. Константинов». Но будем двигаться не спеша. Нужно сперва напомнить, при каких обстоятельствах будущий о. Климент оказался в вертограде Пречистой, как называют Святую Гору.

На Афоне, где Леонтьев обретет, по выражению В.А. Котельникова, «иногое себя»⁸, он мог бы побывать и по долгу службы салоникским консулом (с мая 1871 г.): к этому сподвигал его прямой начальник, посол Н.П. Игнатьев (он даже прямо настаивал на сближении со старцами Руссика), этого желали и сами афониты – как пантелеимоновцы, так и андреевцы. Но поездку консул отложил, желая осмотреться на новом месте. Поспешить на Святую Гору в конце июля 1871 г. его заставит исполнение обета, данного при смертельной болезни, – поехать на Афон и постричься в монахи. К этому шагу он подходил постепенно: первые мысли о монашестве посещают его еще в 1870 г.⁹ В святогорских монастырях, с небольшими отлучками (в частности, было две поездки в Салоники по делам консульства), он проведет год и с благословения старцев Иеронима и Макария вернется в мир, чтобы, выйдя в отставку, начать новую жизнь, по возможности вблизи какого-либо монастыря. В июне 1874 г. бывший консул отправится в Россию, где одним из первых посещенных мест окажется Оптиная пустынь (афонские духовники снабдили его рекомендательными письмами именно к оптинским старцам).

На Афоне Леонтьев начал писать книгу, получившую потом название «Византизм и Славянство», задумал роман-эпопею «Одиссей Полихрониадес», почти целиком создать апологетическое сочинение «Афонские письма», которое мы теперь знаем только в более поздней, значительно сокращенной редакции, а для Министерства иностранных дел написал аналитическую «Записку об Афонской Горе и об отношениях ее к России» (датирована апрелем 1872 г.). Второй из публикуемых ныне документов возник именно в связи с этой запиской.

⁷ См.: Фетисенко О.Л., Фурцев Д.О. Об одном неизвестном автографе К.Н. Леонтьева // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1(20). С. 155–162 [8].

⁸ См.: Котельников В.А. Воин мысли: Константин Леонтьев в поединке с веком. С. 59.

⁹ См.: Леонтьев К.Н. Хронология моей жизни // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] Т. 6, кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 32 [9].

Пребывание Леонтьева на Святой Горе пришлось на беспокойное время разгара греко-болгарской церковной распри, когда болгарское духовенство откололось от Вселенской патриархии, а греки готовили Поместный собор, который обличит так называемую ересь «филетизма» («племенничества», построения Церкви по национальному признаку), но и сами были подвержены тому же, видя теперь тайных и явных своих врагов во всех славянах, и прежде всего русских, столь многочисленных тогда на Афоне. Неудивительно поэтому, что и в салоникском консуле, гостившем у афонитов, подозревали «агента панславизма», не предполагая религиозных причин для его поступка. Об этом сам Леонтьев (точнее – Н. Константинов) будет писать с юмором в статье «Панславизм на Афоне», передавая суждения греков:

«Болен русский консул... Он почти ничего не ест, говорят люди; слухи ходят даже, что он хочет постричься.

Вздор! Больной человек, воспитанный по-европейски, как все эти проклятые русские чиновники, не смеет болеть на Афоне; для этого есть воды всеспасительной Германиии... Возможно ли верить, что ему приятно с монахами? Что за скука! <...> Кто ж нынче уважает монашество?»¹⁰.

А чуть позднее, уже после отъезда Леонтьева, греко-болгарский церковный конфликт отзовется «греко-русской распрей» на Афоне. Часть греческих монахов будет настаивать на удалении русской братии со Святой Горы. С большим трудом Вселенская патриархия и афонский Протат смогут достичь умиротворения. В переписке Леонтьева с Пантелеимоновым монастырем эта тема будет отражена.

Первый из новонайденных документов появился не ранее зимы 1871–1872 гг. Леонтьев прибег к авторитету о. Макария, желая оградить себя от беспокойств, доставляемых женой, которая без спроса приехала со своей младшей сестрой Еленой на границу Афона¹¹. Более точная дата их приезда – не ранее 25 ноября 1871 г. – выясняется из письма дикеев Андреевского скита игумена Феодорита (Крестовникова) к иеромонаху Паисию (Левицкому)¹². Необходимо пояснить, что у Е.П. Леонтьевой в то время уже началась душевная болезнь, не развившаяся еще сильно. Вольный образ жизни сестер, не понимавших, что они находятся близ святого места и – как родственницы консула – в некотором роде тоже представляют

¹⁰ См.: Леонтьев К.Н. Панславизм на Афоне // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 247 [10].

¹¹ Ср. с позднейшей (1883 г.) отметкой Леонтьева в записке «Хронология моей жизни»: «Осень. Зима. Внезапный приезд Лизы и Лёли в Салоники и на границу Афона. – Жизнь их на Ватопедском Пирге» [9, с. 32]. Так, от греческого слова *πύργος*, башня, называли подворье Ватопедского монастыря. Здесь гости, прибывшие еще в конце 1871 г., оставались по крайней мере до конца марта (см.: Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874). С. 211).

¹² См.: Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874). С. 208.

Россию, доставлял много беспокойства Леонтьеву. Видимо, плохо полагаясь на силу собственных внушений, он и обратился за помощью к о. Макарию, который мог попросить помочь ему – объяснить, что именно хотел бы Константин Николаевич строго внушить супруге, на чем настаивать в письме или беседе. По содержанию отрывка ясно, что черновик предполагаемого письма (неизвестно, появилось ли оно в итоге) мог возникнуть лишь после того, как о. Макарий познакомился с Е.П. Леонтьевой и исповедал ее. В одном из позднейших писем к духовнику Леонтьев вспоминает второе появление жены на ватопедском подворье (видимо, речь идет о марте 1872 г.; ср. примеч. 14): «Помните, отец Макарий, когда она приехала неожиданно второй раз на Пирг и так смутила меня, вы сами тогда сказали: “Это дьявол ее сюда принес; – на человека весело было смотреть, как он успокоился у нас духом!”» [11, с. 361]¹³. К этому эпизоду с большой уверенностью и следует отнести первый публикуемый черновой набросок.

Другой документ создан уже вне Афона. В второй половине октября 1872 г. Леонтьев прибыл на Босфор, проехав «24 дня от Солуны до Царьграда сухим путем»¹⁴. В столице все еще не утихло после сентябрьского Поместного собора. Русское посольство находилось тоже в кипении споров на греко-славянскую тему, и одно из первых известий, полученных Леонтьевым, не было для него благоприятным: во враждебно настроенных к России газетах греки цитировали его записку о Святой Горе, к тому же превратно ее толкуя, пытаясь разжечь недовольство османских властей. Фанариоты были особенно задеты, как им показалось, необоснованными притязаниями русских на Афон. Леонтьев призывал в своей записке укреплять связи с Афоном, доказывая, что это, наряду с Добруджей (исторической областью на Нижнем Дунае, где жило много выходцев из России, главным образом старообрядцев), одна из «важных точек опор» нашей страны на Востоке¹⁵.

9 ноября 1872 г., т.е. едва приехав в Константинополь, Леонтьев пишет о. Макарию, подразумевая Н.П. Игнатьева: «Начальник дивится, от кого из здешних могло выйти известие о моей “Записке об Афоне” в греческие газеты. – Он говорит, что кроме Кумани из посторонних никто ее не читал. – Надо думать, что это не злонамеренность, а чья-нибудь неосторожность» [11, с. 323]¹⁶. Упомянутый здесь Алексей Михайлович Кумани (1833, по др. свед. 1832 или 1835–1897) служил в русском посольстве в Константинополе с 1862 г. и в 1871–1872 гг. занимал должность

¹³ Уточнено по автографу из АПРМА.

¹⁴ Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11, кн. 1: Письма 1853–1875 гг. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 321 [11].

¹⁵ См.: Леонтьев К.Н. Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 390–406 [12]. Впервые с большой купюрой записка была опубликована В.И. Косиком и Г.Б. Кремневым (см.: Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Республика, 1996. С. 13–19 [13]). Об истории создания этой записки см.: [Фетисенко О.Л. Преамбула] // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: Т. 10, кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 617–618 [14].

¹⁶ Уточнено по автографу из АПРМА. Здесь и далее курсивы передают подчеркивания в автографах.

советника, которую оставил, поступив на время на частную службу к железнодорожному магнату барону М. Гиршу. (Вот почему он и объединен в приведенной цитате с «посторонними».) В другом письме к о. Макарию, от 6 декабря, Леонтьев сообщает новые подробности о газетном скандале: «Газеты продолжают громить Вас, Якубовского, меня и всю Россию. – Сказал бы и больше, *да остерегаюсь*; расскажу на словах отцу *Матвею*» [11, с. 327]. Здесь названы два лица: битольский консул Н.Ф. Якубовский, заменивший Леонтьева в Салониках и хорошо известный на Афоне, где впоследствии и будет похоронен (немного подробнее о нем см. в примечании к публикуемому второму документу), и находившийся тогда в Царьграде монах Матфей (в миру Михаил Павлович Ольшанский (1840–1911)), в то время (1867–1873 гг.) певчий посольской церкви в Константинополе, впоследствии библиотекарь и секретарь Пантелеимонова монастыря.

Леонтьев связывается с редакцией «Русского вестника», где с 1867 г. печатались его восточные повести и очерки, и предлагает М.Н. Каткову серию статей о панславизме, что тот охотно принимает. Одна за другой появляются статьи «Панславизм и греки» и «Панславизм на Афоне» (начаты они были как корреспонденции для газеты «Голос»¹⁷, а затем расширены для московского консервативного журнала). Новонайденный документ позволяет подтвердить сделанное нами ранее предположение о том, что появлению второй статьи на русском языке в «Русском вестнике» предшествовало издание ее французской «версии»¹⁸ [1, с. 451]. Значительную часть работы составляют развернутые ответы на клевету франко- и грекоязычных константинопольских газет. Пользуясь тем, что пишет под псевдонимом, Леонтьев может здесь отстраненно говорить о действиях «салоникского консула» на Афоне.

Но что же могло послужить поводом для создания «конспекта»-подсказки – «Замечаний для *Отца Макария*» (так озаглавлен второй из обнаруженных в д. 482 АРПМА документ)? Судя по всему, не только Леонтьеву пришлось оправдываться перед своим начальством за невольную «утечку» из его аналитической записки. Фактическому настоятелю Руссика о. Макарию (официальному игумену греку о. Герасиму было уже более 100 лет) тоже пришлось объяснять духовным властям Афона, как это могло произойти, почему греческие газеты порочат русское монашество. Поэтому Леонтьев и счел необходимым снабдить своего духовного наставника и друга материалом – что говорить об авторе записки о России и Афоне. Из «Замечаний...» выясняется еще одна любопытная

¹⁷ См. об этом, например, в письме к о. Иерониму от 18 декабря 1872 г. [11, с. 331].

¹⁸ См.: Constantinow N. [Леонтьев К.Н.] *Le Panslavisme au Mont-Athos*. Constantinople: Typographie et lithographie centrales, 1873. 94 p. [15]. Это более полная редакция статьи, содержащая вставки, необходимые для не русского читателя. Принадлежит ли французский перевод самому Леонтьеву – еще предстоит выяснить. Перевод на греческий обещал выполнить первый драгоман посольства Э.Я. Аргирополуло (?–1875) (см. об этом: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи. С. 87), вероятно не исполнивший свое намерение. В апреле 1873 г. турецкое посольство в Петербурге издало перевод леонтьевской статьи на турецкий язык. Критическое издание франкоязычного варианта статьи «Панславизм на Афоне» – насущная необходимость и, надеемся, дело ближайшего будущего.

деталь: свою записку об Афонской горе Леонтьев переслал в Константинополь, не прибегая к услугам собственных помощников, а сделал это «по церковным каналам», через о. Макария.

По содержанию второй публикуемый документ можно датировать декабрем 1872 г.: в нем упоминается о намерении выпустить брошюру «после Нового Года» и о получении денег от Каткова¹⁹. Представляется, что едва ли Леонтьев отправил этот секретный документ по почте. По моему предположению, он мог передать его с тем же о. Матфеем, с которым собирался «на словах» передать более подробные сведения о положении дел (см. выше). В архивном деле записка затерялась, оказавшись среди более ранних документов: между письмом от 3 октября 1871 г. и недатированной запиской, которую можно отнести к январю 1872 г.

Тесты печатаются по черновым автографам (чернилами, отдельная правка карандашом): АРПМА. Оп. 41. Д. 482. Док. А001973. С. 97, 95; 21, 23, 25–32 (в АРПМА нумеруются не листы, как принято в светских архивах, а страницы документов; видимо, это дань сложившейся традиции). Сохраняются особенности авторской орфографии и пунктуации. Пользуясь случаем, еще раз приносим благодарность всем, кто способствовал появлению этой публикации.

1

<Фрагмент черновика письма к Е.П. Леонтьевой, написанного К.Н. Леонтьевым от лица о. Макария (Сушкина)²⁰>

Как духовный отец²¹, избранный *Вами самими*²² и при том монашеском настроении, о котором Вы не раз говорили²³, я позволяю себе смело обратиться к Вам с советом не тревожить *своеволием* вашим вашего мужа, которого болезни и

¹⁹ Ср. письмо к о. Иерониму от 18 декабря 1872 г. [11, с. 329].

²⁰ Архимандрит Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин (1820–1879)) – игумен (с 1875 г.) Пантелеимонова монастыря. См. о нем: Дмитриевский А.А. Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). М.: Индрик, 2010. 351 с. [16] (первое изд.: СПб., 1895); Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. С. 225–230, 321–387 [17]. После кончины старца Леонтьев посвятил ему развернутый очерк «Воспоминание об архимандрите Макарии игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской» (см.: Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.]. Т. 6, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 748–781 [18]). Елизавета Павловна (наст. отчество Борисовна) Леонтьева (урожд. Политова (ок. 1842–1918)) – жена Леонтьева (с 1861 г.).

²¹ Слово вписано графитным карандашом.

²² Ср. в письме Леонтьева к о. Макарию от 16 февраля 1874 г.: «Ваша духовная дочь благодарит Вас за память; она Вашими молитвами стала опять *как человек*» [11, с. 378; уточнено по автографу].

²³ Ср. в более позднем (от октября 1873 г.) письме Леонтьева к о. Макарию: «Сегодня она потребовала икону Божией Матери, и, целуя ее, клялась, что пойдет на *испытание* в монастырь хоть на два года, чтобы не связывать более и меня [11, с. 368; уточнено по автографу].

душевные страдания и денежные затруднения я знаю хорошо²⁴. – Поверьте, его положение и без того очень трудно. – Вы самовольно и беспрестанно разъезжаете с места на место, вводя его в большие расходы, и отвлекаете его от занятий, которые не только ему очень дороги, но и²⁵ для Вашего содержания необходимы и поэтому принимаете на душу²⁶ грех весьма тяжкий и непростительный. –

О. Иероним²⁷, как духовный отец вашего мужа и²⁸ я, как Ваш, просим Вас не беспокоить Вашего мужа более ничем и если Вы уж приехали на Пирг²⁹, то оставаться на нем, пока³⁰ К<онстантин> Н<иколаевич> разрешит вам уехать или³¹ воз<ь>мет вас куда-нибудь с собою³². – Поверьте, Л<изавета> П<авловна>, что мы думаем о *вашем же благе* и предостерегаем вас для вашей же пользы. – Муж ваш и без того тяготится заботами³³ и расходами; доведенный до отчаяния он может отказаться от всего и остаться навсегда на Афоне, откуда и мы не можем его удалить, если бы и хотели. – А вы³⁴ рискуете остаться без помощи и почти без средств к жизни. –

2

<Записка для отца Макария (Сушкина)>

Прошу, чтобы это было *вполне* между нас. –

Замечания для *Отца Макария*. –

²⁴ Было: «которого и душевные и денежные затруднения мы знаем хорошо. / которого [нед<уги>] болезни и денежные затруднения я знаю хорошо». «Страдания» вписано карандашом.

²⁵ Было: «ему очень дороги и»; правка карандашом: «очень дороги» обведено карандашом, потому что сначала было написано очень неразборчиво; «и» исправлено на «но и».

²⁶ Далее зачеркнуто: «более / без пр».

²⁷ Иеросхимонах Иероним (в миру Иван Павлович Соломенцев (1802–1885)) – духовник Пантелеимонова монастыря. См. о нем: Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. С. 185–189, 298–310; Большаков С.Н. Иеросхимонах Иероним (Соломенцев) – возобновитель русского монашества на Афоне в XIX веке // Вестник Русского Западно-Европейского экзархата. 1963. № 41. С. 52–62 [19]; Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария / авт.-сост. иеромон. Иоаким (Сабельников). М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 838 с. [20].

²⁸ Было: «Мы с о. Иеронимом, как духовные отцы вашего мужа и Ваши / О. Иероним и я, как духовные отцы вашего мужа и Ваши».

²⁹ См. выше примеч. 14. О пребывании Е.П. Леонтьевой на Пирге см.: Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874). С. 208–211.

³⁰ Далее зачеркнуто: «будет».

³¹ Далее зачеркнуто: «уедет».

³² Леонтьев вызовет к себе жену, только когда надолго обоснуется на о. Халки (в 1873 г.). Уедет в Россию в 1874 г. он сначала тоже без нее.

³³ Вписано над зачеркнутым: «делами».

³⁴ Далее зачеркнуто: «останется».

1. В «*Фар дю Босфоре*»³⁵ есть несколько строк³⁶ не³⁷ из *статьи* Леонтьева, а из одного из тех казенных *донесений*³⁸, которые обязаны Консула посылать своему Правительству, наблюдая что-либо любопытное в стране³⁹. – Имени Леонтьева при этом *нет*, а⁴⁰ сказано просто «*один агент*⁴¹ *Панславизма*». – Имя Леонтьева упомянуто ниже вместе с Якубовским⁴² и сказано, что *они оба были вместе* на Афоне для совещаний⁴³. –

2. *Статья* значит вещь, назначенная для *печати*; поэтому она *секретной* быть не может; с другой стороны никакой редактор не может *открыто* и официально признаться, что он имеет *казенную бумагу* иностранной Державы, украденную или списанную на почте. – Он может подвергнуться за это строжайшему Суду. – Так как подлинник этого *донесения* (а не *статьи*, повторяю) находится у Игнатъева⁴⁴, то значит оно было где-нибудь задержано на дороге⁴⁵ на Карее⁴⁶ или в Солуне и *списано* с русского. – Или оно было выкрадено в Канцелярии самого Посольства и тоже переписано кем-нибудь. –

3. Возражать печатно в цареградских газетах можно было бы вообще об Афоне и об русских под турецкой властью; а никак не на выписку из *донесения* Леонтьева. – Это во-1-х значит на *воре шапка горит*; а во-2-х чиновнику еще на службе и не прилично. – Ник<олай> Павл<ович> никогда на этот отрывок и не

³⁵ Phare du Bosphore («Босфорский маяк») – ежедневная газета на французском языке, выходившая в Константинополе в 1870–1890 гг. В статье «Панславизм на Афоне» Леонтьев напишет: «Издается она ... в каком-то особенно германо-греческом духе и отличается чрезвычайным бесстыдством своих клевет и искажений» [10, с. 248]. Статья в «Босфорском маяке», о которой идет речь, вероятно, вышла еще в сентябре 1872 г. Ср.: Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11, кн. 1: Письма 1853–1875 гг. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. С. 319.

³⁶ Далее зачеркнуто: «из».

³⁷ Далее начато и зачеркнуто: «доне<сения>».

³⁸ Было: «из одного донесения».

³⁹ Имелась в виду «Записка об Афонской Горе и об отношении ее к России».

⁴⁰ Далее зачеркнуто: «есть».

⁴¹ Далее зачеркнуто: «Русского Прав<ительст>ва». –».

⁴² Николай Федорович Якубовский (1825–1874) – дипломат, секретарь консульства в Белграде (с 1856 г.), Адрианополе (с 1862 г.), Константинополе (с 1863 г.), консул в Дарданеллах, Битоли (с 1866 г.); в 1872 г. временно заменил Леонтьева в Салониках, в 1874 г. был утвержден в должности салоникского консула. Сохранилось несколько его писем к Леонтьеву (см.: Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891). С. 659); ряд из них приводится в тексте «Летописи жизни и творчества К.Н. Леонтьева» [1, по указателю].

⁴³ На самом деле.

⁴⁴ Рукопись, перебеленная воспитанником и помощником Леонтьева молдаваном Петро Узун-Тома, так и сохранилась в архиве Посольства в Константинополе. Современный архивный шифр: Архив внешней политики Российской империи МИД РФ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3209. 1872. Л. 1–15 об. Николай Павлович Игнатъев (1832–1908), граф (с 1878 г. – государственный деятель, дипломат, общественный деятель); выпускник Пажеского корпуса (1849 г.), посол в Константинополе (с 1864 г. до 1867 г. – посланник), министр внутренних дел (1881–1882 гг.).

⁴⁵ Далее зачеркнуто: «или».

⁴⁶ Карей – административный центр Афона, где размещается своего рода монашеский Синод (протат, состоящий из представителей главнейших 20 монастырей).

советывал возражать; — он советовал возражать на другие мелкие клеветы и выдумки «*Фар дю Босфора*». — Газета *Куррьё д'Ориан*⁴⁷ могла бы служить для этого органом, но так как целью возражений имеют *не греки*, которые сами *ложь эту выдумывают* и знают, что она ложь, а *турки* и отчасти *европейцы*, то пустыми заметками о том, что *навраны мелкие факты* в греческих газетах, что Леонтьев был в Кавалле⁴⁸ в то время, когда Якубовский был на Афоне⁴⁹, пользы не сделаешь, а только будет курам на смех. —

Возражения, чтобы быть полезными *теперь*, должны быть *смелые* и *солидные*. — Например, что *всем афонцам власть турецкая удобнее* власти греческой, болгарской и русской⁵⁰. — Ибо они под Султаном свободнее; — что русские на Афоне такие же *райя*⁵¹, как и другие, и Султану не за что их гнать⁵². —

Что они безвреднее греков, ибо от *своих границ далеко*. — Что Султану выгоднее иметь на Афоне *разноплеменных* подданных, чем *одних* греков, или *одних* болгар или *одних* русских; — ибо при разнородности меньше опасности отпадения к соседней Элладе⁵³. —

Вот это возражения и правдивые и серьезные и внушающие доверие. — В этом смысле Леонтьев и⁵⁴ кончает теперь статью для Каткова⁵⁵, который выслал ему

⁴⁷ *Courrier d'Orient* («Восточный курьер») — ежедневная газета на французском языке, выходившая в Константинополе в 1861–1876 гг.

⁴⁸ Кавалла (с 1940 г. — Кавала) — город-порт на северо-востоке Греции, до 1912 г. входил в состав Османской империи. Здесь у русского Андреевского скита имелось хозяйственное подворье. Посетить македонский город Леонтьев вполне имел право как консул. Он так и обставил свою поездку, остановившись не на подворье, а пробыв «недели две-три» «в гостеприимном доме Фосколо», русского вице-консула (см. об этом: Леонтьев К.Н. Разбойник Сотири // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.]. Т. 6, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 419 [21]).

⁴⁹ Все-таки эту газетную «утку» Леонтьев в статье «Панславизм на Афоне» будет опровергать: «...эти оба чиновника на Афоне никогда вместе не были ... солунский консул лежал больной, почти умирающий в городе Кавалле, верстах в 150 или 200 от Афона, в то время, когда битольский консул посетил один Святую Гору» [10, с. 240].

⁵⁰ В финальной части статьи «Панславизм на Афоне» Леонтьев скажет, что одной из целей его труда было «показать, что всему совокупному Афону выгодно теперешнее его положение *самоуправления под султанской властью*»: «Политическая власть турок, церковная зависимость от Вселенской греческой патриархии, денежная постоянная помощь из России: вот тройная зависимость, заключающая в себе наилучшие залогов внутренней свободы для Святой Горы. <...> Всякая племенная исключительность, русская, греческая, болгарская, одинаково погубит афонскую жизнь и лишит Афон смысла» [10, с. 266–267]. О греческой власти он отзывался нелицеприятно: «...эллыны не о том думают, как бы пожертвовать деньги из личного благочестия на монастыри, а как бы с монастырей взять деньги на свои мирские потребности» [10, с. 264].

⁵¹ Райя — в Османской империи уничижительное название подданных немусульман.

⁵² В статье «Панславизм на Афоне» Леонтьев напишет: «У русских же на Афоне ... сильная поддержка извне. Но зато они удаленнее всех других от своего племени, от своей родины и не имеют никаких, сравнительно с греками и болгарам, местных политических интересов» [10, с. 258].

⁵³ Ср.: «Будь на Афоне одни лишь греки, Афон ... мог бы легче, в минуту каких-нибудь замешательства, отпасть от Турции к Элладе» [10, 257]. Прогноз Леонтьева оправдается в XX в.

⁵⁴ Далее зачеркнуто: «пишет».

⁵⁵ Речь идет о статье «Панславизм и греки».

500 рублей и хочет выслать в январе еще 500, лишь бы *Леонтьев жил на Востоке* и писал для него⁵⁶. –

После Нового Года, если Господь Бог поможет, Леонтьев надеется издать *особую* небольшую книжку в Царьграде на французском языке⁵⁷ опять с тою же целью доказать, что турки *полезнее всех* для *Афона*. –

Но это зависит уже не от одного Леонтьева, но и от⁵⁸ согласия других лиц. –

Отец Макарий пишет: «Если Турецкое Правительство *обратит внимание* на эту *статью* (т. е. на донесение), то нам от этого не поздоровится». –

В донесении этом Леонтьев говорил худое лишь *о мирских грехах и болгарах*, находя, что они не набожны и Афону не помогают⁵⁹. Про турок же говорил всё хорошее⁶⁰ и прямо утверждал, что Турецкому Прав<ительст>ву русские выходцы в Турции безопаснее греков и болгар; – во-1-х потому что их мало; во-2-х потому что их родина далеко; и в-3-х потому что они политическими делами заниматься не любят подобно грекам, у которых каждый сапожник хочет управлять Государством⁶¹. –

Поэтому греки сделали бы русским не вред, а пользу, если бы показали *целиком* донесение Леонтьева туркам. –

Поэтому-то «*Фар дю Босфор*» и выбросил все *похвалы туркам* и все *порицания* за ненабожность *мирским болгарам*, боясь, что беспристрастие донесения этого *расположит* турок к русским. Но этом сокращением он – обессилил *себя* и не может теперь *назвать* Леонтьева *по имени*⁶². –

Если он назовет, Посольство может спросить *судебным* порядком: «*Кто крадет русские казенные бумаги?*» – поступок, строго запрещенный международным правом. – *Архив* считается по всеобщему закону *неприкосновенным*. –

⁵⁶ Ср. в письме к М.В. Леонтьевой (вторая половина марта 1873 г.): «Редакция Русск<ого> Вестника желала, чтобы я оставался еще в Константинополе и писал бы для них романы и статьи. – Мне прислали вперед 1000 рублей» [11, с. 342].

⁵⁷ Выходные данные см. в примеч. 21. Брошюра выйдет в последних числах января – первых числах февраля 1872 г. см.: Леонтьев К.Н. Письмо к Н.П. Игнатьеву, 13 декабря 1872 г. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 610 [22].

⁵⁸ Далее зачеркнуто: «други<х>».

⁵⁹ См.: Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 396–397, 402–403. В своей записке Леонтьев привел слова греческого епископа Каллиника, жившего на Святой Горе на покое: «Нет у наших мирских греков того благочестия, которое я вижу у ваших русских» [12, с. 399].

⁶⁰ Леонтьев отмечал «расположение турецких властей к русским переселенцам»: на них турки могут «положиться ... гораздо смелее», чем на греков и болгар (см.: Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. С. 391). Эта же тема развита и в статье «Панславизм на Афоне».

⁶¹ В «Записке об Афонской горе...» Леонтьев сообщал мнение турецкого государственного деятеля Ахмеда-Рассим-паши (1826–1897): «И греки, и болгары ... все либералы, они только и думают, что о Конституциях, об обезьянстве Европе, и ничего умнее придумать не могут» [12, с. 390].

⁶² Далее в новой строке зачеркнуто: «Называя».

К тому же тогда Леонтьеву стоит⁶³ только⁶⁴ потребовать, чтобы уже⁶⁵ всё донесение сполна было предано печати, и турки будут успокоены. –

Но, Бог даст, до этого дело и не дойдет. – Главное надо, чтобы сами афонские монахи поменьше бы представляли бы из себя русскоподданных, а побольше бы старались угодить туркам. –

А⁶⁶ донесения крали не раз и у наших, и у западных чиновников. – Турки не дураки и⁶⁷ выгонять им славян с Афона не выгодно, оставляя чисто греческий элемент. –

Леонтьев этом также не виноват. – *Его долг* был писать *отовсюду* Начальству свои наблюдения над страной. – Раз он отдал запечатанный конверт О. Макарию – он свое дело сделал; – он не виноват, если на Карее греки списали или если Якубовский был нерадив, или если в самом Посольстве, может быть, есть иностранные шпионы между слугами и т. п.

Список литературы

1. Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891) / сост. О.Л. Фетисенко. Ч. 1: 1831–1880 // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. III. СПб.: Владимир Даль, 2022. 704 с.
2. Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891) / сост. О.Л. Фетисенко. Ч. 2: 1881–1891 // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. IV. СПб.: Владимир Даль, 2022. 735 с.
3. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву. Статьи / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Приложение. Кн. VI. СПб.: Владимир Даль, 2025. 623 с.
4. Котельников В.А. Воин мысли: Константин Леонтьев в поединке с веком. СПб.: Владимир Даль, 2025. 443 с.
5. Письма Константина Николаевича Леонтьева // Русский Афон XIX–XX веков. Т. 10: Письма выдающихся личностей России к старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Святая Гора Афон, 2015. С. 395–448.
6. Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. Неизвестные письма Константина Леонтьева к иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву) и другие материалы из Русского архива Андреевского скита // Словесность и история. 2023. № 4. С. 170–191.
7. Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874) // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1(16). С. 197–217.
8. Фетисенко О.Л., Фурцев Д.О. Об одном неизвестном автографе К.Н. Леонтьева // Русско-Византийский вестник. 2025. № 1(20). С. 155–162.
9. Леонтьев К.Н. Хронология моей жизни // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] Т. 6, кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 28–35.
10. Леонтьев К.Н. Панславизм на Афоне // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 210–267.

⁶³ Далее зачеркнуто: «будет».

⁶⁴ Далее зачеркнуто: «потребовать».

⁶⁵ Далее зачеркнуто: «вся».

⁶⁶ Далее начато и зачеркнуто: «укра<сть>».

⁶⁷ Далее начато и зачеркнуто: «Греч<еский>».

11. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11, кн. 1: Письма 1853–1875 гг. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2018. 856 с.
12. Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 390–406.
13. Леонтьев К.Н. Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство / изд. подгот. В.И. Косик и Г.Б. Кремнев. М.: Республика, 1996. С. 13–19.
14. [Фетисенко О.Л. Преамбула] // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 617–618.
15. Constantinow N. [Леонтьев К.Н.] *Le Panslavisme au Mont-Athos*. Constantinople: Typographie et lithographie centrales, 1873. 94 p.
16. Дмитриевский А.А. Русские на Афоне: Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина). М.: Индрик, 2010. 351 с. (Сер. «Русский Афон». Вып. 6).
17. Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года / гл. ред. иеромон. Макарий (Мокиенко). Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. 802 с.
18. Леонтьев К.Н. Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря Св. Пантелеймона на горе Афонской // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] Т. 6, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 748–781.
19. Большаков С.Н. Иеросхимонах Иероним (Соломенцев) – возобновитель русского монашества на Афоне в XIX веке // Вестник Русского Западно-Европейского экзархата. 1963. № 41. С. 52–62.
20. Великая стража: Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария / авт.-сост. иеромон. Иоаким (Сабельников). М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 838 с.
21. Леонтьев К.Н. Разбойник Сотии // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] Т. 6, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 404–443.
22. Леонтьев К.Н. Письмо к Н.П. Игнатьеву, 13 декабря 1872 г. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 607–608.

References

(Sources)

Collected Works

1. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 11, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 11, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 856 p.

Individual Works

2. Constantinow, N. [Leont'ev, K.N.] *Le Panslavisme au Mont-Athos*. Constantinople: Typographie et lithographie centrales, 1873. 94 p.
3. Dmitrievskiy, A.A. *Russkie na Afone. Ocherk zhizni i deyatel'nosti igumena Russkogo Panteleimonova monastyrya svyashchennoarkhimandrita Makariya (Sushkina)* [Russian on Athos. An

Essay on the Life and Work of the Abbot of the Russian Panteleimon Monastery, Hieroarchimandrite Makarius (Sushkin)], Moscow: Indrik, 2010. 351 p.

4. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. Stat'i [Letters to K.N. Leontiev. Articles], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t. Prilozhenie. Kn. VI* [Complete Works and Letters in 12 vols. Appendix. Book VI], Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2025. 623 p.

(Articles from Scientific Journals)

5. Bol'shakov, S.N. Ieroskhimonakh Ieronim (Solomentsev) – vozobnovitel' russkogo monashestva na Afone v XIX veke [Hieroschemamonk Jerome (Solomentsev) – the Restorer of Russian Monasticism on Athos in the 19th century], in *Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo Ekzarkhata*, 1963, no. 41, pp. 52–62.

6. Fetisenko, O.L., Furtsev, D.O. Ob odnom neizvestnom avtografе К.Н. Леонтьева [About One Unknown Autograph of K.N. Leontiev], in *Russko-Vizantiyskiy Vestnik*, 2025, no. 1(20), pp. 155–162.

7. Talalay, M.G., Fetisenko, O.L. K.N. Leont'ev v epistolyarnoy khronike Andreevskogo skita na Afone (1871–1874) [K.N. Leontiev in the Epistolary Chronicle of the St. Andrew's Skete on Mount Athos], in *Russko-Vizantiyskiy Vestnik*, 2024, no. 1(16), pp. 197–217.

8. Talalay, M.G., Fetisenko, O.L. Neizvestnye pis'ma K.N. Leont'eva k ieromonakhу Dorofeyu (Kudryavtsevu) i drugie materialy iz Russkogo arkhiva Andreevskogo skita [Konstantin N. Leontiev's Unknown Letters to Hieromonk Dorotheos (Kudryavtsev) and Others Materials from the Russian Archive of the Skete of Saint Andrew], in *Slovestnost' i istoriya*, 2023, no. 4, pp. 170–191.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. [Fetisenko, O.L. Preambula], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 10, kn. 2* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 10, book 2]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2017, pp. 617–618.

10. Leont'ev, K.N. Khronologiya moey zhizni [The chronology of my life], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 6, kn. 2* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 6, book 2]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2003, pp. 28–35.

11. Leont'ev, K.N. Pis'mo k N.P. Ignat'evu, 13 dekabrya 1872 g. [Letter to N.P. Ignatiev, 1872, 13 December], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 10, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 10, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2017, pp. 607–608.

12. Leont'ev, K.N. Panslavizm na Afone [Pan-Slavism on Athos], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 7, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 7, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2005, pp. 210–267.

13. Leont'ev, K.N. Pis'ma [Letters], in *Russkiy Afon XIX–XX vekov. T. 10. Pis'ma vydayushchikhsya lichnostey Rossii k startsam Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya* [Russian Athos in the 19th – 20th Centuries. Vol. 10. Letters from Prominent Russian Personalities to the Elders of the Russian St. Panteleimon Monastery]. Mount Athos: St. Panteleimon Monastery Press, 2015, pp. 395–448.

14. Leont'ev, K.N. Razboynik Sotiri [The Robber Soteri], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 6, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 6, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2003, pp. 404–443.

15. Leont'ev, K.N. Vospominanie ob arkhimandrite Makarii, igumene russkogo monastyrya Sv. Panteleymona na gore Afonskoy [Memoires of Archimandrite Makary, the abbot of the Russian monastery of St. Panteleimon on Mount Athos], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 6, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 6, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2003, pp. 748–781.

16. Leont'ev, K.N. Zapiska ob Afonskoy Gore i ob otnosheniyakh ee k Rossii [A Note on Mount Athos and Its Relationship to Russia], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 10,*

kn. 1 [Complete works and letters in 12 vols., vol. 10, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2017, pp. 390–406.

17. Leont'ev, K.N. Zapiska ob Afonskoy Gore i ob otnosheniyakh ee k Rossii [A Note on Mount Athos and Its Relationship to Russia], in Leont'ev, K.N. *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo* [East, Russia and Slavdom]. Moscow: Respublika, 1996, pp. 13–19.

(Monographs)

18. Fetisenko, O.L. *Letopis' zhizni i tvorchestva K.N. Leont'eva (1831–1891). Ch. 1: 1831–1880*. [Chronicle of the Life and Work of K.N. Leontiev (1831–1891). Part 1: 1831–1880], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t. Prilozhenie. Kn. III* [Complete Works and Letters in 12 vols. Appendix. Book III]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 704 p.

19. Fetisenko, O.L. *Letopis' zhizni i tvorchestva K.N. Leont'eva (1831–1891). Ch. 2: 1881–1891* [Chronicle of the Life and Work of K.N. Leontiev (1831–1891). Part 2: 1881–1891], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t. Prilozhenie. Kn. IV* [Complete Works and Letters in 12 vols. Appendix. Book IV]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 735 p.

20. Ioakim (Sabel'nikov), ieromon. (ed). *Velikaya strazha. Zhizn' i trudy blazhennoy pamyati afonskikh startsev ieroskhimonakha Ieronima i skhiarkhimandrita Makariya* [The Great Guard. The Life and Works of the Blessed Memory of the Athonite Elders Hieroschemamonk Jerome and Schema-Archimandrite Macarius]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii, 2001. 838 p.

21. Kotel'nikov, V.A. *Voin mysli. Konstantin Leont'ev v poedinke s vekom* [Warrior of Thought. Konstantin Leontiev in a Duel with the Century]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2025. 443 p.

22. Makariy (Makienko), ieromon. (ed.) *Russkiy Afon XIX–XX vekov. T. 5. Istoriya Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 do 1912 goda* [Russian Athos of the 19th – 20th Centuries. Vol. 5. The History of Russian St. Panteleimon monastery on Athos from 1735 to 1912]. Svyataya Gora Afon: Izdanie Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone, 2015. 802 p.

УДК 159.9.01+ 1(091)

ББК 88.1(2);+87.3(2)5

Симон Семенович Илизаров

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом историографии и источниковедения истории науки и техники, главный научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: sinsja@mail.ru

Виктор Александрович Куприянов

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургский филиал, кандидат философских наук, заведующий сектором социальных и когнитивных проблем науки, старший научный сотрудник; Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, кандидат философских наук, лаборатория критической теории культуры, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Забытый труд Н.О. Лосского «Психология в России»¹

Аннотация. Предлагается анализ истории создания и содержания ранее не изданной рукописи Н.О. Лосского по истории психологии в России. Проведена реконструкция истории появления данной работы, замысел которой возник в связи с первым в России большим историко-научным проектом – изданием сборника «Русская наука», у истоков которого стоял известный российский историк и социолог А.С. Лаппо-Данилевский. Освещается история данного проекта и по сохранившимся сведениям реконструируется участие в нем Н.О. Лосского. Отмечается, что в рамках данного проекта планировалось написание коллективного труда, содержащего отдельные очерки по истории науки в России, Лосский был приглашен для написания очерка истории психологии. Выполненная Лосским работа, точная датировка которой пока не установлена, не была опубликована при жизни автора и сохранилась в рукописном варианте в бумагах его близкого коллеги Э.Л. Радлова. Отмечено также собственные исследования Лосского по психологии, которыми он плодотворно занимался в ранний период своей жизни. Публикуемая здесь работа представляет интерес как первый опыт известного философа в области истории философии и истории интеллектуальной культуры, которой он по большей части занимался уже после вынужденной эмиграции из советской России. Отмечается, что работа Лосского привлекает внимание своей исключительной направленностью на современную психологию начала XX в. Указывается, что Лосский представляет развитие российской психологии за почти пятьдесят лет ее развития – с 1860-х по начало 1920-х гг., когда она достигла своего расцвета. В поле зрения Лосского попали практически все основные направления психологии его времени, обзор которых он дает с опорой на детальный анализ главных психологических и психофизиологических трудов того времени. Делается вывод о том, что публикуемый текст представляет интерес в контексте историографии истории психологии и философии в России, добавляя свежий взгляд на уже устоявшиеся факты.

Ключевые слова: теория познания Лосского, профессиональная философия, философская психология, историография науки

¹ Часть исследования В.А. Куприянова выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-01839 «А.И. Введенский и традиции профессиональной философии в России в конце XIX – начала XX вв.» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург). The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 25-28-01839 “A.I. Vvedensky and the traditions of professional philosophy in Russia in the late 19th – early 20th centuries” (HSE University – St. Petersburg).

Simon Semenovitch Ilizarov

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Head of the Department of Historiography and Source Studies of the History of Science and Technology, Chief Researcher, Russia, Moscow, e-mail: sinsja@mail.ru

Viktor Alexandrovich Kupriyanov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Philosophy); Head of the Sector of Social and Cognitive Problems of Science, Senior Researcher, Russia, St. Petersburg, e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The Forgotten Work by N.O. Lossky “Psychology in Russia”

Abstract. The article analyzes the history of creation and the content of a previously unpublished manuscript by N.O. Lossky on the history of psychology in Russia. The authors reconstruct the background of this work, the concept of which emerged in connection with the first major historical and scientific project in Russia – the publication of the collection “Russian Science”, initiated by the famous Russian historian and sociologist A.S. Lappo-Danilevsky. The authors describe the history of this project and, based on surviving records, reconstruct N.O. Lossky’s participation in it. It is noted that the project planned a collective work containing individual essays on the history of each science in Russia; Lossky was invited to write the essay on the history of psychology. Lossky’s work, the exact dating of which has not yet been established, was not published during the author’s lifetime and remained in manuscript form among the papers of his close colleague E.L. Radlov. The article highlights Lossky’s interest in psychology and his own research as a psychologist, which he fruitfully pursued during the early period of his biography. The published work is of interest as the famous philosopher’s first experience in the field of the history of philosophy and the history of intellectual culture, areas he primarily focused on after his forced emigration from Soviet Russia. The work also attracts attention due to its exclusive focus on psychology contemporary to Lossky. The author presents the development of Russian psychology over nearly fifty years – from the 1860s to the early 1920s, when it reached its peak. Lossky covers almost all the main directions of psychology of his time, providing an overview based on a detailed analysis of the major psychological and psychophysiological works of that period. Thus, the published text is of interest in the context of the historiography of the history of psychology and philosophy in Russia, adding a fresh perspective to established facts.

Key words: Lossky’s theory of knowledge, professional philosophy, philosophical psychology, historiography of science

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.129-150

Десять лет тому назад поиски документальных свидетельств о жизни и деятельности философа, психолога, науковед и историка научных идей Т.И. Райнова (1890–1958) привели нас в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, где в фонде Э.Л. Радлова (ОР РНБ. Ф. 626) хранится работа Н.О. Лосского «Психология в России». На обложке дела № 122 кроме имени автора, названия, даты и иных архивных сведений указано, что на титульном листе рукописи имеется помета: «Для сборника “Русская наука”»².

² Судя по листу использования, рукопись Н.О. Лосского ранее изучалась двумя исследователями – в декабре 1966 г. и в январе 2013 г., причем вторым был [А.Н. – ?] Дмитриев. О существовании неопубликованной рукописи Н.О. Лосского см.: Илизаров С.С. Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус.-К, 2017. С. 14 [1].

В неопубликованном труде Н.О. Лосского Т.И. Райнов оказался включенным в общий обзор развития психологии в России. После краткого разбора работ Д.Н. Овсяннико-Куликовского по психологии художественного творчества Н.О. Лосский посвятил его ученику Т.И. Райнову целый абзац и рассмотрел два его концептуальных сочинения о творчестве, опубликованных в 1914 г. в известном Харьковском сборнике³.

Когда в 2016 г. вышел важный историко-научный и археографический труд, посвященный 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»⁴, стало понятно, что рукопись очерка, выполненного для этого проекта Н.О. Лосским, осталась для редакторов-составителей неизвестной. По ряду причин подготовка публикации работы Лосского затянулась, и только теперь восполняется важная историографическая лакуна и в истории Комиссии, и в судьбах сборника «Русская наука».

Сохранившаяся в фонде Э.Л. Радлова рукопись Н.О. Лосского является машинописной авторизованной копией, точнее – последним вариантом перед подготовкой наборного экземпляра. Рукопись, напечатанная на больших 84 листах бумаги, содержит многочисленные авторские исправления. 43-й лист утрачен.

К настоящему времени недолгая история подкомиссии «Русская наука», которая стала первой для Академии наук попыткой институционализации истории науки, причем сразу в масштабе коллективного мегапроекта, достаточно изучена⁵. Поэтому здесь, опираясь на существующие исследования и введенные в научный оборот документы, можно ограничиться некоторыми значимыми в контексте создания очерка Лосского моментами.

По свидетельству В.И. Вернадского, идея подготовки труда, в котором были бы подведены итоги научного развития России, возникла у А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Ольденбурга в 1915 г. под впечатлением изданного Институтом Франции сборника *La Science Française*, содержавшего 33 обзорных очерка по отдельным дисциплинам. В справке о возникновении сборника «Русская наука» и о современном положении этого издания, составленной в сентябре

³ См.: Райнов Т.И. Психология творчества Д.Н. Овсяннико-Куликовского // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. VIII–XVI [2]; Райнов Т.И. Введение в феноменологию творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. 1–103 [3].

⁴ См.: Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.; М.: Перо, 2016. 848 с. [4].

⁵ См., например: Илизаров С.С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука, 1993. С. 7–11 [5]; Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. № 12. С. 1129–1139 [6]; Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сб. документов / сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. С. 637–659 [7]; Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.; М.: Перо, 2016. 848 с. [4]; Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282 [8].

1921 г. Г.П. Блоком – первым ученым секретарем Комиссии по истории знаний (КИЗ), а также в новейших работах истоки этой истории связываются с инициативой посла Великобритании в Российской империи. В марте 1916 г. Джордж Бьюкенен писал министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву о необходимости завязать более тесные сношения между русскими и английскими учеными. Получив от Министерства данное сообщение, Императорская Академия наук на Общем собрании 9 мая приняла решение образовать по этому поводу комиссию. 15 октября 1916 г. Академия наук постановила организовать иную, новую комиссию, которой поручались бы заботы об установлении более тесного общения не только с Англией, но и с другими странами Западной Европы. 15 ноября того же года на одном из первых заседаний этой комиссии академик А.С. Лаппо-Данилевский высказал соображения о желательности издать на русском и французском языках труд под названием «Русская наука» (*La science Russe*), где бы в кратких, сжатых очерках, вроде некоторых статей книги *La science Française*, были сообщены сведения о ходе развития и современном положении всей русской науки.

Необходимо отметить, что в первой половине августа 1916 г. А.С. Лаппо-Данилевский, участвуя в составе группы русских ученых и политических деятелей в летней сессии в Кембридже⁶, выступил с докладом, посвященным развитию науки и учености в России с древнейших времен и до начала XX в. В 1917 г. его пространная статья *The development of science and learning in Russia* была опубликована в составе сборника трудов *Russian Realities and Problems*. Это важнейшее историко-научное сочинение А.С. Лаппо-Данилевского, до сих пор не имеющее у нас аналогов, стало общедоступным только в 2015 г.⁷, однако коллеги ученого, и прежде всего соратники по проекту «Русская наука», хорошо знали эту работу.

Первое организационное заседание подкомиссии по изданию сборника «Русская наука» состоялось вечером в субботу 25 февраля 1917 г. в Малом конференц-зале Академии наук⁸. В списке, составленном А.С. Лаппо-Данилевским, среди сорока лиц, которым рассылалось приглашение принять участие в этом заседании, был и Н.О. Лосский⁹.

27 мая 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский выступил на заседании Общего собрания Российской Академии наук с докладом об итогах первого заседания подкомиссии и представил примерный план всего издания. План сборника был напечатан в июне 1917 г. и 9 августа разослан участникам проекта. Сборник должен

⁶ См.: Басаргина Е.Ю. «Русский сезон» в Кембридже в 1916 году // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 54–63 [9].

⁷ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Развитие науки и учености в России // Архив истории науки и техники / публ., коммент. С.С. Илизарова и М.М. Клавдиевой. М.: Янус-К, 2015. Вып. V(XIV). С. 5–62 [10].

⁸ См. об этом: Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы. С. 34.

⁹ Там же. С. 160.

был состоять из общего предисловия и 3 отделов: первый отдел посвящен наукам богословским и философским, второй – физико-математическим, третий – гуманитарным. В третьем отделе под № 22 обозначен очерк «Психология» – автор профессор Н.О. Лосский¹⁰. Тираж издания планировался в количестве 2200 экземпляров, причем половина на русском языке и половина на французском.

Согласно плану, объем каждого отдельного очерка должен был составлять от 1 до 2 авторских листа и сопровождаться систематически-хронологическим списком важнейших трудов в данной области. Забегая, несколько вперед, отметим, что из всех ожидаемых очерков в редакцию сборника в конечном счете поступили только 22.

В 1918 г., несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, работа над сборником «Русская наука» шла полным ходом: в редакцию регулярно поступали подготовленные тексты. Председатель подкомиссии А.С. Лаппо-Данилевский докладывал о поступивших очерках на заседании Общего собрания Академии 16 марта, 20 апреля, 18 мая, 18 июня, и, наконец, 5 октября он сообщил о получении от профессора Л.С. Берга текста по географии и от профессора Н.О. Лосского – по психологии¹¹.

7 февраля 1919 г. академик А.С. Лаппо-Данилевский – инициатор и руководитель подкомиссии – скоропостижно скончался. Его обязанности по редактированию сборника «Русская наука» с марта 1919 г. были переданы Общим собранием академику С.Ф. Ольденбургу.

Из документов известно, что Н.О. Лосский 6 сентября 1919 г. получил гонорар за свою работу в размере 1000 рублей, из расчета 500 рублей за печатный лист¹².

Ко времени прекращения существования подкомиссии «Русская наука» и началу деятельности КИЗ, т.е. к 1921 г., из готовых 22 очерков только «Математика» А.В. Васильева была напечатана и вышла в свет, «Богословие» Н.Н. Глубоковского – отпечатано, но не сброшюровано, «Философия» Э.Л. Радлова – подписана к печати, «Морфологическая зоология, анатомия человека и гистология» Н.А. Холодковского при участии В.Н. Тонкова и А.А. Максимова – набраны, но не сверстаны. Остальные очерки, в том числе Н.О. Лосского, также в набор еще не сдавались¹³. Однако работа над текстом Лосского продолжалась, о чем свидетельствуют рукописные вставки – ссылки на литературу (одиннадцать раз на опубликованную в 1921 году и восемь раз – на издания 1922 г.). Это

¹⁰ Там же. С. 37 (текст документа опубликован на с. 170).

¹¹ См.: Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы. С. 44. О поступлении очерка Лосского упоминалось также в Отчете Комиссии по изданию сборника «Русская наука» за 1918 г., опубликованном в Отчете о деятельности РАН за 1918 год (см.: Отчет о деятельности Российской академии наук за 1918 год. Пг.: Тип. РАН, 1919. С. 317–318).

¹² См.: Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы. С. 200–201.

¹³ Там же. С. 208.

означает, что, скорее всего, существовала чистовая рукопись его произведения, судьба которой остается пока неизвестной.

Собственно представленными данными исчерпывается информация об участии Н.О. Лосского в работе подкомиссии «Русская наука». Однако остается несколько вопросов, на которые получить достоверно точные ответы практически невозможно из-за отсутствия источников. Первый среди них – почему рукопись Н.О. Лосского оказалась у Э.Л. Радлова? Можно предположить, что Радлов получил ее непосредственно от автора. Они были не только знакомы, но их объединяли интересы в области философии и психологии. Кроме участия в общем проекте «Русская наука» в начале 1920 г., они редактировали журнал «Мысль», недолго издававшийся Петербургским философским обществом. Позднее в своих мемуарах Лосский вспоминал, как успели напечатать три номера; четвертый номер был уже набран, но не появился на свет. Есть вероятность, что Радлов как товарищ председателя КИЗ, в которой первое время продолжались работы по проекту «Русская наука», мог взять рукопись там. Кстати, Лосский числился среди членов КИЗ, но, судя по всему, какого-либо участия в ее деятельности не принимал, поскольку вскоре он был репрессирован.

Н.О. Лосский оказался в числе первых ученых и философов, намеченных в 1922 г. к незаконной депортации за пределы РСФСР. 18 августа 1922 г. он был арестован, допрошен и постановлением ПГО ГПУ оставлен под стражей по обвинению в антисоветской и контрреволюционной деятельности. Только 23 октября Лосский расписался в получении в ПГО ГПУ документов на выезд из России вместе с женой и двумя сыновьями¹⁴. Вечером 15 ноября семья Лосских села на германский пароход «Пруссия», стоявший на пристани за Николаевским мостом, который должен был на следующее утро в 7 часов отплыть в Штетин. Из-за поспешности отъезда и ограничения по весу багажа вынужденные эмигранты брали прежде всего личные документы, фотографии и т.п.; творческие рукописи, в том числе очерк «Психология в России», оставались в России¹⁵. Судя по всему, этой своей работе Лосский не придавал особого значения, как, впрочем, и всему эпизоду своей жизни, связанному с участием в работе подкомиссии «Русская наука», свидетельством чего является то, что в своих воспоминаниях он хранит об этом полное молчание.

Таким образом, труд Лосского – обзор развития психологии в России – не оказал какого-либо воздействия на развитие историко-психологической мысли.

¹⁴ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. С. 273 [12]. Тот же комплекс документов, связанных с арестом и депортацией Н.О. Лосского с семьей, представлен в издании: Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / сост., предисл. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2010. 600 с. [13].

¹⁵ См. электронную опись архива Н.О. Лосского, переданного его сыном Андреем Лосским в 1976 г. <https://numerislab.huma-num.fr/fonds-documentaires/fonds-nikolaj-losskij/?lang=ru>

Следов знакомства именно с этой его работой нет в творчестве, например, такого выдающегося историка психологии, как М.Г. Ярошевский. В его трудах советского периода по истории психологии Н.О. Лосский, вкупе с философами-психологами А.И. Введенским и Л.М. Лопатиным, лишь упомянут как представитель крайне правой группировки, как проводник проблем умозрительной психологии, проповедовавший идеализм, в его интерпретации психология – «спиритуалистическая, интроспективная наука»¹⁶. В позднесоветских и тем более в постсоветских книгах М.Г. Ярошевского мир русской философии стал наполняться сначала именами Г.И. Челпанова, Г.Г. Шпета и др.¹⁷, а в позднейших работах – развернута широкая картина развития психологии в России. Так, в фундаментальном труде «История психологии от античности до середины XX века» завершающая восьмая глава, посвященная развитию психологии в России, охватывала практически все школы и направления, и Н.О. Лосскому отводился специальный раздел. Ярошевским была проанализирована работа Лосского «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма» (1903 г.) и отмечена книга «Характер русского народа» (1957 г.)¹⁸. Задача сравнения здесь не ставится, но похоже, что по детализации историографические очерки Ярошевского и Лосского весьма близки.

Также нет никаких следов знакомства с «Психологией в России» Лосского и в многочисленных новейших работах, посвященных его философскому и психологическому наследию¹⁹.

«Психология в России» Н.О. Лосского в контексте психологической и философской мысли конца XIX – начала XX вв.

Выбор Н.О. Лосского для главы, посвященной истории психологии, можно считать неслучайным. К 1917 г. он был автором известных и, что немаловажно, международно-признанных трудов в области теоретической философии²⁰, которые были написаны с опорой на достижения современной на тот период психологии, блестяще Лосским освоенной. В доэмигрантский период им были опубликованы критические работы, посвященные влиятельным психологическим учениям того времени, а также труды, в которых он изложил свою собственную эпистемологическую теорию, так и или иначе затрагивавшую фундаментальные проблемы общей

¹⁶ См.: Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976. С. 411 [14].

¹⁷ Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с. [15].

¹⁸ Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Изд. центр «Академия», 1997. С. 333–334 [16].

¹⁹ См., например: Тараканова Л.И. Вклад Н.О. Лосского в развитие религиозно-философского направления психологии начала XX века: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 17 с. [17].

²⁰ Некоторые его работы были к тому времени переведены на иностранные языки. См., например: Losskij N. Die Grundlehre der Psychologie vom Standpunkte des Voluntarismus. Leipzig: Kessinger, 1904. 236 s. [18].

психологии²¹. Среди таковых работ можно упомянуть известные книги Лосского «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма»²² (магистерская диссертация, работа, наиболее близкая по содержанию к психологии, написанная в период его наибольшего интереса к этой науке) и «Обоснование интуитивизма»²³, посвященные гносеологии, а также примыкающую к ним фундаментальную работу «Мир как органическое целое»²⁴, излагающую основы его онтологического учения. Кроме этих монографий, обращает на себя внимание и наличие большого количества статей в известных научных журналах начала XX в., прежде всего в ведущем российском философском и психологическом журнале того времени «Вопросы философии и психологии», в которых Лосским критически рассматриваются психологические учения того времени и излагаются его собственные воззрения, которые он противопоставлял узкому гносеологизму в теории познания. Следует упомянуть его статьи о У. Джеймсе²⁵, А.А. Козлове²⁶, В. Шуппе²⁷, А. Бергсоне²⁸, а также публикации по различным частным вопросам логики и гносеологии. В указанных статьях Лосский, анализируя учения отдельных наиболее влиятельных ученых и философов, очерчивает и свою собственную философскую позицию, которая в тот же период была отражена, главным образом, в его книге «Обоснование интуитивизма», ставшей одной из лучших книг в отечественной досоветской философской литературе. Конечно, нельзя не отметить в данном контексте и профессиональную связь Лосского с психологией. На кафедре философии Санкт-Петербургского университета, где в течение всего периода до своей эмиграции работал Лосский, осуществлялось преподавание психологии, а сам он вел практические упражнения по психологии [28, с. 2]. Его коллегами по кафедре, которые также внесли вклад в логику, эпистемологию и в психологические исследования в России, были А.И. Введенский, И.И. Лапшин, А.А. Крогиус и С.И. Поварнин, с которыми он состоял в полемике. Так что и в институциональном смысле психологию нужно отнести к сфере

²¹ О Лосском как психологе см.: Тихонова Э.В. Н.О. Лосский как философ и психолог // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 43–68 [19]. Статья содержит множество фактов биографического характера, показывающих связь Лосского с психологическими исследованиями.

²² См.: Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903. 300 с. [20].

²³ См.: Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. Пропедевтическая теория знания. СПб., 1906. 368 с. [21].

²⁴ См.: Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М., 1917. 170 с. [22].

²⁵ См.: Лосский Н.О. Недомолвки в теории эмоций Джемса // Вопросы философии и психологии. 1901. № 57. С. 98–134 [23].

²⁶ См.: Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. № 58. С. 183–206 [24].

²⁷ См.: Лосский Н.О. Имманентная философия В. Шуппе // Новые идеи в философии. 1912. № 3. С. 1–39 [25].

²⁸ См.: Лосский Н.О. Недостатки гносеологии Бергсона и влияние их на его метафизику // Вопросы философии и психологии. 1913. № 3(118). С. 224–235 [26]; Лосский Н.О. Интуитивная философия Бергсона. М., 1914. 116 с. [27].

непосредственной деятельности Лосского. Об интересе Лосского в ранние годы его жизни свидетельствуют и его собственные признания, сделанные в «Воспоминаниях». Во время командировки в Германии в период подготовки диссертации по психологии Лосский имел возможность посетить с научными целями лабораторию известного психолога-экспериментатора Г.Э. Мюллера. А свое отношение к психологии в тот период он сформулировал так: «Когда мы вернулись в Петербург, факультет постановил организовать психологический кабинет. Заведование им принадлежало проф. Введенскому, а мне было поручено быть помощником его. Однако в это время, когда я закончил работу над книгою по психологии, в центре моего внимания стояла теория знания и логика. Психологию как специальною наукою, я интересовался все менее и менее. Вскоре после того, как я начал принимать участие в организации кабинета, я сделал крупную ошибку, ясно показавшую мне, как мало я был приспособлен вести дело, требующее многих технических знаний и, главное, интереса к приобретению их. Нуждаясь в электрическом двигателе для приборов по экспериментальной психологии, я купил мотор. Оказалось, что он приводит в движение постоянным током, между тем как в здании университета ток был, конечно, переменный. Эта ошибка моя так возмутила и огорчила меня, что я отказался от должности заведующего кабинетом, несмотря на все убеждения проф. Введенского и членов факультета сохранить за собою это место [29, с. 116–117].

Кроме теоретических работ по вопросам психологии и гносеологии, Лосский много в доэмигрантские годы занимался публицистикой, посвящая краткие заметки и статьи общественно-политической тематике. Так, он обращается к обсуждению университетского вопроса, ставя его в связь с общей политической философией²⁹, а также обсуждает актуальные политические проблемы. Тем не менее основное направление его научно-философских размышлений в этот период – гносеология и онтология. При этом историческая проблематика (история философии и история науки) практически не присутствует в его философском наследии, т.е. собственно вопросам истории отечественной философии и науки Лосский практически не уделяет внимания. Так, в его творчестве этого периода можно найти лишь работу о Достоевском³⁰, а также опубликованную в 1918 г. небольшую статью об истории психологии в России³¹, в которой частично отражен материал, вошедший в текст, подготовленный для сборника «Русская наука». Только после вынужденной эмиграции он начинает активно заниматься историей русской философии и культуры, написав по этой теме фундаментальные труды, оказавшие заметное влияние на современную историографию отечественной философии (в частности, свою известную «Историю русской философии»). Также уже после эмиграции Лосский развивает на базе теории познания и систему религиозной философии.

²⁹ См.: Лосский Н.О. Освобождение науки от опеки государства // Полярная звезда. 1906. № 6. С. 408–412 [30].

³⁰ См.: Лосский Н.О. О природе сатанинской. (По Достоевскому) // Ф.М. Достоевский. 1922. № 1. С. 65–92 [31].

³¹ См.: Лосский Н.О. Психология в России // Вестник культуры и политики. 1918. № 4. С. 23–27 [32].

Теории познания (гносеологии) Лосский уделал особое внимание и посвящал ей свои основные работы, будучи при этом *убежденным противником и критиком психологизма* – учения о редукции познания к психологическим и физиологическим процессам. Вслед за Кантом он наделял эту философскую дисциплину статусом пропедевтики – к систематической философии. Так, в «Обосновании интуитивизма» в контексте обсуждения философии Шеллинга Лосский писал: «Шеллинг мало интересуется процессами знания, поскольку они совершаются в индивидуальном человеческом я. Его гносеология есть гносеология самого Абсолютного. Поэтому она, если встать на точку зрения человеческой индивидуальности, есть не столько гносеология, сколько онтология. Мы не отрицаем необходимости такой науки, но полагаем, что в основе всех философских дисциплин должна лежать гносеология, задающаяся более скромными задачами, именно исследующая процессы человеческого знания и потому почти не предрешающая вопросов онтологии. В этом смысле по сравнению с онтологическою гносеологиєю Шеллинга наша теория знания может быть названа пропедевтической» [21, с. 163]. В этом отношении не вызывает удивления, что чисто историческая тематика в доэмигрантском творчестве Лосского практически не представлена. Центр его интересов в тот период находился в области гносеологии, для которой смежной дисциплиной была тогда именно психология, что и обуславливало необходимость ориентироваться в ее достижениях.

Период же второй половины XIX – начала XX в. можно обозначить в качестве важнейшего в истории психологии как науки. Именно к этому времени психология, получив мощный импульс от других наук, прежде всего от физиологии и эволюционной биологии, сформировалась как современная научная дисциплина: при наличии некоторой вариативности оформились ее предмет, круг методов и основной понятийный аппарат, был также существенно развит ее философский фундамент. Помимо этого, в психологии к началу XX в. на стыке с философией зародились совершенно новые, неклассические направления и подходы, определившие облик этой науки вплоть до сего дня.

Говоря о формировании научной психологии, в отличие от более раннего периода, когда исследования в данной области заключались, например, в доказательстве бессмертия души, нельзя не упомянуть роль *экспериментальной психологии*, которая впервые показала, что психология может быть основана на прочном научном фундаменте. Этому направлению в психологии, которое развивалось преимущественно в германоязычном научном пространстве и в котором в начале XX в. произошли важные открытия (например, был сформулирован закон Вебера-Фехнера), Лосский также не был чужд и в профессиональном отношении: на кафедре философии Петербургского университета ему приходилось читать специальный курс по этой дисциплине, что предполагало глубокое знакомство с ней³².

³² См.: Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1903 года и весеннем полугодии 1904 года. СПб., 1903. С. 3 [33].

Во второй половине XIX – начале XX в. в области экспериментальной психологии произошли серьезные научные открытия и достижения, связанные с именами ведущих естествоиспытателей того времени, чья деятельность была хорошо известна в России: Э.Г. Вебер (1795–1878), Г.Т. Фехнер (1801–1887), Г. Гельмгольц (1821–1894), Г. Эббингауз (1850–1909), Р.Х. Лотце (1817–1881), Э. Дюбуа-Реймон (1818–1906), В. Вундт (1832–1920). Все упомянутые ученые занимались развитием психологии как экспериментальной науки и существенно преобразовали знания в области наиболее фундаментальной части этой науки – общей психологии (их работы касались, в частности, проблем психологии ощущений, психологии восприятия и теории памяти). Вебер, Фехнер, а затем Вундт внесли особый вклад в становление экспериментального метода в психологии, причем заслуги Вундта в данной области касались и институционализации экспериментальной психологии. Как известно, Вундтом в 1879 г. в Лейпциге была создана первая в мире экспериментальная психологическая лаборатория, преобразованная затем в психологический институт, ставший, как принято считать, прообразом всех подобных организаций, а сама дата основания лаборатории Вундта принята в качестве условной даты зарождения психологии как науки³³. Помимо собственно экспериментальной психологии, в этот же период начинают активно развиваться эволюционная психология (Г. Спенсер), зоопсихология (Г. Дженнингс, К. Ллойд-Морган, Э. Л. Торндайк и др.) и психология раннего развития (Ч. Дарвин, И. Тэн и др.), которые не могли бы состояться без достижений других естественных наук. Вероятно, главной особенностью работ психофизиологов и психологов, развивавших экспериментальную психологию, достигшую периода зрелости к началу XX в., следует признать применение количественных методов исследования и, как следствие, редуцирование психических процессов, включая процессы высшей нервной деятельности, к количественным отношениям, по аналогии с тем, как это делается в других естественных науках, занимающихся неживой природой. Психологи-экспериментаторы рассматривали сознание и психику как физический объект, подлежащий исследованию методами, которые применяются в любых экспериментальных науках. В качестве яркой иллюстрации методологических представлений психологов этого направления можно привести высказывание из работы Эббингауза «О памяти. Исследование по физиологической психологии»³⁴. Данная работа, опубликованная в 1885 г. и ставшая серьезным вкладом в физиологию и психологию, начинается с констатации факта, что к памяти – очевидно более сложному психическому процессу – должны применяться те же методы поиска точных законов, какие ранее применялись психофизиологами и психологами к исследованию восприятия. Эббингауз сразу начинает свою работу следующим указанием: «Попытки найти подходящие точки приложения мощных рычагов точного естествознания, эксперимента и счёта, в том числе и в

³³ См. об этом: Тихонова Э.В. Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 3(19). С. 250–268 [34].

³⁴ См.: Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis. Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Verlag von Bunker und Humblot, 1885. 68 s. [35].

мире психических процессов, до сих пор ограничивались, по сути, обширной областью чувственного восприятия и психологического измерения времени. В исследованиях, методы и предварительные результаты которых изложены ниже, попытаемся сделать шаг вперед, во внутренние механизмы психических процессов, и подвергнуть феномен памяти в самом широком смысле ... экспериментальному и измерительному исследованию» [35, с. V]. Приведенное высказывание со всей отчетливостью показывает, что область психического рассматривалась психологами-экспериментаторами и психофизиологами в качестве такой же области природы, какую изучали и другие естественные науки.

Развитие экспериментальной психологии, основанной на представлении о законосообразности и, следовательно, исчислимости и измеримости психики, имело влияние и в области теории познания – основной сферы интересов Лосского. Неотъемлемым спутником экспериментальной психологии была теория познания, основывающаяся на различных формах эмпиризма. В области гносеологии это направление выражалось в психологизме, распространившемся в последней четверти XIX в. Психологизм в теории познания и логике объяснял познавательные процессы и функции через их редукцию к психофизиологии, что предполагало сугубо материалистическую трактовку самого феномена сознания. Лосский, как и большинство российских профессиональных философов его времени, был, вновь подчеркнем, убежденным противником психологизма.

На этом фоне в конце XIX–начале XX в. развиваются направления, опровергающие философско-методологические подходы, лежащие в основе экспериментальной психологии. В области философских исследований сознания особую остроту приобрела проблема памяти. Исследования памяти, достигнув во Франции в работах Т. Рибо серьезного прогресса, привлекли внимание А. Бергсона, который в своей книге «Материя и память» (1896 г.), отталкиваясь от критики физиологической психологии, выдвинул альтернативное понимание психики и сознания, построенное на их спиритуалистической трактовке. Полемика вокруг физиологической экспериментальной психологии и, прежде всего, философия Бергсона имели огромное значение для формирования как философского, так и общенаучного мировоззрения Лосского, а также многих русских религиозных философов. Бергсон был одним из самых влиятельных философов в континентальной традиции философствования XX в. и одним из самых популярных философов в России в дореволюционный период³⁵. Историкам философии хорошо известно о его влиянии на формирование взглядов Лосского и многих других религиозных философов³⁶. Бергсону принадлежат две важнейшие философские работы, в которых он напрямую рассматривает проблемы современной ему

³⁵ См.: Нэттеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2008. 431 с. [36].

³⁶ См.: Гайденоко П.П. Иерархический персонализм Н.О. Лосского // Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С. 349–370 [37]; Глазкрицкая С.С. Интуитивизм в западноевропейской и русской традициях. А. Бергсон и Н.О. Лосский: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2002. 21 с. [38].

психологии, в особенности – экспериментальной школы. В работе «Опыт о непосредственных данных сознания» (1888 г.) он критикует господствовавшую в экспериментальной психологии методологию. Философ концентрируется на анализе интенсивности состояний сознания, подвергая сомнению одно из главных достижений научной психологии того времени – закон Вебера–Фехнера. Суть выводов, к которым приходит автор «Опыта», заключается в идее о качественном характере психических процессов (чувств и ощущений). Психофизиология осуществляет «спациализацию» сознания (от латинского слова *spatio* – пространство), т.е. рассматривает его как пространственный объект, что требует разложения сложных духовных феноменов на однородные части, которые подлежат исследованию количественными методами. В то время как, по мнению Бергсона, каждый элемент сознания представляет собой уникальную качественную целостность, для понимания которой невозможно применять методы математического естествознания. Отталкиваясь от этого вывода, Бергсон развивает свою концепцию времени и вводит впервые самое главное понятие своей философской концепции – длительность. Этот подход позволяет ему по-новому рассматривать и проблему свободы воли. Затем в работе «Материя и память» Бергсон, также критически отталкиваясь от выводов психофизиологии, берется за анализ и других фундаментальных философских проблем, в частности проблемы соотношения сознания (духа) и тела (материи). Выводы, к которым он пришел в этой области, оказались чрезвычайно значимыми для русской религиозной философии начала XX в., в особенности для теории познания и онтологии Лосского. Во многом Лосский в своей теории познания отталкивался от общей для всей континентальной философии начала XX в. необходимости преодоления крайностей материализма и идеализма, эмпиризма и рационализма. Для иллюстрации степени актуальности философии Бергсона для мировоззрения Лосского достаточно упомянуть, что известный румынский философ и математик М. Соловин в своей рецензии на немецкое издание «Обоснования интуитивизма» даже упрекал Лосского в излишней близости к Бергсону³⁷, что, впрочем, сам Лосский справедливо отвергал, так как полагал, что, в отличие от Бергсона, ему удалось сохранить представление о рациональности внешнего мира и соединить вулонтаризм с интеллектуалистической трактовкой сознания.

Кроме учения Бергсона, стремившегося, скорее, указать на методологическую ограниченность научной психологии, во времена Лосского расцвели течения внутри самой психологии, стремившиеся к пересмотру ее философских оснований. В отечественной историко-психологической литературе представляется убедительной характеристика этих многообразных течений и направлений психологии как периода кризиса³⁸. К числу течений в психологии,

³⁷ См.: Solovine M. Die Grundlegung des Intuitivismus by Nicolaj Losskij // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1910. Т. 69. Р. 413–416 [39].

³⁸ См. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.; М.; Минск: Питер, 2024. С. 63–76 [40]; Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. С. 191–193. Об историографии психологии в России см.: Богданчиков С.А. Проблемы истории и историографии советской психологии.

стремившихся в первой четверти XX в. радикально обновить ее методологический аппарат, при этом не покидая, конечно, области самой психологии, относятся гештальтпсихология, психоанализ, социальная психология (Г. Лебон, Г. Тард, Э. Дюркгейм и др.), вюрцбургская школа психологии (учение О. Кюльпе и его последователей), бихевиоризм, структурализм (Ф. Brentano, К. Штумпф) и др. В 1920-е гг. в трудах начинают закладываться основы марксистского понимания сознания (работы К.Н. Корнилова и др.), которое, однако, приобрело влияние уже несколько позже. Кроме этого, заметное влияние приобрели и психологические учения отдельных ученых того времени, в частности У. Джеймса, Дж. Дьюи и др. Таким образом, интеллектуальный ландшафт психологии в период написания Лосским публикуемого ниже очерка был весьма многообразным и сложным, а сама психология проходила через непростой период трансформации. Русская научная культура впитала в себя все достижения психологии и теоретической философии того времени, вызывая к жизни оригинальные и сильные в интеллектуальном отношении концепции. Об этом Лосский недвусмысленно пишет в небольшой статье «Психология в России», опубликованной в журнале «Вестник культуры и политики» в 1918 г.: «Между прочим, мы до сих пор еще не научились ценить свою научную и философскую литературу. Нам кажется, будто всякое философское направление появляется в России под влиянием запада, и для изучения его в его оригинальной форме нужно обращаться к иностранной литературе. Между тем, в действительности, зачастую основные идеи того же направления зарождались более или менее одновременно и в нашей литературе, воплощались в яркой и своеобразной форме и, если бы мы не оставляли такие произведения русских писателей в тени, отдавая предпочтение “знатым иностранцам”, они служили бы ядром для дальнейшего развития мысли, были бы использованы так полно, как это бывает в органически развивающейся литературе запада и приобретали бы влияние также и за пределами России. Это замечание имеет значение даже для такой сравнительно специальной области, как, напр., научная литература по психологии» [43, с. 23].

Особенно впечатляющими можно признать результаты отечественной науки в области психофизиологии, в полемике с которой возникли учения таких крупных философов, как Л.М. Лопатин, С.Л. Франк, А.И. Введенский и, конечно, сам Лосский. В этом отношении можно упомянуть рефлексологию Бехтерева, близкую по своим установкам бихевиоризму, а также работы И.М. Сеченова, И.П. Павлова и их учеников, которые развивали исключительно материалистический подход к психологии. В полемике, в том числе и против этого направления, формулировались учения вышеназванных философов.

М.: АСОУ, 2018. 344 с. [41]. Об особенностях советской историографии, особенно периода начала XX в. см.: Богданчиков С.А. Советская психология 1920–1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 88–99 [42].

Хотя Лосский психологом все же не был и психологические исследования служили для него скорее общим фоном и отправной точкой для развития философской теории, он нашел возможность в данном очерке в очередной раз изложить и свои теоретико-эпистемологические взгляды, показав вместе с этим и специфику своего учения на общем фоне философии и науки того времени. Как можно охарактеризовать взгляды Лосского на фоне философии и психологии его времени? В этом контексте нужно, конечно, обратить внимание, что Лосский не был ни в коей мере лишь последователем Бергсона или какого-то другого выдающегося философа, или психолога того времени. Он был самостоятельным и оригинальным ученым, развивавшим свою философию в критическом диалоге со всеми теоретико-эпистемологическими позициями, преобладавшими в начале XX в. Так, Лосский стремился отграничить себя и от бергсонизма, и от феноменологии, и от неокантианства, и от волюнтаризма В. Вундта, и, разумеется, от различных направлений позитивизма и материалистической философии, распространенных среди естествоиспытателей и психологов экспериментальной школы. В книге «Обоснование интуитивизма» Лосский подвергает критике все гносеологические теории, сформировавшиеся в философии с начала XVII в., – докантовский рационализм и эмпиризм, кантовскую теорию познания, а также учения послекантовской философии. Основным упрек, высказанный им в адрес сложившихся гносеологических теорий, заключается в признании всеми этими теориями неверной предпосылки, на основе которой они пытаются решить основной вопрос гносеологии – проблему отношений познания и реальности (внешнего мира). Основные гносеологические направления (эмпиризм, рационализм, философия Канта, позитивизм и пр.) исходят, как считал Лосский, из разделения познающего субъекта и познаваемой реальности, в результате чего возникает противопоставление познающего субъекта и внешнего мира, что для философии создает в итоге непреодолимые трудности. Лосский же полагал, что в своей теории познания он преодолевает это разделение и решает тем самым вопрос об отношении реальности и мыслящего субъекта. Сводя все характеристики реальности (внешнего мира) к различию «данного мне» и «принадлежащего мне», он развил учение, суть которого заключается в том, что бытие (внешний мир) не существует вне познания (сознания). Иными словами, бытие имманентно мысли и является его характеристикой; но при этом познание направлено на установление фактически присущих вещам отношений. Как сам Лосский писал в своей «Истории русской философии», «познанный объект, даже если он составляет часть внешнего мира, включается непосредственно сознанием познающего субъекта, так сказать, в личность и поэтому понимается как существующий независимо от акта познания. Подобного рода созерцание других сущностей такими, какими они являются сами по себе, возможно потому, что мир есть некое органическое целое, а познающий субъект, индивидуальное человеческое я – некое сверхвременное и сверхпространственное бытие, тесно связанное с миром» [44, с. 290].

В противовес как рационализму, так и эмпиризму, критически учитывая философские течения своего времени, прежде всего кантовский критицизм, представленный в России ближайшим коллегой Лосского – профессором А.И. Введенским³⁹, он развивает свою собственную теорию восприятия и затем общую теорию познания, которую он считал продолжением и преодолением кантианства, устраняющим при этом его недостатки, обусловленные влиянием на Канта устаревших гносеологических теорий⁴⁰. Свою гносеологическую теорию Лосский отличает, прежде всего, от философии Бергсона (от концепции, изложенной работе «Материя и память»), подчеркивая *рациональный* характер реального бытия, а также от неокантианства и феноменологии. А благодаря критическому рассмотрению гносеологических теорий Гуссерля и Риккерта Лосский дополнил свое философское учение понятием субстанциального деятеля; субстанциальный деятель – понятие философии Лосского, которым он стремится онтологизировать свою теорию познания, так как в данном случае предполагается, что это не только познающий субъект, но и творец всего реального бытия. «Человеческое я – это деятель, производящий не только психические, но и материальные процессы», – пишет Лосский [44, с. 293]. Тем самым философ ограничивал себя от гносеологизированных философских учений, популярных в начале XX в., – неокантианства и феноменологии (если у Лосского признается существование субстанциальных деятелей как *творцов бытия*, то феноменология Гуссерля сводилась в конце концов к аналитике трансцендентального субъекта, а в неокантианстве утверждалось наличие только лишь гносеологического Я). Таким образом, Лосский создавал в начале прошлого века свое философское учение в диалоге и в полемике с наиболее распространенными направлениями философии того времени – позитивизмом, бергсонизмом, феноменологией и неокантианством, а фоном и важнейшим контекстом были для него достижения психологии того времени, которая также занималась анализом проблем познания и оказывала на философию серьезное влияние.

³⁹ Современные исследования о А.И. Введенском см.: Салморбекова Р.Б. Психологические взгляды А.И. Введенского на веру в Бога [Электронный ресурс] // Философский полилог. 2025. № 2. С. 53–60. Режим доступа: <https://doi.org/10.31119/phlog.2025.2.258> [45]; Прись И.Е. О логицизме А.И. Введенского [Электронный ресурс] // Философский полилог. 2024. № 1–2. С. 19–42. Режим доступа: <https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.217> [46]. А.И. Введенский также внес существенный вклад в теорию познания и в психологию, хотя его взгляды существенно отличались от подходов Лосского. Главным психологическим трудом Введенского была книга «Психология без всякой метафизики», изданная до революции дважды (в 1914 и 1915 гг.), а главной гносеологической работой – книга «Логика как часть теории познания», выдержавшая также до революции по меньшей мере два издания (1909 и 1917 гг.). Очевидно, что философские и научные интересы Лосского и Введенского – коллег по кафедре философии Санкт-Петербургского университета – во многом совпадали. О психологическом наследии Введенского см.: Тихонова Э.В. Психологическое наследие А.И. Введенского. Арзамас: ГОУВПО «Арзамас. гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара», 2004. 138 с. [47].

⁴⁰ См. доклад Лосского на заседании Санкт-Петербургского философского общества 20 января 1904 г.: Отчет о заседании Санкт-Петербургского философского общества // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Год I. Вып. 4. С. 264–267 [48].

Публикуемый очерк, посвященный истории психологии в России, полностью концентрируется на периоде конца XIX – начала XX в., когда психология претерпевает значительную трансформацию, тесно переплетаясь с философией, вынуждала ее учитывать свои разработки. Лосский не обращается к рассмотрению донаучной психологии (до второй половины XIX в., т.е. до возникновения экспериментальной психологии и психофизики) и создает целую картину психологических учений своего времени, которые он сам не мог не учитывать в собственной философской работе. Наиболее ранними авторами, творчество которых затронуто в очерке, являются И.М. Сеченов, М.М. Троицкий, М.И. Владиславлев и Н.Я. Грот, анализ работ которых (работы И.М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (1863 г.), М.М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (1867 г.) и Н.Я. Грота «Психология чувствования в ее главных основах» (1879–1880 гг.)) представлен в данном очерке. А самыми поздними авторами, упоминаемыми в тексте, являются К.Н. Корнилов, В.М. Бехтерев, С.В. Кравков, Г.И. Россолимо и В.В. Савич. Таким образом, период рассмотрения истории отечественной психологии, представленный Лосским, охватывает временной отрезок от 1860-х до начала 1920-х годов. В публикуемом труде можно найти обзор психологических, физиологических и философских концепций И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, В.А. Вагнера, Н.Н. Ланге, А.И. Введенского, К.Д. Ушинского, Н.Н. Страхова, В.В. Зеньковского, С.Л. Франка, Л.М. Лопатина, С.А. Алексеева, Л.И. Петражицкого, Г.И. Челпанова, А.П. Нечаева, С.И. Поварнина, С.Н. Трубецкого, П.О. Эфрусси, К.Н. Корнилова и других менее известных сегодня философов и ученых, которые либо занимались непосредственно психологическими исследованиями, либо же их работы так или иначе содержали обсуждение психологической проблематики. По очерку Лосского можно составить представление о дискуссиях, направлениях и школах отечественной психологической мысли, об основной проблематике психологических исследований в России, а также о наиболее значимых публикациях в данной области. Так, Лосский касается дискуссии относительно учения Сеченова, излагает в общих чертах полемику 1900-х гг. по вопросу о «чужой одушевленности», в которую он сам был вовлечен, дает обзор результатов экспериментальной психологии, зоопсихологии, обстоятельно описывает научные результаты школ Бехтерева и Павлова, показывает различие объективного и субъективного направлений в психологии, излагает основные идеи философской психологии своего времени, которая, конечно, в его изложении занимает заметное место и представлена обзором психологических трудов непосредственных коллег-философов Лосского – А.И. Введенского, С.Л. Франка, Л.М. Лопатина и др. В публикуемом очерке истории психологии можно найти подробное и точное изложение всего многообразия точек зрения и подходов, появившихся в отечественной психологии ко времени его написания. Причем интересно, что даже марксистское понимание психологии, лишь зарождавшееся в 1920-е гг. (в очерке представлен анализ реактологии К.Н. Корнилова), попало в поле зрения Лосского, получив от него вполне положительный отзыв! Заслуживает внимания в целом то, что

Лосский касается ранних трудов ученых, ставших крупными фигурами уже в советские годы: ранние труды С.В. Кравкова, П.О. Эфрусси, К.Н. Корнилова и Т.И. Райнова получают при этом весьма непредвзятую оценку. Соответственно, можно смело утверждать, что данный очерк посвящен в основном изложению взглядов непосредственных коллег, а также младших и старших современников его автора. Тем не менее исследование выполнено с беспристрастностью, присущей лишь подлинному историку. Рассматриваемый труд по истории отечественной психологии, удачно дополняющий «Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова, опубликованный тоже в связи со сборником «Русская наука», а также «Судьбы философии в России» А.И. Введенского, стал самой крупной историко-научной работой Лосского, а также его первым серьезным опытом в сфере истории русской философии, к которой он в большей степени обратился уже в эмигрантские годы. Знакомство с ним представляет интерес с точки зрения понимания интеллектуального развития самого Лосского, позволяет обозреть общий фон психологической мысли его времени, которую он как философ-эпистемолог не мог не учитывать, а также дает возможность обогатить современную историографию психологии в России новым взглядом на важнейший период истории российской психологии, оставленным одним из виднейших ее представителей.

Список литературы

1. Илизаров С.С. Райнов Тимофей Иванович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К, 2017. 190 с.
2. Райнов Т.И. Психология творчества Д.Н. Овсянко-Куликовского // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. VIII–XVI.
3. Райнов Т.И. Введение в феноменологию творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1914. Т. V. С. 1–103.
4. Судьба проекта «Русская наука» 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.; М.: Перо, 2016. 848 с.
5. Илизаров С.С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука, 1993. 189 с.
6. Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. № 12. С. 1129–1139.
7. Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сборник документов / сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. С. 637–659.
8. Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282.
9. Басаргина Е.Ю. «Русский сезон» в Кембридже в 1916 году // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2. С. 54–63.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Развитие науки и учености в России // Архив истории науки и техники / публ., коммент. С.С. Илизарова и М.М. Клавдиевой. М.: Янус-К, 2015. Вып. V(XIV). С. 5–62.
11. Отчет о деятельности Российской академии наук за 1918 год. Пг.: Тип. РАН, 1919. 400 с.
12. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ.

1921–1923 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2005. 544 с.

13. Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / сост., предисл. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров; коммент. В.Г. Макарова. М.: Русский путь, 2010. 600 с.

14. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1976. 411 с.

15. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с.

16. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. М.: Academia, 1997. 410 с.

17. Тараканова Л.И. Вклад Н.О. Лосского в развитие религиозно-философского направления психологии начала XX века: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 17 с.

18. Losskij N. Die Grundlehre der Psychologie vom Standpunkte des Voluntarismus. Leipzig: Kessinger, 1904. 236 s.

19. Тихонова Э.В. Н.О. Лосский как философ и психолог // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2011. № 22. С. 43–68.

20. Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волонтаризма. СПб., 1903. 300 с.

21. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма. Пропедевтическая теория знания. СПб., 1906. 368 с.

22. Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М., 1917. 170 с.

23. Лосский Н.О. Недомолвки в теории эмоций Джемса // Вопросы философии и психологии. 1901. № 57. С. 98–134.

24. Лосский Н.О. А.А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. № 58. С. 183–206.

25. Лосский Н.О. Имманентная философия В. Шуппе // Новые идеи в философии. 1912. № 3. С. 1–39.

26. Лосский Н.О. Недостатки гносеологии Бергсона и влияние их на его метафизику // Вопросы философии и психологии. 1913. № 3(118). С. 224–235.

27. Лосский Н.О. Интуитивная философия Бергсона. М., 1914. 116 с.

28. Обзорение преподавания наук в Императорском С.-Петербургском университете на 1905–1906 уч. г. СПб., 1905. 37 с.

29. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968.

30. Лосский Н.О. Освобождение науки от опеки государства // Полярная звезда. 1906. № 6. С. 408–412.

31. Лосский Н.О. О природе сатанинской. (По Достоевскому) // Ф.М. Достоевский. 1922. № 1. С. 65–92.

32. Лосский Н.О. Психология в России // Вестник культуры и политики. 1918. № 4. С. 23–27.

33. Обзорение преподавания наук на Историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1903 года и весеннем полугодии 1904 года. СПб., 1903. 78 с.

34. Тихонова Э.В. Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 3(19). С. 250–268.

35. Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis. Untersuchungen zur experimentellen Psychologie. Leipzig: Verlag von Bunker und Humblot, 1885. 68 s.

36. Нэтеркотт Ф. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М.: Модест Колеров, 2008. 431 с.

37. Гайденок П.П. Иерархический персонализм Н.О. Лосского // Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С. 349–370.

38. Глазкрицкая С.С. Интуитивизм в западноевропейской и русской традициях. А. Бергсон и Н.О. Лосский: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2002. 21 с.

39. Solovine M. Die Grundlegung des Intuitivismus by Nicolaj Losskij // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1910. Vol. 69. P. 413–416.

40. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.; М.; Минск: Питер, 2024. 705 с.

41. Богданчиков С.А. Проблемы истории и историографии советской психологии. М.: АСОУ, 2018. 344 с.
42. Богданчиков С.А. Советская психология 1920–1930-х годов глазами ее основателей: от многообразия к единству // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 88–99.
43. Лосский Н.О. Психология в России // Вестник культуры и политики. 1918. № 4. С. 23–27.
44. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 479 с.
45. Салморбекова Р.Б. Психологические взгляды А.И. Введенского на веру в Бога [Электронный ресурс] // Философский полилог. 2025. № 2. С. 53–60. <https://doi.org/10.31119/phlog.2025.2.258>
46. Прись И.Е. О логицизме А.И. Введенского [Электронный ресурс] // Философский полилог. 2024. № 1–2. С. 19–42. <https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.217>
47. Тихонова Э.В. Психологическое наследие А.И. Введенского. Арзамас: ГОУВПО «Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара», 2004. 138 с.
48. Отчет о заседании Санкт-Петербургского философского общества // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 4. С. 264–267.

References

(Sources)

Individual Works

1. Ebbinghaus, H. *Über das Gedächtnis. Untersuchungen zur experimentellen Psychologie*. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1885. 68 p.
2. Esakov, V.D. Neosushchestvlenyy proekt Akademii nauk [The unrealized project of the Academy of Sciences], in *Vestnik RAN*, 1997, no. 12, pp. 1129–1139.
3. Losskij, N. *Die Grundlehre der Psychologie vom Standpunkte des Voluntarismus*. Leipzig: Kessinger, 1904. 236 s.
4. Losskiy, N.O. *Osnovnye ucheniya psikhologii s tochki zreniya volyuntarizma* [The main teachings of psychology from the standpoint of voluntarism]. Saint-Petersburg, 1903. 300 p.
5. Losskiy, N.O. *Obosnovanie intuitivizma. Propedeuticheskaya teoriya znaniya* [The justification of intuitivism. Propaedeutic theory of knowledge]. Saint-Petersburg, 1906. 368 p.
6. Losskiy, N.O. *Mir kak organicheskoe tseloe* [The world as an organic whole]. Moscow, 1917. 170 p.
7. Losskiy, N.O. Nedomolvki v teorii emotsiy Dzhemsa [Gaps in James's theory of emotions], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, no. 57, pp. 98–134.
8. Losskiy, N.O. A.A. Kozlov i ego panpsikhizm [A.A. Kozlov and his panpsychism], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1901, no. 58, pp. 183–206.
9. Losskiy, N.O. Immanentnaya filosofiya V. Shuppe [The immanent philosophy of W. Schuppe], in *Novye idei v filosofii*, 1912, no. 3, pp. 1–39.
10. Losskiy, N.O. Nedostatki gnoseologii Bergsona i vliyanie ikh na ego metafiziku [The shortcomings of Bergson's gnoseology and their influence on his metaphysics], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1913, no. 3(118), pp. 224–235.
11. Losskiy, N.O. *Intuitivnaya filosofiya Bergsona* [The intuitive philosophy of Bergson]. Moscow, 1914. 116 p.
12. Losskiy, N.O. *Vospominaniya. Zhizn' i filosofskiy put'* [Memoirs. Life and philosophical path]. München: Wilhelm Fink Verlag, 1968.
13. Losskiy, N.O. Osvobozhdenie nauki ot opeki gosudarstva [The liberation of science from state tutelage], in *Polyarnaya zvezda*, 1906, no. 6, pp. 408–412.
14. Losskiy, N.O. O prirode sataninskoy. (Po Dostoevskomu) [On the satanic nature. (According to Dostoevsky)], in *F.M. Dostoevskiy*, 1922, no. 1, pp. 65–92.
15. Losskiy, N.O. Psikhologiya v Rossii [Psychology in Russia], in *Vestnik kul'tury i politiki*, 1918, no. 4, pp. 23–27.
16. Losskiy, N.O. Psikhologiya v Rossii [Psychology in Russia], in *Vestnik kul'tury i politiki*, 1918, no. 4, pp. 23–27.

17. Losskiy, N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1991. 479 p.
18. Makarov, V.G., Khristoforov, V.S. (eds.). *Vysylka vmesto rasstrelya. Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VCHK–GPU. 1921–1923* [Exile instead of execution. The deportation of the intelligentsia in the documents of the Cheka–GPU. 1921–1923]. Moscow: Russkiy put', 2005. 544 p.
19. Makarov, V.G., Khristoforov, V.S. (eds.). *Ostrakizm po-bol'shevistski: Presledovaniya politicheskikh opponentov v 1921–1924 gg.* [Ostracism in a Bolshevik manner: The persecution of political opponents in 1921–1924]. Moscow: Russkiy put', 2010. 600 p.
20. *Obozrenie prepodavaniya nauk v Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete na 1905–1906 uch. g.* [Review of teaching at the Imperial St. Pyotrsburg University for the 1905–1906 academic year]. Saint-Petersburg, 1905. 37 p.
21. *Obozrenie prepodavaniya nauk na Istoriko-filologicheskoy fakul'tete Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta v osennem polugodii 1903 goda i vesennem polugodii 1904 goda* [Review of teaching at the Historical-Philological Faculty of the Imperial St. Pyotrsburg University in the autumn semester of 1903 and the spring semester of 1904]. Saint-Petersburg, 1903. 78 p.
22. Orel, V.M., Smagina, G.I. (eds.). *Sud'ba proekta «Russkaya nauka» 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»): Stat'i i dokumenty* [The fate of the project "Russian Science" 1916–1920 (To the 100th anniversary of the Commission for the publication of the collection "Russian Science"): Articles and documents]. Saint-Petersburg; Moscow: Pero, 2016. 848 p.
23. *Otchet o deyatelnosti Rossiyskoy akademii nauk za 1918 god* [Report on the activities of the Russian Academy of Sciences for 1918]. Petrograd: Tipografiya RAN, 1919. 400 p.
24. *Otchet o zasedanii Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Report on the meeting of the St. Pyotrsburg Philosophical Society], in *Vestnik psikhologii, kriminal'noy antropologii i gipnotizma*, 1904, Year I, issue 4, pp. 264–267.
25. Raynov, T.I. *Psikhologiya tvorchestva D.N. Ovsyaniko-Kulikovskogo* [The psychology of creativity of D.N. Ovsyaniko-Kulikovskiy], in *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*, 1914, vol. V, pp. VIII–XVI.
26. Raynov, T.I. *Vvedenie v fenomenologiyu tvorchestva* [Introduction to the phenomenology of creativity], in *Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva*, 1914, vol. V, pp. 1–103.
27. Solovine, M. *Die Grundlegung des Intuitivismus by Nicolaj Losskij* [The Foundation of Intuitivism by Nicolaj Losskij], in *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*, 1910, vol. 69, pp. 413–416.

(Articles from Scientific Journals)

28. Basargina, E.Yu. «Russkiy sezon» v Kembridzhe v 1916 godu ["Russian season" in Cambridge in 1916], in *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2014, no. 2, pp. 54–63.
29. Bogdanchikov, S.A. *Sovetskaya psikhologiya 1920–1930-kh godov glazami ee osnovateley: ot mnogoobraziya k edinstvu* [Soviet psychology of the 1920s–1930s through the eyes of its founders: from diversity to unity], in *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2011, vol. 4, no. 2, pp. 88–99.
30. Malinov, A.V. *A.S. Lappo-Danilevskiy i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka»* [A.S. Lappo-Danilevskiy and the project for publishing the collection "Russian Science"], in *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2016, no. 2, pp. 269–282.
31. Pris', I.E. *O logitsizme A.I. Vvedenskogo* [On the logicism of A.I. Vvedenskiy], in *Filosofskiy polilog*, 2024, no. 1–2, pp. 19–42. <https://doi.org/10.31119/phlog.2024.1-2.217>
32. Salmorbekova, R.B. *Psikhologicheskie vzglyady A.I. Vvedenskogo na veru v Boga* [The psychological views of A.I. Vvedenskiy on faith in God], in *Filosofskiy polilog*, 2025, no. 2, pp. 53–60. <https://doi.org/10.31119/phlog.2025.2.258>
33. Tikhonova, E.V. *N.O. Losskiy kak filosof i psikholog* [N.O. Lossky as a philosopher and psychologist], in *Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*, 2011, no. 22, pp. 43–68.
34. Tikhonova, E.V. *Psikhologicheskaya laboratoriya Vil'gel'ma Vundta v Leyptsige: istoriya i sovremennost'* [Wundt's Psychological Laboratory in Leipzig: History and Modernity], in *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2020, vol. 5, no. 3(19), pp. 250–268.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

35. Gaydenko, P.P. Ierarkhicheskiy personalizm N.O. Losskogo [The hierarchical personalism of N.O. Lossky], in Losskiy, N.O. *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensory, intellectual and mystical intuition]. Moscow: Respublika, 1995, pp. 349–370.

36. Lappo-Danilevskiy, A.S. Razvitie nauki i uchenosti v Rossii [The development of science and scholarship in Russia], in *Arkhiv istorii nauki i tekhniki* [Archive of the History of Science and Technology]. Moscow: Yanus-K, 2015, issue V(XIV), pp. 5–62.

37. Tunkina, I.V. K istorii sbornika «Russkaya nauka» [On the history of the collection “Russian Science”], in *Komissiya po istorii znaniy. 1921–1932 gg. Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy v Akademii nauk: Sbornik dokumentov* [Commission on the History of Knowledge. 1921–1932. From the history of the organization of historical and scientific research at the Academy of Sciences: Collection of documents]. Saint-Petersburg: Nauka, 2003, pp. 637–659.

(Monographs)

38. Bogdanchikov, S.A. *Problemy istorii i istoriografii sovetskoj psikhologii* [Problems of the history and historiography of Soviet psychology]. Moscow: ASOU, 2018. 344 p.

39. Ilizarov, S.S. *Raynov Timofey Ivanovich: Materialy k biobibliografii* [Raynov Timofey Ivanovich: Materials for a bibliography]. Moscow: Yanus.-K, 2017. 190 p.

40. Ilizarov, S.S. *Formirovanie v Rossii soobshchestva istorikov nauki i tekhniki* [The formation of a community of historians of science and technology in Russia]. Moscow: Nauka, 1993. 189 p.

41. Neterkott, F. *Filosofskaya vstrecha: Bergson v Rossii (1907–1917)* [A Philosophical Encounter: Bergson in Russia (1907–1917)]. Moscow: Modest Kolerov, 2008. 431 p.

42. Rubinshteyn, S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint-Petersburg; Moscow; Minsk: Piter, 2024. 705 p.

43. Tikhonova, E.V. *Psikhologicheskoe nasledie A.I. Vvedenskogo* [The psychological heritage of A.I. Vvedensky]. Arzamas: GOU VPO «Arzamasskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut imeni A.P. Gaydara», 2004. 138 p.

44. Yaroshevskiy, M.G. *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Mysl', 1976. 411 p.

45. Yaroshevskiy, M.G. *Istoriya psikhologii* [History of psychology]. Moscow: Mysl', 1985. 575 p.

46. Yaroshevskiy, M.G. *Istoriya psikhologii ot antichnosti do serediny XX v.* [History of psychology from antiquity to the mid-20th century]. Moscow: Academia, 1997. 410 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

47. Glazkritskaya, S.S. *Intuitivizm v zapadnoevropeyskoy i russkoy traditsiyakh. A. Bergson i N.O. Losskiy*. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [Intuitivism in Western European and Russian traditions. H. Bergson and N.O. Lossky. Abstr. cand. philos. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2002. 21 p.

48. Tarakanova, L.I. *Vklad N.O. Losskogo v razvitie religiozno-filosofskogo napravleniya psikhologii nachala XX veka*. Avtoref. diss. ... kand. psikh. nauk [The contribution of N.O. Lossky to the development of the religious-philosophical direction of psychology at the beginning of the XX century. Abst. cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 17 p.

Н. Лосский

ПСИХОЛОГИЯ В РОССИИ. Часть 1¹

(Публикация С.С. Илизарова и В.А. Куприянова)

N. Lossky

PSYCHOLOGY IN RUSSIA. Part I

(Published by S.S. Ilizarov and V.A. Kupriyanov)

I. НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В этой весьма краткой статье о психологии в России не может быть изложена история русской психологии; в ней сообщены только в систематизированном виде те результаты исследований русских ученых, которые имеют непосредственное значение для современного состояния этой науки и для ее ближайшего будущего. Многочисленные плодотворные замечания, разбросанные в русской критической литературе, а также в философских, этических и религиозных сочинениях оставлены в стороне; приняты во внимание только те сочинения и статьи, в которых обстоятельно разработаны психологические теории или подвергнуты специальному исследованию факты психической жизни.

Сначала я изложу те труды, которые содействуют разработке целых направлений в психологии или, по крайней мере, основных вопросов, граничащих с философией и имеющих значение для системы психологии в целом, а затем перейду к частным вопросам психологии.

Нельзя, конечно, ожидать, чтобы русская психология создала какое-либо направление, не представленное нигде в Западной Европе. У нас, как и везде, культивируются такие направления, как ассоциационизм, материалистическая психология, волюнтаризм и т.п. Что же сделала русская психология для разработки этих направлений?

Начнем с ассоциационизма. Толчок к усвоению и разработке этого направления в России был дан книгой М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии»² (1867), более трети которой посвящено рассмотрению английской психологии и анализу английского ассоциационизма с целью показать превосходство английского метода разработки психологии над немецким. Книгу Троицкого использовал

¹ Архивный материал публикуется с сохранением орфографии и пунктуации источника.

² Троицкий М.М. Немецкая психология в текущем столетии. Ист. и критич. исслед. с предвар. очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка. М.: Тип. Т. Рис, 1867. [4], XIII, [5]. 658 с.

Н.Я. Грот в своем исследовании «Психология чувствований в ее истории и главных основах»³ (1880), занявшись систематической разработкой ассоциационизма в применении к вопросу о развитии чувствований. Ввиду чрезвычайного разнообразия учений о чувствованиях и об отношении их к другим психическим процессам Грот подошел к своей специальной задаче через изучение истории вопроса. Именно он дал прежде всего обстоятельную и весьма полезную «Историю классификации психических феноменов и взглядов на отношение чувствований (и аффектов) к прочим явлениям психической жизни» (от начала греческой философии до наших дней) затем он занялся «Историей учений об удовольствии и страдании и различных способов классификации чувствований (и аффектов)».

Как ни разнообразны на первый взгляд учения различных философов о чувствованиях, они могут и должны быть, по Гроту, (на основании априорных соображений) сведены к 16 видам. В самом деле, все чувствования суть, по Гроту, либо простые, либо сложные явления удовольствия и страдания. Но удовольствие или страдание есть выражение оценки гармонии или дисгармонии каких-то отношений (стр. 140). Основное различие между теориями состоит в том, что одни психологи считают оценку, выражающуюся в форме чувствования особым видом суждения, другие – особым видом ощущения, третьи – моментом желания и, наконец, четвертые считают ее самостоятельным психическим явлением. Эти четыре класса теорий подразделяются на 16 видов (по 4 вида в каждом классе) в зависимости от того, считаются ли предметом оценки внешние объекты или внутренние отправления, или отношение внешних объектов к субъекту (польза и вред для субъекта); далее, различия между теориями обусловлены тем, считает ли психолог эту оценку сознательной или бессознательной и, далее, абсолютной или относительной (стр. 142).

Своему собственному учению о чувствованиях Грот предпосылает рассмотрение фазисов полного «психического оборота», который, по его мнению, состоит из внешнего впечатления на психический организм, из переработки этого внешнего впечатления во внутреннее, из возникающего отсюда внутреннего (психического) движения и, наконец, из внешнего движения организма в отношении к предмету; эти ступени психического оборота Грот обозначает также словами момент объективной восприимчивости, момент субъективной восприимчивости, момент субъективной деятельности и момент объективной деятельности (стр. 430). Первоначальные психические явления, образующие эти моменты, суть ощущения, чувствования удовольствия и страдания, стремления, движения; осложненные психические явления, соответствующие им, суть представления и понятия, чувства и волнения, желания и хотения, действия и поступки (432). Итак, чувствования суть по Гроту, вторая ступень психического оборота; они возникают из субъективной оценки ощущений (444), именно представляют собою бессознательную и относительную оценку внутренней гармонии и дисгармонии в организме или в какой-нибудь его части (457). Эта гармония и дисгармония есть не что иное, как отношение между работой какой-нибудь ткани организма и ее энергией, между тратой вещества и накоплением его; отсюда следует, что должны существовать два вида удовольствия - положительное

³ Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах: Исслед. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1879–1880. XIV, [2]. 569 с.

(вследствие нормальной траты энергии) и отрицательное (вследствие нормального накопления энергии), а также два вида страдания – положительное и отрицательное (вследствие чрезмерной траты и вследствие чрезмерного накопления), как это уже развито ранее Гамильтоном и с различными видоизменениями принято Спенсером, Дюмоном и др. Нормальная смена чувствований в ходе психической жизни, по Гроту, такова: 1) отрицательное страдание (потребность, лишение), 2) положительное удовольствие (наслаждение, работа), 3) положительное страдание (усталость, истощение), 4) отрицательное удовольствие (отдых, восстановление).

Первоначальные чувствования, по теории Грота, непосредственно связаны с ощущениями, обусловленными различными видами физиологических отправлений организма. Распределив главные из этих отправлений в восемь групп (четыре группы растительных отправлений – 1. кровообращение, 2. дыхание, 3. пищеварение, 4. воспроизведение и вообще выделение и четыре группы животных отправлений – 1. движение, 2. восприятие, 3. субъективная деятельность сознания, 4. объективная или познавательная деятельность сознания), Грот различает соответственно ним восемь классов первоначальных чувствований, распадающихся в свою очередь каждый на четыре вида – положительное и отрицательное страдание и удовольствие, так что всего получается 32 вида специальных чувствований или, точнее 64 вида, если различать в каждой группе отправлений чувствования, связанные с внешними ощущениями, и чувствования, связанные с внутренними ощущениями.

Исходя из этого учения о первоначальных чувствованиях, Грот переходит к вопросу о развитии из них сложных чувств путем сочетания их друг с другом и с ощущениями, представлениями и понятиями (идеями). Развитие это, как и вообще все процессы психического развития, Грот рассматривает, следуя Спенсеру, как процесс интеграции и дифференциации, обусловленный законами ассоциации, в основе которых в свою очередь лежат законы памяти; таким образом развитие новых комбинаций происходит или путем запоминания, ассоциации и интеграции, или путем забвения, диссоциации и дифференциации (485 с.). В этом развитии чувств Грот различает три ступени: 1) сочетание первоначальных чувствований с ощущениями и ассоциация тех же чувствований друг с другом, вследствие чего получаются первичные чувства и волнения, затем 2) сочетание первичных чувств с представлениями и интеграция их, откуда получают вторичные чувства и, наконец, 3) сочетание с отвлеченными понятиями (496). Грот подробно рассматривает только первичные чувства, их развитие и классификацию, которая у него параллельна классификации первоначальных чувствований. Особенно интересны здесь предположения Грота о первоначальных источниках некоторых чувств, напр., что о том, что первоначальный источник страха заключается в страданиях, вызываемых остановкой дыхательного процесса, злорадия и гнев возникают из страданий голода и той борьбы, которая обыкновенно требуется для устранения голода; тоску, уныние, веселость и т.п., Грот выводит из состояний кровообращения (511–522). Эта теория чувств, по существу, однородна с теорией Джемса, высказана ранее ее и отличается той выгодной особенностью, что содержит в себе попытку найти первоначальный источник каждого чувства и путь развития его, объясняющий характерную для чувства комбинацию телесных реакций.

Изучением ассоциационизма, как целого направления, именно исследованием его видов и новейших тенденций развития, занялся ученик Троицкого В.Н. Ивановский в своей книге «Ассоциационизм психологический и гносеологический»⁴ (1909). В.Н. Ивановский обращает внимание на различие между ассоциационизмом, как психологическим направлением, стремящимся объяснить явления психической жизни (напр., Гортли, Пристли, Спенсер, Бенье) и ассоциационизмом, как направлением гносеологическим, стремящимся дать решение проблем теории знания и логики (напр. Юм, Джон. Ст. Милль). Интересны указания Ивановского на современные попытки ввести в учение об ассоциативных процессах допущение активности сознания, а также освободить эти учения от психологического «атомизма» (*mind-stuff theory*) и сенсуализма (Гесрдинг, Галеви, Корнелиус, стр. 205–221). По мнению автора, эти попытки открывают перед ассоциационизмом новые плодотворные пути развития, на которых возможно сближение и примирение ассоциационизма с другими направлениями, однако эти мысли Ивановского остаются не развитыми, так как он напечатал лишь первую часть своего исследования, занятую почти наполовину обзором литературы по истории учения об ассоциации идей и ассоциационизма.

Один из важнейших для учения об ассоциации вопросов подвергнут специальному исследованию в книге А.П. Нечаева «Ассоциация сходства»⁵ (1905 г.). Первая часть книги посвящена истории вопроса. Во второй части Нечаев прежде всего старается установить, что воспроизведение, как «возвращение в наше сознание того же самого, что уже было нами пережито» невозможно (201), так, что воспроизведенное состояние есть на самом деле новое переживание, лишь истолковываемое, как старое (207 с.). Отсюда Нечаев выводит, что основной закон ассоциации есть отношение не двух, а всегда четырех представлений и имеет характер отношения смежности (213–221); далее, он сводит на эту же четырехчленную схему также и ассоциации сходства (222–231). Меткие замечания против теории Нечаева высказаны в подробном отчете В. Зеньковского о его книге (Вопросы философии, 1906, март)⁶.

Ассоциационизм входит сполна или, по крайней мере заметной струей также в состав того направления в психологии, которое сводит всю психологию на психофизиологию. Ярким представителем этого направления в России был известный физиолог Сеченов. В сочинении «Рефлексы головного мозга» (1 изд. 1863 г.)⁷ Сеченов старается доказать, что все психические процессы, произвольные акты, мысли и аффекты, имеют рефлексообразное происхождение. Все свойства рефлексов принадлежат также и высшим формам психических процессов, а черты, которые кажутся нам исключительною особенностью психического процесса, на самом деле или встречаются также и в рефлекторном процессе или же приписываются нами психи-

⁴ Ивановский В.Н. Ассоциационизм психологический и гносеологический: Ист.-крит. исслед. Ч. 1. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1909–1910.

⁵ Нечаев А.П. Ассоциация сходства. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. 278 с.

⁶ Зеньковский В.В. Новый труд по вопросу об ассоциации идей. (А. Нечаев. Ассоциация сходства) // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. II (82). С. 92–126.

⁷ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Медицинский вестник. 1863. № 47. С. 461–484; № 48. С. 493–512.

ческому процессу по недоразумению. Так, Сеченов утверждает, что исходным пунктом всякого психического процесса также, как и рефлекса, служит возбуждение извне чувствующего нерва (2. изд. 1871 г., стр. 129, 144)⁸. Если, напр., произвольный поступок обусловлен мыслью, положим, воспоминанием, то само это воспоминание все же вызвано внешним чувственным раздражением, напр. «я вижу человека, потому что на моей сетчатой оболочке действительно рисуется его образ, и вспоминую, потому, что на мой глаз упал образ двери, около которой он стоял» (стр. 126). Точно так же и заканчивается психический процесс, подобно рефлексу, мышечным сокращением. Правда, это мышечное сокращение очень часто бывает непропорциональным внешнему раздражению, именно чрезвычайно усиленным или ослабленным в сравнении с ним, напр., в случае страстной реакции в ответ на тихо сказанное слово или в случае мужественного стоического перенесения страшных пыток. Однако Сеченов указывает на то, что и рефлексы можно подразделить на три группы: рефлексы с реакцией пропорциональной раздражению с реакцией ослабленной. Примером ослабленной реакции может служить замедление биений сердца или остановка их вследствие раздражения блуждающего нерва, а примером усиленной реакции резкое проявление инстинктивного испуга, относимого Сеченовым к числу рефлексов. Крайний случай задержки внешнего действия есть мысль, не выраженная вовне даже и словом. Поэтому Сеченов говорит, что «мысль есть первые две трети психического рефлекса» (140). В физиологическом процессе произвольного движения, аффекта и мышления среднее звено (физиологический процесс в полушариях мозга) всегда сопутствуется психическими состояниями; однако и этот признак не отличает, по Сеченову, душевную деятельность от рефлекторной, так как и рефлекс может содержать в своем составе «определенные сознаваемые ощущения» (65). Наконец, важнейшее отличие произвольного движения от рефлекса усматривают обыкновенно в том, что произвольный факт зависит не от внешних условий, а от выбора нашей воли, которая способна проявить свою власть над каждым моментом его (167). Однако Сеченов полагает, что это сознание произвольного выбора и власти над движением есть иллюзия; в действительности неизбежно побеждает «или мысль с очень страстным субстратом или мысль очень крепкая от частоты повторения рефлекса» (171), причем «первая причина всякого человеческого действия лежит вне его» (173), т.е. вне человека, во внешнем раздражении.

Своей книге Сеченов хотел дать заглавие «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы», однако цензура, очевидно, борясь с материализмом, воспретила это заглавие и, как это часто бывало в России, побудила автора дать заглавие еще более яркое, идущее даже далее намерений автора. По крайней мере Сеченов в своей полемике с Кавелиным («Вестник Европы», ноябрь 1872)⁹, заявляет, что он далеко от полного отождествления психических фактов с рефлексами, что он говорит только о способе происхождения психических процессов, но даже и не пытается объяснять сущность их (стр. 397). Однако

⁸ Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга. Изд. 2-е. СПб: Типография К.В. Трубникова, 1871. 179 с.

⁹ Сеченов И.М. Замечания на книгу г. Кавелина: «Задачи психологии» // Вестник Европы. 1872. Т. VI. Кн. 11. Ноябрь. С. 386–420.

считая психический процесс лишь «срединою» механически осуществляющегося рефлекса и полагая, что изучать нужно целое этого процесса, а не только часть его, Сеченов последовательно приходит отсюда к выводу, что разрабатывать психологию должна физиология, «так как она одна держит в своих руках ключ к истинно-научному анализу психических явлений» («Кому и как разрабатывать психологию?» Вестн. Евр., апр. 1873, стр. 567)¹⁰.

Своеобразие психического процесса, состоящее в том, что психические факты даны в самонаблюдении непосредственно, без помощи внешних органов чувств, и возникающая отсюда необходимость особенной науки, пользующаяся методами, глубоко отличными от физиологии, совершенно отвергаются Сеченовым на основании следующих учений его. Все психические состояния он считает или ощущениями, или воспроизведением ощущений, хотя бы и переработанных путем новых сочетаний и разложений. Но действительное впечатление и воспоминание о нем не отличаются друг от друга и со стороны процесса в нервных центрах, и по своему психическому содержанию. Поэтому для Сеченова нет разницы между восприятием процесса, возникшего вследствие раздражения органов чувств, и восприятием процесса, в основе которого в данный момент нет раздражения органов чувств.

Учение о том, что высшие психические процессы слагаются из ощущений путем разложений и сочетаний их, весьма интересно разработано Сеченовым в применении к мышлению в статье «Элементы мысли» (Вестн. Евр., март и апрель 1878)¹¹. Всякая мысль, по Сеченову, состоит из трех частей: из представления о двух предметах и из сопоставления их в каком-либо отношении, именно в отношении сосуществования, последовательности или сходства. Такое строение в мысли обусловлено воздействиями внешнего мира на органы чувств, деятельностью и упражнением органов чувств (в особенности мышечными приспособлениями их для восприятия) и свойствами памяти. В самом деле, первоначальные воздействия предметов внешнего мира на нервную систему являются источником слитных впечатлений, которые еще не создают никакого мышления. Только после многократного воздействия сходных и различных впечатлений, благодаря упражнению нервной системы, начинается расчленение впечатлений, выделяющее признаки предмета. Этому расчленению особенно содействуют инстинктивные двигательные реакции тела, приспособляющие органы чувств для усиления ощущений (аккомодация глаза, поворот головы и т. п.). Таким образом в промежутках между различными ощущениями от предмета помещаются, в качестве соединительных звеньев, мышечные ощущения. Мышечные ощущения, по Сеченову, дают представление о пространственных отношениях между предметами, а также о временных отношениях (когда, напр., субъект поворачивает голову и глаза, чтобы следить за движением предмета). На основе такого опыта возникает конкретное предметное мышление; оно есть не что иное, как воспроизведенное представление двух объектов, связкою между которыми служит про-

¹⁰ Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию? // Вестник Европы. 1873. Т. 2. Кн. 4. Апрель. С. 548–628.

¹¹ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

странственное или временное отношение, воспринятое благодаря мышечным ощущениям от двигательных реакций органов чувств (Речь Сеченова «О предметном мышлении» на IX Съезде Русских Естествоиспытателей, стр. 6)¹².

Кроме пространственного и временного отношения между предметами мысли, возможно еще отношение сходства. Этот случай мышления объясняется свойствами памяти, которая фиксирует впечатления, как это видно из законов воспроизведения, в порядке, соответствующем четырем рубрикам: в связи с тем, «что предшествовало данному впечатлению, что ему сопутствовало, что за ним следовало, и с чем оно сходно, как целиком, так и частями» (стр. 7).

Отвлеченное мышление развивается из конкретного путем дальнейшего расчленения впечатлений и выделения из них тех или других элементов, причем выделенная часть предмета может быть использована для символического изображения целых предметов или их частей и отношений. Особенно интересный случай отвлеченного мышления, дающий начало такой науке, как математика, есть «мышление формами или движением»; по Сеченову, оно есть не что иное, как «мышление следами от двигательных реакций глаз и рук при смотрении и осязании»¹³ (В.Е., 1878 апр. 490).

Свое учение об элементах мысли Сеченов ставит в связь с теориями Спенсера и Гельмгольца, стремясь сочетать эмпиризм Гельмгольца с эволюционным априоризмом Спенсера (В.Е., 1878, март, стр. 60 сс.)¹⁴. В своем учении о расчленении слитных впечатлений путем мускульных приспособлений органов чувств он предвосхищает теорию внимания, развитую впоследствии Рибо, и вообще настойчивое подчеркивание значения мускульных ощущений (напр., как элемента, создающего «связку» в суждении) дает Сеченову видное место в истории аналогичных учений XIX века.

Гносеологическая сторона теорий Сеченова, конечно, весьма неудовлетворительна. Э.Л. Радлов в статье «Натуралистическая теория познания»¹⁵ (Вопр. Фил., 1894, 25) показал односторонность гносеологического натурализма Сеченова, догматизм его и недостаток глубины анализа в важнейших (?) пунктах, напр. в вопросе о существовании внешнего мира, о соответствии элементов представления и суждения элементам действительности и т.п.

Согласно Сеченову, психологию должны разрабатывать физиологи, причем психология превращается, собственно, в психо-физиологию. Стоит сделать еще шаг на этом пути и в результате получится то направление, которое называется объективной психологией и представлено в России известным физиологом И.П. Павловым, невропатологом и психиатром В.М. Бехтеревым, а также их многочисленными учениками.

¹² Сеченов И.М. Речь И.М. Сеченова О предметном мышлении с физиологической точки зрения, произнесенная в общем собрании IX Съезда [русских естествоиспытателей и врачей] 4 января 1894 года. М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, [1894]. 9 с.

¹³ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

¹⁴ Сеченов И.М. Элементы мысли // Вестник Европы. 1878. Т. 2. Кн. 3. Март–Апрель. С. 39–107; 457–533.

¹⁵ Радлов Э.Л. Натуралистическая теория познания. (По поводу статей проф. И.М. Сеченова) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 682–693.

В течение пятнадцати лет И.П. Павлов вместе со своими учениками изучает условные рефлексы, пользуясь для образования их «двумя безусловными рефлексами, рефлексом на пищу и рефлексом на вливание кислоты в рот, измеряя при этом секретную реакцию на слюнных железах»¹⁶.

Как известно, безусловным рефлексом Павлов называет врожденный, видовой рефлекс (напр., выделение слюны при вливании кислоты в рот), а условным – рефлекс приобретенный, индивидуальный, т.е. возникший на основе индивидуального опыта. Средства, применяемые для образования условного рефлекса, сравнительно просты; если, напр., вливать в рот собаке кислоту и в то же время (вернее, несколькими секундами раньше) действовать на ухо собаки каким-либо звуком, то после нескольких таких опытов раздражение уха собаки тем же звуком будет вызывать выделение слюны даже и в отсутствие кислоты. Вообще «всякий раз, как какой-нибудь индифферентный раздражитель совпадает во времени с действием раздражителя, вызывающего определенный рефлекс, то после одного или нескольких таких совпадений, он сам, этот индифферентный раздражитель вызывает тот же рефлекторный эффект (там же, стр.31).

На основании изучения условных рефлексов Павлов приписывает большому мозгу две основные деятельности – замыкательную и анализаторную. «Основными деятельностями высшего отдела центральной нервной системы», говорит Павлов, «являются замыкание новых и временных связей между внешними явлениями и работой различных органов и разложение организмом сложности внешнего мира на отдельные, короче, деятельности замыкательного и анализаторного аппаратов» (29). «Что касается до анализаторной деятельности, то здесь, прежде всего, наблюдаемый факт состоит в том, что все раздражители сначала входят в состав нового рефлекса в их общем виде и лишь потом постепенно специализируются, т.е. если вы, напр., из данного тона выработали условный раздражитель, то, сначала, действуют также не только всевозможные тоны, но даже и другие звуки (удары и шумы), а затем при повторении условного раздражителя область раздражающих звуков все сужается и сужается до пределов избранного тона и даже частей его. Таким образом определяется предел деятельности анализаторов, простираясь у нашего животного в некоторых анализаторах до невероятной тонкости и представляя, очевидно, возможность огромного развития. Большее или меньшее разрушение мозгового конца анализаторов последовательно выражается в большем или меньшем ограничении степени анализа» (31 с.).

В лаборатории Павлова производятся наблюдения не только над возникновением условных рефлексов, но и над их задерживанием, торможением под влиянием внешних и внутренних условий. В этой именно области Павлов нашел сложный факт угасания и восстановления условного рефлекса (см. описание его там же, стр. 34 с.), рассматриваемый им, как *experimentum crucis* в споре между сторонниками психологического и чисто объективного истолкования фактов, изучаемых зоопсихологиею. Павлов полагает, что описываемое им явление вполне объясняется иррадиацией и последовательным концентри-

¹⁶ Прим. Лосского: Акад. И.П. Павлов, «Настоящая физиология» головного мозга, журн. Природа, 1917 г., янв., стр. 31 (доклад для съезда психиатрии, неврологии и психологии, предполагавшегося в 1914 г.). Прим. ред.: Павлов И.П. «Настоящая физиология» головного мозга // Природа. 1917. № 1. С. 27–38.

рованием тормозного процесса, «знание чего», говорит он, «давало нам возможность абсолютно точного (числового) предсказания явлений (стр. 37); наоборот, сторонники психологического истолкования пытались объяснить явление ссылками на самые разнообразные психические процессы и не могли на основании своих гипотез давать точного предсказания явления¹⁷.

Под простую схему условного рефлекса и явлений торможения можно пытаться подвести все деятельности животного. И в самом деле, И.П. Павлов говорит: «В рамки наших исследований над условными рефlekсами постепенно захватываются все отделы высшей нервной деятельности нашего животного, как об этом можно догадываться, хотя бы по грубому, приблизительному сопоставлению наблюдаемых нами внешних фактов с психологической классификацией субъективных явлений, каковы: сознание, мысль, воля, аффекты и т.д.» (37).

Прибегать к психологическим объяснениям при изучении поведения животного И.П. Павлов считает совершенно бесполезным; что же касается человека, он не отвергает психологии, как науки о субъективных состояниях, но все же настаивает на том, что «чистая физиология головного мозга животных чрезвычайно облегчит, больше того, оплодотворит непомерную, богатырскую работу тех, кто посвящал и посвящает себя науке о субъективных состояниях человека».

Даже высшие творческие деятельности человека школа Павлова пытается понять как рефлекс. В.В. Савич в статье «Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлексорного акта»¹⁸ применил это учение для объяснения научного творчества Дарвина. Развитие у него «научных рефлексов» он объясняет путешествием на корабле Бигль, вырвавшем его из домашней обстановки с ее разнообразными раздражениями и замкнувшим его в среду, приспособленную лишь для научной деятельности. Возникновение теории происхождения видов он объясняет такими факторами как чтение «Основ геологии» Лайеля, «где так талантливо развита теория постепенных и незначительных изменений вместо теории катастроф» (стр. 207), далее наблюдение в Австралии борьбы за существование в форме вытеснения австралийцев европейцами, затем – чтение книги Мальтуса о народонаселении и т.п. Теория творчества, намечаемая Савичем, есть, чего и следовало ожидать, не что иное, как старый ассоциационизм, переведенный с языка психологии на язык физиологии, исходящей из тезиса: «когда есть два достаточно возбужденных центра между ними очень легко устанавливается новое замыкание». Подобно психологическому ассоциационизму, и этот физиологический ассоциационизм слишком легко отодвигает в сторону волевой элемент в процессе творчества,

¹⁷ Прим. Лосского: Возражения И.П. Павлову, сделанные по этому поводу А.А. Крогиусом и Н.О. Лосским в Заседании Петрогр. философ. общества 24 ноября 1916 г, напечатаны в «Психиатрической газете» 1917 г. № 6. Прим. ред.: В указанном номере «Психиатрической газеты» был опубликован лишь доклад И.П. Павлова, сделанный на заседании Петроградского философского общества. См.: Павлов И. П. Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности животных // Психиатрическая газета. 1917. № 6. IV год издания. С. 141–146. Публикация прений по докладу не выявлена.

¹⁸ Прим. Лосского: Известия Пгр. Научн. Института имени П.Ф. Лесгафта, ПГР., 1921, т. IV. Прим. ред.: Савич В.В. Попытка уяснения процесса творчества с точки зрения рефлексорного акта // Известия Петроградского научного института имени П.Ф. Лесгафта. 1921. Том IV. С. 199–212.

именно господство основной цели, сообразно которой одни элементы процесса сочетаются в целое, а другие подвергаются торможению.

Некоторые ученики И.П. Павлова, как водится, идут дальше своего учителя Такт, Г.П. Зеленый в своей статье «Современная биология и психология»¹⁹, излагая взгляды Павлова, а также других сторонников объективного метода, напр. Bethe, Beer'a и v. Uexküll'я. высказывается в пользу применения чисто объективного метода также и к социальной жизни людей; он предвидит возможность такой науки как социофизиология, т.е. имеет в виду социальную рефлексологию (G. Zeliony, «Über die zukünftige Soziophysiologie», «Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie», 1912)²⁰.

В школе И.П. Павлова возник замысел построения социофизиологии, а в школе Бехтерева эта идея уже осуществлена. В.М. Бехтерев опубликовал в 1921 г. огромный том «Коллективная рефлексология»²¹. Науку эту он не отождествляет с социологиею: по определению Бехтерева коллективная рефлексология изучает генезис коллектива, а социология исследует законы уже возникшего коллектива. Таким образом, коллективная рефлексология служит «базисом» для «социологии» (стр. 32).

Во второй части своей книги В.М. Бехтерев пытается показать, что основные законы физики, напр., закон сохранения энергии, закон тяготения, закон противодействия равному действию и т.п. приложимы не только к неживой природе, но и к сфере общественной жизни. Так, напр., явления конкуренции, соперничества, общественной борьбы он рассматривает как процессы, связанные с взаимным отталкиванием. (стр. 244 сс.).

К той же по существу школе, как и работы Павлова, принадлежат работы В. Бехтерева и его учеников. В лаборатории Бехтерева объективный метод применяется для изучения высших проявлений не только животных, но и человека с целью обосновать рефлексологию человека. В 1908–1911 гг. Бехтерев опубликовал три выпуска обширного труда «Объективная психология», а в 1918 г. напечатал книгу «Общие основания рефлексологии»²². Существования субъективных психических явлений Бехтерев вовсе не отрицает; мало того, он даже заявляет: мы «ничуть не думаем субъективное считать излишним. По крайней мере, нет основания признавать, что в проявлениях психической сферы дело обошлось бы без присутствия субъективного так же, как и с субъективным. Мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе ничего нет лишнего» (Об. псих., вып. 1, стр. 17)²³. Несмотря, однако, на такую высокую оценку роли психического в природе, В. Бехтерев убежден, что «подобно рефлексам

¹⁹ Прим. Лосского: В сборнике «Новые идеи в философии, № 9. Прим. ред.: Зеленый Г.П. Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии. 1913. Кн. 9. С. 40–66.

²⁰ Zeliony G. P. Über die zukünftige Soziophysiologie // Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie. 1912. № 9. S. 405–429.

²¹ Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос, 1921. 432 с.

²² Бехтерев В.М. Общие основания рефлексологии. Курс, чит. студентам ун-та при Психоневрологическом ин-те. Петроград: Риккер, 1918. 660 с.

²³ Бехтерев В.М. Объективная психология. Вып. 1. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1907. 58 с.

нервно-психические процессы не прерываются ни в одном пункте в своей физиологической основе» и что «схемой всех вообще нервно-психических процессов являются рефлексы, передающиеся через высшие нервные центры» (39). Изложив схему рефлекса, Бехтерев продолжает: «спрашивается, что к этой простой схеме прибавится, если мы на место вышеуказанных чисто физиологических терминов будем пользоваться ходячими терминами субъективной психологии» (21). Даже такие термины как «желание», «влечение» и т.п. Бехтерев считает «метафизическими» (Об. псих. 1, 30; Общ. осн. рефлекс. 71).

Впрочем, продолжая разрабатывать и углублять свои учения, В.М. Бехтерев, по-видимому, начинает более положительно относиться к «субъективной психологии». Так, в статье «Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины» («Природа», ноябрь-декабрь 1917 г.)²⁴ сказано, что «рефлексология не только не исключает субъективной психологии, но, разграничивая сферы ведения той и другой научной дисциплины, она включает в область своего исследования в целях полноты изучения предмета и установление соотношения объективных данных поведения, речи и других реакций у человека с субъективными его переживаниями»²⁵.

В числе ценных результатов такого сравнительного изучения объективных и субъективных данных он указывает установленную в лаборатории близость между объективным порогом сочетательного (условного) рефлекса и субъективным порогом ощущения, сходство между дифференцированием рефлекса и дифференцированием восприятия (дифференцирование восприятия – факт, установленный проф. Н.Н. Ланге, о чем будет речь ниже, и подтвержденный д-ром Никитиным) и т.п. (Общ. осн. рефл., 134,160).

Эксперименты, производимые в лаборатории Бехтерева, особенно удобны для таких сравнений объективной и субъективной стороны потому, что для восприятия сочетательных рефлексов в ней применяется в качестве основного раздражения не возбуждение слюнной железы, а электрическое раздражение, вызывающее оборонительный рефлекс, напр., раздражение передней лапы у животных или подошвы стопы у человека (о преимуществах этого метода см. «Общ. осн. рефл.». 61 с.). Наконец, в одной из последних глав книги «Общие основания рефлексологии» Бехтерев даже признает, что «объективное изучение соотносительной деятельности человека, именуемое рефлексологиею, и данные субъективной психологии, изучаемой путем самонаблюдения на человеке, являются знания, взаимно дополняющие друг друга» (158).

Важнейшие законы сочетательных рефлексов (так Бехтерев называет условные рефлексы), установленные или по крайней мере подвергнутые дальнейшему детальному исследованию школой Бехтерева, таковы: закон сигналов, состоящий в том что индифферентное раздражение, из которого вырабатывается сочетательный рефлекс, должно предшествовать основному раздражению и таким образом, когда воспитывается сочетательный рефлекс оно играет роль как бы сигнала предвещающего ос-

²⁴ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1101–1128.

²⁵ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1126 (восстановлено редакторами).

новное раздражение (стр. 94); законы торможения и растормаживания; законы дифференцирования и обобщения как раздражения, так и реакции (стр. 104–110), закон компенсации воспрепятствованного сочетательного рефлекса (напр., при удалении соответствующего двигательного центра замена рефлекса другим движением стр. 111); закон относительности, состоящий в том, что одно и то же стороннее раздражение способно оказывать то тормозящее рефлекс, то растормаживающее влияние в зависимости от самых разнообразных обстоятельств, между прочим от того, находится ли рефлекс еще в периоде воспитания или в состоянии угасания (119–122); стеническое или астеническое влияние внешних раздражений, состоящее в том что всякое внешнее раздражение кроме соответственной ему определенной внешней реакции, «вызывает еще общее возбуждающее или угнетающее влияние, из которых первое сопровождается рефлексами наложения и притяжения, второе рефлексами обороны и отталкивания» («Природа», 1917, ноябрь, стр. 1124)²⁶.

Последний закон вводит нас в обширную и интересную область эмоциональных рефлексов, которые также исследуются в лаборатории Бехтерева, причем для обнаружений их применяются некоторые вновь изобретенные или усовершенствования лабораторию аппараты, напр. письмограф в виде мешка из непромокаемой материи, наполняемого водой (описание в дисс. Протопопова, Спб. 1909)²⁷. Сочетательные рефлексы использованы Бехтеревым и его учениками для открытия нервных центров и выяснения их свойств. Так ими установлено для некоторых сочетательных рефлексов существование областей коры, содержащих в себе и приводные и отводные части, т.е. чувственный и двигательный центр вместе (Бехтерев «Об основах функциональной деятельности мозговой коры по данным психо-рефлексологии», Р. Врач, 1913, № 33)²⁸. Как психиатр В.М. Бехтерев применяет данные психологии также и для практических целей, напр. для изобличения притворства (Р. Врач, 1912, № 14)²⁹.

Попытки подвести все проявления животных под схему безусловного или условного рефлекса и разрабатывать психологию лишь посредством «физиологического метода» встречают живое противодействие со стороны зоопсихолога В.А. Ва-

²⁶ Бехтерев В.М. Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины // Природа. 1917. Ноябрь–Декабрь. С. 1124.

²⁷ Протопопов В.П. О сочетательной двигательной реакции на звуковые раздражения: дис. на степ. д-ра мед. В.П. Протопопова / Из Физиол. лаб. при Клинике душев. и нерв. болезней акад. В.М. Бехтерева. СПб.: Т-во худож. печати, 1909. 164 с.

²⁸ Бехтерев В.М. Об основах функциональной деятельности мозговой коры по данным психо-рефлексологии // Русский врач: еженедельная медицинская газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта. 1913. № 33. С. 1149–1155.

²⁹ Бехтерев В.М. Применение метода сочетательно-двигательного рефлекса к исследованию притворства // Русский врач: еженедельная медицинская газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта. 1912. № 14. С. 461–464.

гнера. (см. напр., его статью «Зоопсихология перед судом физиолога И.П. Павлова»)³⁰. Согласно его указаниям уже инстинкты во многих случаях явно не соответствуют схеме рефлекса; таково, напр., поведение их невмона, откладывающего яички в личинку, живущую в толще древесного сучка; «розыски» утолщения сучка с личинкою, затем ощупывания, многочисленные «опыты», «приспособления» и «начинания», производимые им раньше, чем он начнет погружать яйцеклад в древесину, не имеют характера рефлекса (Вагнер «Биопсихология», сборн. № 6 «Новых идей в биологии», стр. 19–22)³¹. Еще очевиднее отличие от рефлекса таких явлений, как, напр., осенний перелет птиц или возвращение на свое место голубей, пчел, шмелей, отнесенных в закрытой корзинке на большое расстояние от гнезда.

В своем весьма содержательном и прекрасно изданном сочинении «Биологические основания сравнительной психологии» (2 т.)³² Вагнер отводит весь первый том критике ложных и изложению правильных методов сравнительной психологии. Он отвергает как «монизм сверху», монизм *ad hominem*, возникающий на основе субъективного метода и усматривающий на всех ступенях животного мира сознание, волю и разум, так и «монизм снизу». Монизм «от простейших животных», возникающий на основе физиологического метода и сводящий все поведение не только одноклеточных, но и высших животных, даже и человека, к тропизмам и таксисам, все объясняя раздражительностью протоплазмы и физико-химическими изменениями и не придавая существенного значения даже различию между животными, обладающими нервной системой и не обладающими ею. Для опровержения монизма «сверху» Вагнер анализирует множество случаев кажущейся разумности поведения животных; так, напр., он рассматривает коллективные работы муравьев, шмелей и других животных и устанавливает, что в них нет разумного сотрудничества, что хлопоты, напр., многих муравьев над одним делом ведут к непроизводительной потере 75% труда и если в результате цель достигается, то это обусловлено одинаковостью инстинктов, а не планомерностью совместной работы.

Против «монизма» снизу Лёба, Бете и др., ведущего к устранению не только понятия разума, но и инстинкта, Вагнер выдвигает наблюдение деталей поведения личинок, гусениц, жуков и т.п. (напр., зигзагообразное движение), обнаруживающее необъяснимость сложного характера их поведения из асимметрии или симметрии действия внешнего раздражения на их тело и т.п.

Сам Вагнер является также горячим сторонником объективного метода, но он требует применения разнообразных и сложных модификаций его. Кроме физиологического метода необходимо пользоваться еще, указывает он, различными видами биологического метода, именно филогенетическим и онтогенетическим методом. При таком способе исследования не возникает ни монизм «сверху», ни монизм «снизу», потому что сравнению подвергаются особи данного вида друг с другом, затем с особями смежных видов и смежных родов. Установив путем сличения особей данного вида, напр., тип

³⁰ Вагнер В.А. Зоопсихология перед судом физиолога И.П. Павлова // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1917. № 3/5. С. I–XVI.

³¹ Вагнер В.А. Новые идеи в биологии. № 6. Биопсихология. СПб.: Образование, 1914. 139 с.

³² Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии: Т. 1–2. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1910–1913.

какого-либо инстинкта и его колебания (напр., при изучении строительного инстинкта тарантула – колебания глубины норы, направления ее формы, входного отверстия и т.п.), Вагнер рекомендует переходить с этим материалом в руках к филогенетическому методу, именно к сличению особенностей того же инстинкта у видов того же рода и т.д. для определения генетической связи между инстинктами близких по своему происхождению животных. Превосходным образцом этого метода и его плодотворности при решении различных вопросов может служить исследование гнезд пауков, произведенное Вагнером “*Industrie des Araneina*”, Труды Петрогр. академии наук³³). Конечная цель его исследования – установить путем изучения генезиса инстинктов филогению пауков, но на пути при этом разрешаются и другие вопросы, напр., вопрос о том, есть ли постройка пауков *Agroeca*, состоящая из двух камер, кокон или гнездо (стр. 302–304)³⁴. Филогенетический метод при решении таких вопросов есть лучший путь для установления того, имеем ли мы дело при развитии инстинктов с проявлениями «изобретательности», «догадливости» животных и т.п. или же со случайными отклонениями, подхваченными естественным отбором (304).

Онтогенетический метод служит для исследования эволюции индивидуальной психики. Пользуясь им Вагнер устанавливает глубокое различие между инстинктивной и разумною деятельностью: путем рассмотрения множества примеров, он старается установить положение, что в жизни особи не бывает развития инстинктов, а есть смена одних готовых наследственных инстинктов другими (напр., молодые тарантулы, живя на теле матери, при всяком перемещении оставляют конъюнктивную нить, а потом утрачивают этот инстинкт и, покинув тело матери, селятся сначала в оставленных углублениях земли, потом в небольших норах под камнями и, наконец, устраивают типические глубокие отвесные норы (351 с.), между тем как разумная деятельность изменяется постепенно и преемственно, т.е. с характером эволюции.

Во втором томе своего труда, посвященном исследованию инстинкта и разума, Вагнер, основываясь на своих и чужих наблюдениях, везде проводит мысль о коренном отличии инстинкта от разума, борется против теорий, выводящих инстинкт из разумной деятельности, превратившейся в привычку, а также против теорий, выводящих разумную деятельность из инстинкта, и настаивает на том, что обе эти способности возникают независимо друг от друга на основе рефлекса. Поведение беспозвоночных, по Вагнеру, все сводится к инстинктам; беспозвоночные не способны ни к индивидуальному опыту, ни к подражанию, ни к дрессировке, следовательно, вовсе не обладают разумом. «Неуверенность» и «колебания» в поведении беспозвоночных, описываемые Jennings'ом, он рассматривает не как «опыт», а как проявление несовершенства органов чувств. Некоторые другие доводы в защиту способности беспозвоночных к «опыту» (напр. прекращение актиниею реагирования на какое-либо повторное раздражение) он отвергает, усматривая в них смешение

³³ Wagner W. L'Industrie des araneina. Memoires l'academie des sciecnes de St.-Petersburg. VII serie. Tome XLII. № 14. St.-Petersburg, 1894. 269 p.

³⁴ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Т. 1. Биопсихология. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1910. 435 с.

явления физиологического утомления с психологическим процессом научения путем опыта.

Из экспериментальных исследований, произведенных самим Вагнером для установления различия между психическими процессами беспозвоночных и позвоночных особенно интересны наблюдения над памятью шмелей. Основываясь на них, Вагнер устанавливает следующие особенности памяти беспозвоночных: 1) память беспозвоночных строго ограничена кругом предметов и явлений, совокупность которых определяется законом крайней биологической необходимости; 2) память их мозаична (II, 307–319)³⁵; 3) запоминание устанавливается сразу, а не путем повторения, как у позвоночных животных, но зато и забывание происходит сразу, как только новое впечатление становится на место прежних (напр., при переносе гнезда шмеля прежнее место гнезда сразу забывается): «похоже на то, как будто у шмелей для записывания памяток имеется только маленькая дощечка, на которой может быть сделана только одна надпись, вследствие чего, чтобы сделать другую, надо стереть старую» (стр. 322).

Кроме указанных исследований Вагнера, нельзя не упомянуть еще о множестве экспериментов, произведенных им для разработки «сегментарной психологии», т.е. для изучения поведения сегментов тела червей и членистоногих (см. его «Вопросы зоопсихологии», 1896 г.)³⁶.

Настойчивые попытки строить чисто объективную психологию объясняются, во-первых, недоверием к данным самонаблюдения, и, во-вторых, сомнением в возможности иметь достоверные сведения о чужой душевной жизни. Именно в русской литературе проблема чужой одушевленности послужила темой специального обстоятельного исследования. Проф. Александр Ив. Введенский рассмотрел этот вопрос в сочинении «О пределах и признаках одушевления»³⁷ (1892 г.) и пришел к выводу, что объективных признаков чужого одушевления нет, что вопрос о чужом одушевлении теоретически неразрешим, и, следовательно, убеждение в чужом одушевлении обуславливается практическими мотивами, именно признанием нравственного долга, который «подразумевает существование чужого одушевления»³⁸ (103). Иными словами, проф. Введенский считает убеждение в чужом одушевлении не знанием, а нравственно обоснованной верой; он относит его к числу метафизических положений, к числу постулатов практического разума наряду с Кантовскими постулатами свободы, бессмертия души и бытия Бога (106).

Книга проф. Введенского вызвала в свое время оживленный спор, в котором приняли участие Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, кн. С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, *затем* Аскольдов и др. Одним из отголосков ее в наше время явилось историческое исследование И. Лапшина «Проблема чужого я в новейшей философии»³⁹ (1910), знакомящее с попытками гносеологического и психологического решения этого вопроса.

³⁵ Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Т. 2. Инстинкт и разум. Санкт-Петербург; Москва: т-во М.О. Вольф, 1913. 428 с.

³⁶ Вагнер В.А. Вопросы зоопсихологии. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1896. 255 с.

³⁷ Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.

³⁸ Там же.

³⁹ Лапшин И.И. Проблема «чужого я» в новейшей философии. СПб: Сенатская типография, 1909. 192 с.

В другом своем сочинении «О перевоплощаемости в художественном творчестве» (напечатано в сборниках «Вопросы теории и психологии творчества», т. V, 1914 г.⁴⁰) Лапшин пытается самостоятельно решить проблему психогенезиса идеи чужого одушевления путем учения о «качестве формы» (Gestaltqualität). «Когда я вижу чужое лицо», говорит Лапшин, «с известной экспрессией, я воспринимаю, скажем, n чувственных качеств (известную совокупность зрительных и моторных ощущений), но я воспринимаю эти n ощущений не как алгебраическую сумму безразличных друг к другу психических элементов – сверх n различных ощущений, я получаю еще $n+1$ -е чувство, которое соответствует комбинации или группировке этих элементов – то, что Эренфельс назвал качеством формы – Gestaltqualität. Таким образом, моментальная экспрессия человеческого лица схватывается мною сразу, как целое, вызывающее во мне, кроме n ощущений, $n+1$ -е чувство целостного впечатления (Totalimpression Гомперца), которое в силу прежних опытов произвольно ассоциируется у меня с настроениями и переживаниями, подобными душевным состояниям наблюдаемого мною лица. Последнее обстоятельство может и не иметь места: я могу видеть плачущего, переживать целостное впечатление от выражения его печали, и в то же время не заражаться симпатически его печалью. Целостное впечатление экспрессии ($n+1$ -е переживание) так тесно сплелось с телесными проявлениями, что мы проецируем этот добавочный психический процесс в тело другого человека. Мы видим печальную улыбку, счастливое выражение глаз, ревнивый взор, злобную усмешку. Подобно тому, как мы объективируем вторичные качества (цвета, вкусы, запахи и т.д.), так точно мы объективируем и целостные впечатления, хотя фактически их источник субъективный. Вот почему нам кажется; что мы прямо видим, интуитивно постигаем чужое Я, его переживания. Это иллюзия, но она неизбежна»⁴¹.

Вопрос о чужом одушевлении рассмотрен также в статье Н. Лосского «Восприятие чужой душевной жизни» (В журнале «Логос», 1914). Настаивая на психологической и гносеологической несостоятельности теории умозаключения по аналогии, а также теории вчувствования (Липпс), Лосский развивает учение о непосредственном восприятии (интуиции) чужой душевной жизни.

Проф. Введенский, вызвавший спор о признаках чужого одушевления, является также автором университетского курса психологии под заглавием «Психология без всякой метафизики»⁴² (3. изд. 1917 г.). В этой книге им развита система психологии в духе критицизма Канта. Под психологию без всякой метафизики проф. Введенский разумеет систему учений о психических явлениях в кантовском смысле этого слова, обходящуюся не только без понятия души, но и «без всякого учения о каких бы то ни было трансцендентных предметах» (II). Всякую активность проф. Введенский считает относящейся к трансцендентному миру, т.е. не данной в

⁴⁰ Лапшин И.И. О перевоплощаемости в художественном творчестве // Вопросы теории и психологии творчества (Пособие при изучении теории словесности в высш. и сред. учеб. заведениях). Т. V. Ч. 1. Теория творчества. Харьков, 1914. С. 161–262.

⁴¹ Там же. С. 236–237 (восстановлено редакторами).

⁴² Введенский А.И. Психология без всякой метафизики. Изд. 3-е, вновь испр. и доп. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 359 с.

сознании (144 с.). Поэтому он устраняет из психологии знания учение о мыслительных актах (141–145). Также и в волевых явлениях он отрицает специфический волевой элемент и находит, что «весь поток душевной жизни оказывается состоящим только из чувств, мыслей и ощущений» (309). С особенным вниманием он рассматривает вопрос о субъективности всего содержания восприятий и, приведя ряд доводов в пользу признания субъективности не только чувственных качеств, но и воспринимаемого пространства, поднимает вопрос, как объяснить то, что содержание восприятий тем не менее «невольно сознается нами, как что-то существующее само по себе, помимо душевной жизни» (131). Это явление проф. Введенский считает результатом объективирования продуктов душевной жизни, которое неизбежно должно совершаться, так как без него было бы невозможно сознание: в самом деле, сознание невозможно без самосознания, а согласно закону, установленному Кантом и Фихте «нет самосознания без сознания чего-нибудь, как своего не-Я» (132). Точно так же из условий возможности сознания проф. Введенский объясняет локализацию воспоминаний в прошлом. Он рассматривает ее как следствие двух следующих законов: «наше сознание подчинено форме времени» и «мы в состоянии сознавать время не само по себе, не помимо происходящих в нем событий, а не иначе, как созная происходящие в нем события» (258); но будущие события можно только ожидать на основании воспоминаний о прошлом, а настоящее есть не более, как граница между прошлым и будущим, следовательно, оно тоже может сознаясь только в связи с мыслью о прошлом и будущем; итак, в основе сознания времени должно лежать отнесение некоторых представлений к прошлому, и эти представления служат опорными пунктами для локализации во времени остальных представлений (258 с.). Своеобразный характер имеет учение проф. Введенского о чистой мысли, развитое им главным образом в связи с анализом состава общих представлений. Проф. Введенский полагает, что всякое общее представление состоит из единичного образа (предмета или слова), который «соединен с чистой мыслью об общности некоторых признаков, принадлежащих предметам, подходящим под переживаемое общее представление». Также и в единичных представлениях проф. Введенский находит элемент чистой мысли, именно – «как мысль о постоянстве некоторых признаков представляемого предмета» (169).

Перейдем теперь к психологам, отстаивающим самостоятельность и активность психической жизни. Здесь прежде всего следует отметить обстоятельный труд выдающегося педагога К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания» (2 тт., 1. Изд., 1867–69 гг.)⁴³. Не присоединяясь сполна ни к какой определенной философской школе, Ушинский в то же время не впадает в бесцветный и противоречивый эклектизм благодаря тому, что руководится живым свидетельством опыта. Он рассматривает душевный процесс, как продукт кооперации душевного и телесного фактора; посредством тонких наблюдений и соображений он разграничивает роль этих двух агентов в явлениях восприятия и воображения, памяти, чувства и воли. С особенным вниманием он останавливается на разнообразных явлениях чувства и

⁴³ Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогич. антропологии. Т. 1–2. СПб.: Тип. Ф.С. Ушинского, 1868–1869.

повергает их глубокому анализу. Чуткость Ушинского к тончайшим оттенкам внутренней жизни свидетельствует о чрезвычайном развитии духовности в самом авторе и придает его книге ценность, не убывающую с течением времени. Через несколько лет после книги Ушинского появилось сочинение Кавелина «Задачи психологии» (1872)⁴⁴, в которой развито учение о душе, как «самостоятельном и самодеятельном организме», способном к творчеству, прогрессу и свободе. Эту же тему разрабатывает и Н.Н. Страхов в своей книге «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886, 3 изд. 1904)⁴⁵. Но более всех потрудился над вопросами философии психологии профессор Московского Университета Л.М. Лопатин. В ряде статей, напечатанных в журнале «Вопросы философии и психологии» («Явление и сущность в жизни сознания» 1895 г. вып. 30)⁴⁶, «Понятие о душе по данным внутреннего опыта» 1896 г., 32⁴⁷, «Спиритуализм, как психологическая гипотеза» 1897 г., 38⁴⁸, «Реальное единство сознания» 1899 г., 49⁴⁹) Лопатин устанавливает, что единство душевной жизни не может быть единством «абсолютных явлений», т.е. явлений, лишенных субстанциальной основы: абсолютные явления были бы подвержены абсолютному исчезновению и были бы совершенно бессвязны. Только имея в своей основе субстанцию души явления душевной жизни способны образовать связное целое, в котором явления не моментально возникают и исчезают, а образуют процесс изменения, так что одни элементы связаны с другими причинно; сверхвременность Я есть необходимое условие сознавания им времени, памяти о прошлом и даже восприятия настоящего, как длительного целого (память есть *experimentum crucis* в пользу субстанциалистического, а не феноменистического учения о душевной жизни); всякое единство восприятия, всякий синтез, различение и т.п. предполагает в основе явлений субстанцию; сплошность душевной жизни и несостоятельность психологического атомизма также указывает на субстанциальную основу ее; наконец, наличием души, как субстанции, естественнее всего объясняется то, что каждое переживание сопровождается оценкою, ведущей к целесообразной деятельности. Субстанция не есть непостижимая трансцендентная вещь в себе, она имманентна явлениям: наблюдать душевное явление это и значит наблюдать саму душу, как субстанцию, потому что каждое явление есть сама субстанция души в одном из проявлений ее бытия. Психические явления не могут быть продуктом материи, так как в таком случае они были бы лишь явлениями явлений (эпифеноменами) и опять-

⁴⁴ Кавелин К.Д. Задачи психологии. Соображения о методах и прогр. психол. исслед. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1872. VIII, 239 с.

⁴⁵ Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1886. 317 с. Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1904. XVI, 238 с.

⁴⁶ Лопатин Л.М. Явление и сущность в жизни сознания // Вопросы философии и психологии. 1895. № 30(5). С. 619–652.

⁴⁷ Лопатин Л.М. Понятие о душе по данным внутреннего опыта // Вопросы философии и психологии. 1896. № 2(32). С. 264–298.

⁴⁸ Лопатин Л.М. Спиритуализм, как психологическая гипотеза // Вопросы философии и психологии. 1897. № 3(38). С. 486–534.

⁴⁹ Лопатин Л.М. Спиритуализм, как психологическая гипотеза // Вопросы философии и психологии. 1899. № IV(49). С. 600–623.

таки были бы лишены того характера единства и сплошности, который присущ душевной жизни. Таким образом, Лопатин является сторонником дуализма души и тела, однако это дуализм не картезианский, а лейбницианский монадологический: он полагает, что телесный процесс *есть* продукт деятельности монад, осуществляющих душевную жизнь, более элементарную, чем душа человека; из этого источника он выводит некоторые бессознательно возникающие продукты душевной жизни, напр. ощущения, некоторые стороны памяти и т.п. («К вопросу о бессознательной душевной жизни»; 1900 г. 54⁵⁰). Подводя итоги своим исследованиям, Лопатин утверждает, что душевная жизнь не есть функция движений мозга, она также не есть выделительная функция мозга, как говорят некоторые материалисты, тело играет в жизни духа гораздо более скромную роль, во-первых, преломляющей среды, а, во-вторых, возбудителя (подобно функции спущенного курка при выстреле), «Психология», 1903, стр. 131–133)⁵¹.

Психологу, отстаивающему самостоятельность психического бытия, вслед за проблемой субстанциальной основы психической жизни необходимо рассмотреть проблему психической причинности. Этому вопросу посвящен обширный труд В.В. Зеньковского «Проблема психической причинности», 1914. Рассмотрев с логической и гносеологической стороны вопрос о причинности вообще, Зеньковский приступает к исследованию психической причинности и дает следующую классификацию» (стр. 159) учений о ней: I. Точки зрения, отрицающие психическую активность (эпифеноменизм): 1. физиологический эпифеноменизм (Авенариус, Петцольд), 2. спиритуалистический эпифеноменизм (Гартманн, Дреус). II. Точки зрения, признающие психическую активность: 1. активность души феноменологически однородна с активностью материального мира: А) психика аналогична неорганическому миру – периферическая теория активности (Тен, Спенсер, Герберт, др.); В) психика аналогична органическому миру – а) актуальная теория (Вундт, Эббингауз, др.), в) центральная теория психической активности (Липпс, Лопатин, Бергсон, др.); 2) активность души феноменологически неоднородна с активностью материального мира – а) современные фиктеянцы, б) марбургская школа, с) Дильтей.

Сам Зеньковский, основываясь в особенности на исследовании явлений памяти, отстаивает органическое понимание психической жизни и устанавливает телеологический творческий характер психической причинности. Касаясь вопроса о законосообразности и свободе, он подчеркивает изначальность индивидуального субъекта, вследствие чего причинный психический процесс содержит в себе также сторону беспричинности (способности «начинать причинный ряд»); поэтому в учении о душевной жизни он сочетает относительный детерминизм с относительным индетерминизмом.

Среди направлений, отстаивающих самостоятельность и *активность* психического бытия, наиболее далеко идет волюнтаризм. В русской литературе волюнта-

⁵⁰ Лопатин Л.М. К вопросу о бессознательной душевной жизни // Вопросы философии и психологии. 1900. № IV(54). С. 743–757.

⁵¹ Лопатин Л.М. Курс психологии. Лекции, чит. на ист.-филол. фак. Имп. Моск. ун-та и на Высш. жен. курсах в 1903–1904 ак. г. / Проф. Л.М. Лопатин. М.: Типо-лит. Ю. Векер, 1903. 230 с.

ризм был одновременно с Вундтом развит проф. М.И. Владиславлевым («Психология», 2 тт., 1881)⁵². Во всех отделах своей «Психологии» Владиславлев обстоятельно доказывает волевой характер течения всех психических процессов. Восприятие зависит от воли, поскольку сознаваемость ощущений невозможна без внимания, а внимание есть, по Владиславлеву, волевой акт. Процессы памяти, воспоминание и забывание, обусловлены возрастанием энергии психических состояний или ослаблением ее (превращением психических состояний в бессознательные) и эти изменения энергии зависят не только от физиологических условий, но и от наших хотений, стремлений, наклонностей, т. е. от воли. Воля лежит также в основе построений воображения. Сам разум есть не что иное, как «познающая воля» (II. т. 341)⁵³. Наиболее обстоятельно разработал Владиславлев учение о чувствованиях, как выражении отношений воли к внешним и внутренним событиям. Наконец, основу природы человека Владиславлев видит во врожденных первоначальных положительных содержаниях души, «в виде определенных хотений и влечений» (II, 531)⁵⁴, из которых далее при содействии опыта развиваются все наклонности, стремления и страсти индивидуума.

Позже особая разновидность волюнтаризма была развита Н. Лосским («Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», 1. Изд. 1903)⁵⁵ на основе взглядов Вундта. Лосский подчеркивает, подобно Вундту, что его волюнтаризм признает качественное разнообразие и несводимость различных психических состояний по содержанию к одной какой-либо основе, но он настаивает на том, что порядок течения всех психических процессов один и тот же, именно - всякое изменение в душевной жизни протекает по типу волевого акта, т.е. состоит из стремления, действия и, наконец, достигнутой путем действия перемены, которая сопровождается чувствованием удовлетворения или неудовлетворения. Отличие взглядов Лосского от других видов волюнтаризма заключается в том, что он сочетает его с интуитивистическим учением о сознании, согласно которому знание о внешних предметах достигается путем непосредственного созерцания (интуиции) предмета в подлиннике; поэтому очень многие содержания сознания Лосский считает не принадлежащими к потоку душевной жизни индивидуума: будучи имманентны сознанию индивидуума, они тем не менее остаются трансцендентными субъекту сознания и наличествуют в сознании только как нечто наблюдаемое. Благодаря такому отграничению индивидуально-психического от других элементов *сознания* облегчается задача волюнтаризма доказать свой основной тезис, так как он сводится к при-

⁵² Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. 610 с.; 564 с.;

⁵³ Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. С. 341.

⁵⁴ Владиславлев М.И. Психология. Исследование основных явлений душевной жизни. Т. 1–2. СПб.: в тип. В. Безобразова и комп., 1881. С. 531.

⁵⁵ Лосский Н.О. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 300 с.

знанию наличности во всех процессах сознания лишь некоторой стороны, порождаемой активностью воли, и вовсе не утверждает, будто все содержание сознания создается актами воли индивидуального субъекта.

Вторая особенность волонтаризма Лосского, также вытекающая из его интуитивистического учения о сознании, заключается в том, что многие психические состояния он считает обусловленными не активностью самого Я, а деятельностью клеточек тела (нервных центров и т.п.). Поэтому, напр., Лосский резко различает «мои» стремления и стремления «во мне» (напр., физические *стремления голода и жажды и такие стремления самого нашего Я, как честолюбие и т.п.*), «мои» удовлетворения и неудовлетворения и физические удовольствия, и страдания и т.п. Считая таким образом душевную жизнь продуктом кооперации Я и тела, он объясняет нарушением гармонии между ними различные патологические явления. Эмоции в большей части их проявлений он считает психическими рудиментами инстинктивных актов, бывших целесообразными в жизни предков человека. Наконец, опять таки на почве интуитивистического учения о сознании, Лосский рассматривает жизнь личности как результат сочетания стремлений Я не только со стремлениями тела, стоящими шире человеческой личности, но и стремлениями сверхличными, сверхиндивидуальными, присущими мировому целому (социальными, нравственными, эстетическими, религиозными); основываясь на этом различии коренных стремлений различных личностей, он дает классификацию характеров, распределяя их в три группы – чувственных, эгоцентрических и сверхличных характеров (т.е. ведущих жизнь ниже, чем личную и сверхличную); явление это соответствует трем царствам бытия – физическому, душевному и духовному.

Проблему связи душевных и телесных явлений Лосский решает путем построения теории, которую он называет монистической теорией взаимопределения психических и физических явлений (в книге «Мир как органическое целое», 1917⁵⁶ и в брошюре «Материя в системе органического мировоззрения»⁵⁷). Она имеет монистический характер, так как исходит из утверждения, что психические и материальные процессы суть действия одной и той же субстанции; материальный процесс при этом рассматривается в духе динамизма, как проявление сил отталкивания и притяжения; так как одна и та же субстанция обладает и психическими состояниями и деятельностями отталкивания и притяжения, то естественно допустить, что психические состояния (стремления) определяют направление, в котором совершаются усиления или ослабления отталкиваний и притяжений; основываясь на своем учении о взаимодействии между субстанциальными деятелями, Лосский утверждает, что его теория влияния психического процесса на физический не ведет к отрицанию закона инерции и закона сохранения энергии (стр. 113–131)⁵⁸.

Основная тема психологии вопрос в том, что такое душевность (психическое), как она отличается от духовности и от физического и как все эти три царства сочетаются в единстве жизни человека, обстоятельно разработана в книге С.Л. Франка

⁵⁶ Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 169 с.

⁵⁷ Лосский Н.О. Материя в системе органического мировоззрения. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. 28 с.

⁵⁸ Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. С. 113–131.

«Душа человека. Опыт введения в философскую психологию»⁵⁹, 1917. Чтобы найти типичное душевное, Франк предлагает вспомнить, что мы переживаем, когда «после утомительных и беспокойных занятий дня мы в сумерках прилегли на диван и, ни о чем не думая и не заботясь, не руководя целесообразно ходом нашего сознания, безвольно отдались той неведомой и близко знакомой нам, всегда присутствующей в нас стихии, которую мы зовем нашей душевной жизнью». Тогда «в нас начинается особая жизнь», в которой теряется различие между я и внешним миром, между прошлым и настоящим, существующим и воображаемым; мы находимся в безбрежном океане бесформенного бытия. Это непосредственно переживаемое субъектное бытие и есть душевное бытие; оно не есть знание, мало того, оно даже не есть сознание, а составляет одно из условий сознания. Бесконечный океан душевного есть тот фонд, на котором вырастают островки опознанного бытия, чувственно-предметного мира в нашем сознании, а также строится духовная практическая деятельность (нравственная, эстетическая, религиозная). Бесконечность душевного бытия, непосредственно сливающаяся с целым миром, обнаруживается отчетливо в стоящих над нею высших деятельности теоретической и духовной практической: человеческое знание способно охватить весь мир, а его идеальный сверхвременный характер свидетельствует о том, что в основе его лежит слияние индивидуального я с сверхиндивидуальным разумом (171); точно так же духовно-практическая деятельность субъекта возможна лишь постольку, поскольку индивидуум укоренен в абсолютном (194). Таким образом, душа человека действительно есть безбрежный океан: она объемлет всю мировую бесконечность в индивидуализированном виде, она есть микрокосм (188).

Чтение книги Франка, с абсолютной убедительностью показывает, что человек, поскольку он помещается в кресле, есть на самом деле лишь бесконечно малая сторона человека; эта маленькая фигурка есть как бы форточка, заглянув в которую, мы попадем в бесконечность, объемлющую по-своему весь мир, и эта бесконечность и есть подлинный человек. В философии часто устанавливается это положение. Таково, напр., учение Лейбница. Однако оно высказывается в слишком отвлеченной форме. Живое конкретное видение истины, что душа есть микрокосм, составляет величайшее достоинство книги Франка. В этом отношении она стоит на одном уровне с книгой Бергсона «Время и свобода воли» (“Essai sur les données immédiates de la conscience”), которая заставляет читателя воочию созерцать душевную жизнь, как живое творящееся бытие, а не как мертвую связку отдельных ощущений и ассоциированных воспоминаний.

Ценное учение о «Сознании, как целом» дано в статье С.А. Алексеева под этим заглавием⁶⁰. Алексеев подчеркивает трехчленность всякого факта сознания:

⁵⁹ Франк С.Л. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. Петроград: Б. и., 1917. VIII, 252 с.

⁶⁰ Алексеев (Аскольдов) С.А. Сознание как целое: Психол. понятие личности. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1918. 54 с. (см. также Аскольдов С.А. Сознание как целое // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 2. С. 209–232; Аскольдов С.А. Сознание как целое // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 3–4. С. 421–450.)

наличность субъекта, объективированного состояния и переживания этого состояния. Переживанием он называет динамическую сторону сознания, в которой переживается процесс внутреннего изменения бытия, как выходящего из "я" или входящего в «я» (этот момент соответствует более или менее тому, что функциональная психология называет функцией). Наиболее близко к «я» то в сознании, что наиболее отождествляется с «я», наиболее непрерывно и непосредственно соединено с ним; с этой точки зрения можно наметить в сознании «четыре легко различаемые (по ситуации) области: 1) самое «я» или объединяющий центр сознания; 2) чувства и проявления воли; 3) познавательные содержания мыслей; 4) ощущения и вообще содержания внешних восприятий». Во второй, третьей и четвертой области возможны два динамических направления, центробежное и центростремительное. Таким образом, комбинируя для различения элементов сознания два признака – статическое измерение глубины (ситуация в отношении к «я») и динамический знак – Алексеев получает семь групп элементов сознания. Переходя затем к вопросу о личности, Алексеев намечает, кроме указанного выше относительного понятия глубины (в отношении к я), еще понятие глубины абсолютной, именно большее или меньшее удаление сознания «от внешностей физического мира» независимость его от этого мира и большее или меньшее отождествление личности с областью «моральных, эстетических и мысленных оценок и связанных с ними чувств и избраний».

Своеобразную систему «Эмоциональной психологии» построил известный представитель философии права Л. Петражицкий («Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология», 1905)⁶¹. Первичною, основною формою психических явлений он считает двусторонние, пассивно-активные, страдательно-моторные переживания, как, напр., голод, жажда и т.п., которые он называет словом эмоция или (импульсия, и *репульсия*, 221). Из этих переживаний развиваются далее путем дифференциации односторонние переживания, именно односторонне-пассивные (познавательные и чувственные) и односторонне-активные (волевые). Для яркого обнаружения эмоций и содержащихся в них импульсивных и репульсивных элементов Петражицкий рекомендует в особенности метод противодействия (273) и метод «дразнения» (278). Он проявляет необычайно богатую фантазию и изобретательность в отыскании средств для возбуждения эмоций, рекомендуя, напр., хотя бы только совершить покушение ступить на покатуую ледяную поверхность, наступить босой ногой на острый предмет, на человеческие выделения, сделать в дамском обществе что-либо неприличное, съесть ложку червей или жаркое, облитое одеколоном, впустить птичку или мышь в классную комнату, где находятся дети, и т.п. Мощные импульсии и репульсии, возникающие в этих случаях, дают Петражицкому повод для интересных соображений о влиянии эволюции предков и борьбе за существование на строение психической жизни человека.

Обозревая изложенные труды русских психологов, можно прийти к мысли, что они делятся на две группы, из которых каждая доводит до последней степени

⁶¹ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлих, 1905. 311 с.

крайности определенный тип философско-психологических построений: одни отстаивают механистическое понимание поведения человека и заменяют психологию физиологиею, другие, наоборот, являются крайними сторонниками антимеханистического учения. В этом можно усмотреть типичную особенность русского ума доводить до последней крайности развитие какого-либо одностороннего тезиса и делиться на непримиримо враждующие между собой партии. В действительности, однако, положение более сложно. В тех областях мышления и жизни, где стоят резко противоположные друг другу крайности, обыкновенно намечается и нечто третье, именно синтез, более или менее органически сочетающий крайности в едином высшем целом. И в русской психологии искания и более или менее полные достижения такого синтеза ясно намечены во всех тех системах психологии, которые стремятся понять жизни личности, как продукт кооперации души и мира. Сторонники таких систем следят с сочувственным вниманием за лабораторными исследованиями физиологов, ценя открываемые ими факты и не соглашаясь лишь с некоторыми чертами истолкования этих фактов.

К сфере таких синтезирующих учений относятся, кроме некоторых перечисленных выше систем психологии, также та система, которая намечается в трудах психолога и психиатра А.Ф. Лазурского (умер в 1917 г.). Лазурский занимался психологией не только на основе наблюдения, но и эксперимента. Во всех трудах своих он обнаруживает склонность, занимаясь анализом психических явлений и восходя к высшим обобщениям, не терять из виду конкретной полноты психического бытия и близости к жизни. Особенно интересны его попытки создать метод исследования, называемый им естественным экспериментом. (Доклад на первом съезде экспериментальной педагогики 1910 г.; последняя глава книги «Школьные характеристики», 2 изд. и др.)⁶². Естественный эксперимент состоит в изучении личности «среди фактов обыденной жизни», «не в лабораторной, а в обычной житейской обстановке». Этот метод есть переходная форма от лабораторного эксперимента, к простому наблюдению. Он отличается от простого наблюдения тем, что изучаемые явления вызываются по желанию исследователя (причем исследуемый не знает, что он подвергается эксперименту) и тем, что факторы, обуславливающие возникновение явления и способные влиять на его развитие, заранее предусмотрены и учтены, насколько это возможно в сложной житейской обстановке. Такой характер естественного эксперимента можно придать, напр., школьному уроку (статьи в «Русской школе», «Вестнике воспитания» и «Вестнике психологии» – Вальватъевой и др.)⁶³.

⁶² Лазурский А.Ф. Школьные характеристики. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: К.Л. Риккер, 1913. С. 202–212. (214 с.)

⁶³ Прим ред.: Кавычки добавлены редакторами. Вероятно, Лосский имеет в виду следующие статьи: Канаев И.С. Значение подвижных игр и гимнастики с точки зрения естественного эксперимента // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1916. Т. XII. Вып. 2–3. С. 14–42. Лепилов К. Графическая подготовка учащихся // Русская школа. Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. 1914. № 5–6. Май–Июнь. Отдел I. С. 38–42. Вальватъева Л.Н. Экспериментальные уроки по природоведению // Вестник воспитания. 1913. Т. XXIV. № 5. С. 44–82. Кенигсберг-Коварская Е.А. Экспериментальные уроки, как один из

Хороший образец применения к делу естественного эксперимента дан в статье А. Лазурского и Л. Философовой «Естественно-экспериментальные схемы личности учащихся» («Вестник воспитания», 1916 г., № 6)⁶⁴.

Стремясь сохранить близость к конкретной жизни, Лазурский всегда рассматривает личность в связи со средой; соответственно этому он различает в составе личности эндопсихику и экзопсихику, т.е. субъективный и объективный фактор. Это деление отчасти соответствует делению на акты и содержания или на функции и явления, производимому интенционализмом и функционализмом. Изучая субъективный фактор Лазурский пришел к убеждению, что кроме переходящих субъективных действий, необходимо еще признать существование способностей или наклонностей, как устойчивой основы действий (см. статьи его «Теория способностей в современной психологии», *Вопр. фил.*, 1909, вып. 100⁶⁵; «Душевные способности как основные биологические функции», 1910, 101⁶⁶; «Значение гипотезы способностей для эмпирической психологии», 1910, 102⁶⁷). В связи с этим вопросом он заинтересовался проблемою психической активности и организовал с помощью своих учеников ряд экспериментальных исследований («К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные, *Вопр. фил.* 1916, 134⁶⁸). Проблема, интересующая Лазурского, состоит в том, можно ли ограничиться при объяснении «детерминирующих тенденций» волевого акта только ссылкой на представления цели, как это делает напр. Ах, придавая теории воли интеллектуалистический характер, или же необходимо признать также наличность волевого усилия и выдающееся значение его (стр. 204, 246). Для решения этого вопроса он прибегает, во-первых, к методу корреляции (Спирмана и Крюгера) и, во-вторых, в особенности, к методу последовательного действия, состоящему в использовании явлений «установки» (в широком значении этого термина), именно в изучении действия, оказываемого следами только что закончившегося интенсивного процесса на другой процесс, родственный ему, или индифферентный» (229). Опыты эти привели к различению двух типов активности – в форме общего разлитого нервно-психического возбуждения и в форме сосредоточенного волевого усилия (233 с., работа Малевича). Кроме того, они содержат в себе намеки на то, что в активных волевых функциях есть, кроме «представления цели» еще особая активная волевая функция (237 с., 249). К сожалению, смерть положила предел дальнейшей разработке этого вопроса А.Ф. Лазурским.

приемов естественного эксперимента // Русская школа. Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. 1913. № 4. Апрель. Отд. II. С. 1–25.

⁶⁴ Лазурский А.Ф. Философова Л. Естественно-экспериментальные схемы личности учащихся // Вестник воспитания. 1916. № 6. С. 1–51.

⁶⁵ Лазурский А.Ф. Теория способностей в современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100. С. 722–756.

⁶⁶ Лазурский А.Ф. Душевные способности как основные биологические функции // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 101. С. 39–78.

⁶⁷ Лазурский А.Ф. Значение гипотезы способностей для эмпирической психологии // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102. С. 113–140.

⁶⁸ Лазурский А.Ф. К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 201–251.

Интересуясь конкретной жизнью и особенно социальными проявлениями личности, Лазурский особенно обстоятельно занимался характерологическими исследованиями («Очерк» науки о характерах»⁶⁹, «Школьные характеристики»⁷⁰, «Об изучении индивидуальности»⁷¹, «Классификация личностей»⁷²), которые закончились построением «Классификация личностей». Свою классификацию Лазурский называет психо-социальной: она основана на принципе «активного приспособления личности к среде» (причем под средой разумеется и природа, и общество, и духовные ценности) и устанавливает в зависимости от ступеней приспособления три уровня личностей: низший – лица, недостаточно приспособленные к среде, средний – приспособившиеся, высший – лица, приспособляющие среду, т.е. творчески преобразующие ее. Каждый из уровней подразделяется на две группы: на группу «чистых» типов и группу более или менее соответствующих им «извращенных» типов. Извращенные типы возникают в тех случаях, когда «прирожденные задатки и склонности человека, не встречая благоприятных условий для его естественного развития и удовлетворения, заставляют своего обладателя искать искусственных путей для достижения той же цели и, таким образом, получается то или иное искажение чистого типа»; вследствие несоответствия внешних условий внутреннему складу личности получается дисгармония между эндопсихическими и экзопсихическими проявлениями личности, так, напр., человек созерцательного типа волею судеб делается администратором и т.п., поэтому значительная часть действий таких лиц биологически нецелесообразны или даже вредны или для них самих, или для окружающих. Чтобы дать более ясное понятие об этой классификации, приведу подразделения низшего типа вместе с образцами их, которые Лазурский заимствует из художественных произведений: I. Чистые типы: 1. рассудочные (напр. Берг из «Войны и мира»), 2. аффективные, а. подвижные, (напр. Хохлакова из «Братьев Карамазовых»), б. чувственные (Петр Петрович Петух из «Мертвых душ»), с. мечтатели (Манилов или Валентин из «Слуг старого века» Гончарова), 3. активные, а. энергичные низшего порядка (напр. Ноздрев или Анатолий Курагин из «Войны и мира»), б. покорно-деятельные (напр. Акакий Акакиевич), с. упрямые (напр. Григорий из «Братьев Карамазовых»). Им более или менее параллелен [за исключением пассивных] следующий ряд извращенных типов: 1. расчетливые эгоисты (напр. Семен Иванович Толоконников из «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского), 2. аффективные извращенные (напр., Фуфасев из «Переселенцев» Григоровича и Исая Фомич Бумштейн из «Записок из мертвого дома»), 3. активные извращенные, а. беспорядочные насильники (напр. Николка Гвоздев из «Озорника» Горького) б. и сосредоточенно-жесткие (напр. нищий Верстан из «Переселенцев»), 4. пассивные, а. апатичные (напр. Лубков из «Растеряевой улицы»), б. безвольные (напр. Тимофей Демьянов из «Переселенцев»).

В классификации Лазурского особенно ценно то, что она намечает бесчисленное количество переходов от одних типов к другим и выясняет действительные и

⁶⁹ Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1906. [2], VIII, 307 с.

⁷⁰ Лазурский А.Ф. Школьные характеристики. СПб.: Сенат. тип., 1908. 228 с.

⁷¹ Публикация не найдена.

⁷² Лазурский А.Ф. Классификация личностей /под ред. М.Я. Басова и В.Н. Мясищева. Петроград: Гос. изд-во, 1922. 401 с.

возможные пути развития личности, глубоко изменяющие ее облик. Поэтому она имеет не только теоретическое, но и высокое практическое значение в особенности для педагога, а также для общественного и государственного деятеля, для законодателя, судьи, лица, заведующего пенитенциарным учреждением и т.п. К сожалению, последняя часть работы, *исследование* типов высшего уровня, смерть помешала Лазурскому довести до конца.

Книга издана после кончины А.Ф. Лазурского под редакцией его учеников М.Я. Басова и В.Н. Мясищева (при жизни Лазурского часть книги была напечатана в журнале Мин. Народн. Просвещения, 1915 г. №№ 5–8, 1916 г. №№ 7 и 8)⁷³.

(лист утрачен)

рит Басов, «ничего не производит», «она – исключительно организующее начало, благодаря которому система становится именно системой, а не хаосом сил, действующих каждая по своему произволу» (817). В этом смысле волевая функция выделяется из ряда всех других, «становится как бы неравноценной им» (817). Различие между мертвою и живою природою, по мнению Басова, главным образом заключается именно в том, что в первой господствует «принцип соотношения равноценных сил», а во второй – принцип соотношения неравноценных сил» (817). Ценное общее исследование реакций человека, свободное от односторонностей школы рефлексологов дано К.Н. Корниловым в его книге «Учение о реакциях человека с психологической точки зрения» («Реактология»)⁷⁴. В своем труде К.Н. Корнилов пытается в заключительной его части подойти к рассмотрению основных философских проблем психологии, и потому я рассматриваю его здесь в первой части своей статьи. Корнилов исследует реакции с трех сторон: он изучает «временный момент, как показатель быстроты протекания реакции во времени» (хронометрический метод), «динамический момент», т.е. силу реакции (динамометрический метод) и «моторный момент», который характеризует форму движения, получающую свое численное выражение, во-первых, в величине пройденного пути реагирующим органом, во-вторых, в скорости движения этого органа и, наконец, в третьих, во времени движения» (метод исследования формы движения, стр. 22 с). Все реакции человека Корнилов сводят к семи основным формам. Эта «гамма реакций», в порядке возрастающей сложности про-

⁷³ Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 57. [№ 5]. Май. Отд. По народному образованию. С. 26–68; Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 57. [№ 6]. Июнь. Отд. По народному образованию. С. 168–205. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 58. [№ 7]. Июль. Отд. по народному образованию. С. 1–27. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Новая серия. Ч. 58. [№ 8]. Август. Отд. по народному образованию. С. 129–189. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения 1916. Новая серия. Ч. 64. [№ 7]. Июль. Отд. по народному образованию. С. 1–47. Лазурский А.Ф. Классификация личностей // Журнал Министерства народного просвещения 1916. Новая серия. Ч. 64. [№ 8]. Август. Отд. по народному образованию. С. 127–152.

⁷⁴ Прим. Лосского: цитирую по изданию, напечатанному в ограниченном количестве экземпляров на пишущей машинке. М., 1921. Прим. ред.: Имеется в виду: Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения: («Реактология»). Эксперимент.-психол. исслед. из Лаб. Психол. науч.-исслед. ин-та при Моск. ун-те. М.: Гос. изд., 1921. 228 с.

цесса, такова: 1. натуральная реакция (реакция в условиях, наиболее близких к естественному состоянию испытуемого); 2. мускульная реакция (с установкой внимания преимущественно на движения); 3. сенсорная реакция; 4. реакция различения; 5. реакция выбора; 6. реакция узнавания; 7. ассоциативные реакции (стр. 33 с.)⁷⁵.

Дополняя хронометрическое исследование методом динамометрическим, а также методом исследования формы движения, К.Н. Корнилов устанавливает следующие свойства натуральной реакции:

1. «Каждый субъект имеет определенную природную склонность к ускоренному или замедленному типу реагирования при сильной или слабой затрате энергии.

2. Соотношение двух основных моментов реакции – быстроты и силы – служит наглядною характеристикой активного или пассивного склада натуры того или другого индивида.

3. В корреляции между временем реакции, с одной стороны, и количеством затрачиваемой энергии, а также и формой движения – с другой, не существует никакой однозначной зависимости.

4. В корреляции динамической стороны реакции и формы движения существует полный параллелизм: с увеличением затраты энергии при движении увеличивается также и пройденный путь и средняя скорость движения, однако, при мало изменяющемся времени движения»⁷⁶ (стр. 137 с.).

Натуральная реакция оказывается не основной формой реакции, стоящей по середине между двумя крайностями – моторною и сенсорною реакцией; она есть у каждого индивидуума «вариация одной из крайних форм реакции, однако никогда не совпадающая с ними»⁷⁷ (154).

Исследуя переход одного типа реагирования к другому, Корнилов устанавливает следующие положения:

1. «Лица, с природною склонностью к медленному и слабому способу реагирования (сенсорно-пассивный тип) легче всего переходят к противоположному способу реагирования, т.е. к быстрой и сильной реакции.

2. Лица, с природной склонностью к медленному и сильному способу реагирования (сенсорно-активный тип), легко ускоряют свои реакции, но с трудом делают их менее интенсивными.

3. Лица, с природной склонностью к быстрому и слабому способу реагирования (мускульно-пассивный тип) легко усиливают свои реакции, но с большим трудом замедляют их, и, наконец,

4. Лица, с природной склонностью к быстрому и сильному способу реагирования (мускульно-активный тип) труднее всего способны перейти к противоположному способу реагирования, т.е. к медленной и слабой реакции» (стр. 168)⁷⁸.

Изучение реакций различения, допускающих большие вариации в смысле сложности реакции *привело Корнилова* к следующим выводам: «при усложнении реакции в количестве предъявляемых раздражений и при установке реагировать лишь

⁷⁵ Описываемые Лосским данные см. в опубликованной книге К.Н. Корнилова: С. 22–23.

⁷⁶ Приведенную цитату см.: С. 81–82.

⁷⁷ Приведенную цитату см.: С. 91–93.

⁷⁸ Приведенную цитату см.: С. 99–100.

после отчетливого различения этих раздражений, время реакции удлиняется, тогда как величина затрачиваемой в движении энергии, а также общая сумма движения и скорость этого движения уменьшаются»⁷⁹ (192). Аналогичные положения установлены им также и для реакции выбора, для реакции узнавания и для ассоциативных реакций. На этом основании он считает возможным установить принцип «однополюсной» траты энергии, сущность которого такова: «мыслительная деятельность и внешнее проявление движений находятся в обратном отношении друг к другу: чем более усложняется и напрягается мыслительный процесс, тем менее интенсивным становится внешнее выявление движения»⁸⁰ (стр. 209).

Определяя разность энергии, затраченной индивидуумом в движении при простых и сложных реакциях, и притом вычисляя не абсолютную, а относительную величину этой разности, Корнилов вслед за Леманом, рассматривает ее как коэффициент работы, как «численный показатель произведенной психической деятельности» (232). Психический процесс он рассматривает таким образом, как один из видов энергетического процесса (234 с).

Результаты своих исследований К.Н. Корнилов пытается применить к трудовым процессам человека, следуя тенденции, выдвинутой пролетарской революцией в России, подчеркивать во всякой науке ее прикладное значение. Соответственно гамме реакций он устанавливает гамму трудовых процессов: 1. натуральный тип трудовых процессов (напр., труд технического персонала в учреждениях – сторожа, горничной и т.п.); 2. мускульный тип (напр., молотобоец); 3. сенсорный тип (напр., портной); 4. труд типа различения (напр., наборщик), 5. труд типа выбора (напр., вагоновожатый); 6. труд типа узнавания (напр., корректор); 7. труд типа ассоциаций⁸¹. Опираясь на вышеустановленное положение, согласно которому «переход от периферической траты энергии к центральной трате энергии происходит с большим трудом, нежели обратный процесс»; Корнилов в прикладной части своего исследования выражает эту же мысль в форме утверждения, что «создать из интеллигентного человека, представителя физического труда более легкая задача, нежели из профессионала физического труда создать интеллигентного человека» (254)⁸².

Считая задачей правильной воспитания синтез центральной и периферической траты энергии, т.е. равномерное сочетание физической работы и умственного труда, Корнилов обращает внимание педагога современной Трудовой Школы, задающейся этой целью, на то, что этот синтез не достижим в форме одновременного слияния физического и умственного труда: «синтез теории и практики, науки и труда достигается не их одновременным слиянием воедино, а планомерным и последовательным переходом от одного к другому»⁸³ (стр. 274).

⁷⁹ Приведенную цитату см.: С. 112.

⁸⁰ Приведенную цитату см.: С. 122.

⁸¹ Описываемые Лосским данные см.: С.143–149.

⁸² Приведенную цитату см.: С. 151.

⁸³ Приведенную цитату см.: С. 161.

УДК 1(47)(091)

ББК Ю3(2)63-8

Максим Викторович Медоваров

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Россия, Нижний Новгород, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

Нижегородский этап в философском развитии А.Ф. Лосева

Аннотация. Рассматривается нижегородский этап в жизни и деятельности А.Ф. Лосева. Предлагается не только его фактографическое описание (1919–1921 гг.), но и его качественная характеристика как особого периода развития философских взглядов мыслителя. Дается пространная характеристика истории изучения работы Лосева в Нижегородском государственном университете и Нижегородском институте развития образования. Отмечается вклад историков и публикаторов документов (Н.Ю. Стояхина, Е.А. Тахо-Годи) в современное состояние исследований данной темы. Определяется корпус текстов Лосева, которые могут быть отнесены к «нижегородским». Он включает в себя четыре статьи и доклада, одну записку, четыре учебные программы, одну автобиографию, а также ряд не дошедших до нас произведений, известных только по названию. Отмечены некоторые стилистические особенности этих лосевских работ. Сделан вывод об исчезновении из творчества философа этого периода некоторых предыдущих тем (экспериментальная психология, музыковедение, платонизм, прямые политические высказывания), о расширении методов его исследований и возникновении новых сфер его интересов. На примере конкретных произведений отмечены некоторые мотивы, появившиеся в нижегородский период в сочинениях Лосева впервые, которые позднее окажутся в центре его внимания в произведениях 1920-х и даже 1960-х гг. Выделены три направления творчества Лосева в нижегородский период: философия религии и мифологии; философские основы педагогики; философия языка и литературы в античном мире. Содержание сочинений каждого из трех блоков и их место в становлении Лосева как философа раскрывается отдельно.

Ключевые слова: педагогические взгляды А.Ф. Лосева, философия языка А.Ф. Лосева, философия мифа А.Ф. Лосева, история Нижегородского государственного университета

Maksim Viktorovich Medovarov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Information Technologies in Humanitarian Research, Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: mmedovarov@yandex.ru

**The Nizhny Novgorod Stage
in the Philosophical Development of Alexey Losev**

Abstract. The article examines the Nizhny Novgorod stage in the life and work of Alexey F. Losev (1919–1921). It offers not only a factual description of this stage but also its qualitative characterization as a distinctive period in the development of the thinker's philosophical views. An extensive review of the history of Losev's work at Nizhny Novgorod State University and the Nizhny Novgorod Institute for Educational Development is provided. The contributions of historians and document publishers (N.Yu. Stoyukhina, E.A. Takho-Godi) to the current state of research on this topic are highlighted. A corpus of Losev's texts that

can be classified as belonging to the Nizhny Novgorod period is identified. It includes four articles and reports, one note, four curricula, one autobiography, and a number of lost works known only by title. Several stylistic features of these Losev works are highlighted. The conclusion is made that some previous themes (experimental psychology, musicology, Platonism, and direct political statements) disappeared from the philosopher's work during this period, while his research methods expanded and new areas of interest emerged. Using specific works as examples, it is shown how certain motifs first appeared in Losev's writings during his Nizhny Novgorod period, which would later become central to his works in the 1920s and even the 1960s. Three areas of Losev's work during 1919–1921 are identified: the philosophy of religion and mythology; the philosophical foundations of pedagogy; and the philosophy of language and literature in ancient Greece and Rome. The content of the works in each of the three blocks and their place in Losev's development as a philosopher are explored separately.

Key words: Alexey Losev's pedagogical views, Alexey Losev's philosophy of language, Alexey Losev's philosophy of myth, history of Nizhny Novgorod State University

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.2.180-193

Масштабные празднования 110-летия высшего образования в Нижнем Новгороде (история которого начинается с открытия Нижегородского народного университета в 1916 г.), проходящие сейчас в стенах ННГУ имени Н.И. Лобачевского, спровоцировали новый виток обсуждений спорных и неясных моментов в нижегородском этапе жизни А.Ф. Лосева. Как известно, великий философ впервые в своей жизни стал профессором в марте 1919 г. – в начальный период своей работы на историко-филологическом факультете Нижегородского государственного университета в 1919–1921 гг. (позднее звание было подтверждено Главным ученым советом РСФСР в 1923 г.). К этому этапу его жизни, когда ученый был вынужден периодически путешествовать между Москвой и Нижним Новгородом, относятся несколько написанных им философских работ, а также учебных программ. К сожалению, ни фотографий, ни писем А.Ф. Лосева, ни каких-либо развернутых его воспоминаний о нижегородской жизни данного периода не сохранилось. Несмотря на интерес ряда исследователей к этому периоду жизни философа, можно уверенно сказать лишь о том, что в научный оборот введены многие факты и события, относящиеся к педагогической работе Лосева в Нижнем Новгороде (сначала в НГУ¹, а затем также в НИРО – предшественнике нынешнего НГПУ им. К. Минина). Однако до сих пор в науке не поставлен вопрос о философских сочинениях Лосева, относящихся к нижегородскому этапу. Каков их перечень? Можно ли выделить в них какие-то специфические черты, отличающие их от произведений других периодов творчества великого русского мыслителя? Постараемся ответить на эти вопросы с учетом достижений исследователей и публикаторов документов по данной теме.

¹ Первый Нижегородский государственный университет, существовавший с 1918 по 1930 гг., принято сокращать как НГУ. Для периода 1931–1990 гг. официальным сокращением является ГГУ, а с 1990 г. до наших дней – ННГУ.

Фактографические изыскания, посвященные двум годам работы А.Ф. Лосева (и других московских учеников Г.И. Челпанова – Н.В. Петровского, П.С. Попова) в недавно открытом Нижегородском государственном университете, начал А.П. Чернов². В фундаментальной монографии А.А. Тахо-Годи этой теме уделено около трех страниц, на которых лишь упомянуто содержание доклада философа о религиозном воспитании детей, сделанного в НГУ в 1921 г., и дана ссылка на напечатанный сборник учебных программ университета 1918/19 уч. год³. Здесь же дана характеристика НГУ как демократичного вуза, в который принимали всех достигших 16 лет без экзаменов; перечислены дисциплины, которые вел в Нижнем Новгороде Лосев, отмечена работа пианистов, сопровождавших его лекции по философии музыки, а также значимость программы курса «Античность как тип культуры»⁴. «Жизнь приехавшей ученой молодежи была крайне насыщена. Вели большую культурную работу, кроме обычных лекций, устраивали кружки, дискуссии, делали доклады, спорили. Лосев с увлечением просвещал нижегородцев музыкальной классикой», – пишет А.А. Тахо-Годи [2, с. 76]. Также она цитирует неопубликованные письма В.М. Соколовой, невесты мыслителя, А.Ф. Лосеву из Москвы в Нижний Новгород⁵. В 2009 г. М.В. Медоваров на основе местных данных попытался (во многом предположительно) уточнить, где в нижегородский период проживал А.Ф. Лосев⁶.

Прорыв в деле изучения работы Лосева в НГУ связан с именем Н.Ю. Стоюхиной, которая вписала эту проблему в контекст тогдашней жизни университета и в 2011 г. опубликовала ряд архивных документов (автобиографию Лосева, его учебные программы) из Центрального архива Нижегородской области⁷. В монографии 2013 г. исследовательница рассмотрела статьи, написанные философом до приезда в Нижний Новгород, а также работу в НГУ его друзей и коллег: Н.С. Петровского и П.С. Попова⁸. Было уделено минимальное

² См.: Чернов А.П. Ученики Г.И. Челпанова на педагогической работе в Нижегородском университете // Актуальные проблемы психологии и образования: материалы II региональной науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 252–255 [1].

³ См.: Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 60–63 [2]. Сам сборник учебных программ НГУ не обнаружен в библиотеках. По всей видимости, он сохранился лишь в архивном экземпляре в ЦАНО.

⁴ Там же. С. 75–77.

⁵ Там же. С. 80–81. Эти письма остаются неопубликованным и находятся в архиве Лосева до сих пор.

⁶ См.: Медоваров М.В. Нижегородские адреса А.Ф. Лосева // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 9. М.: Водолей, 2009. С. 89–90 [3].

⁷ См.: Стоюхина Н.Ю. Становление гуманитарного образования в Нижегородском университете: 1919–1921 гг. // Вестник Нижегородского университета. 2009. № 3. С. 294–301 [4]; Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы Советской власти. СПб.: Любавич, 2011. С. 205–212 [5].

⁸ Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. С. 59–79 [6].

внимание учебной нагрузке А.Ф. Лосева в НГУ и его пребыванию на должности заместителя декана историко-филологического факультета с 24 октября 1919 по 17 февраля 1920 г.; публиковалась записка Попова и Лосева от 10 июля 1920 г. в защиту создания отдельной кафедры педагогики⁹. Вкратце освещались деятельность Лосева на посту заведующего библиотекой факультета, его выступления с докладами «Трудовая школа» и «О методах религиозного воспитания»¹⁰. Отмечалась роль философа в безуспешных попытках отстоять факультет от закрытия в 1921 г., после чего он вынужденно вернулся в Москву¹¹. В приложении по материалам ЦАНО публиковались три учебные программы Лосева в НГУ (история греческой литературы; сравнительный синтаксис греческого и латинского языков; семинарий по «Поэтике» Аристотеля), а также доклад «О методах религиозного воспитания»¹².

Однако в цитируемой монографии Н.Ю. Стоюхиной (2013 г.) работа Лосева в НГУ не рассматривается как целостное явление; такая попытка предпринята в ее более ранней статье, где суммируются сведения о лосевских публикациях до переезда в Нижний Новгород, обстоятельствах его избрания профессором, объеме читаемых им курсов в первые два триместра, его административной работе на постах заместителя декана и заведующего библиотекой, попытках открыть кафедру педагогики и защитить факультет от закрытия, его докладе про религиозное воспитание¹³. К недостаткам данной статьи относится отсутствие сведений о дисциплинах, читавшихся Лосевым в 1920–1921 гг., его нижегородских подработках за пределами НГУ, других написанных им в эти годы сочинениях. Содержательный вывод исследовательницы касается только одного сочинения мыслителя: «Научная деятельность Алексея Федоровича за эти два года, как нам видится, была только подготовкой к тем большим творческим вершинам философии, которые уже к концу 20-х годов завоюют сердца и умы тех, кто умел ценить Знание и Культуру. Но все же, можно с гордостью сказать, что именно в Нижнем Новгороде, в эти сложные годы жизни, Лосевым была написана психолого-педагогическая работа “О религиозном воспитании” с оригинальной классификаций возрастного развития, к сожалению пока не оцененная педагогами и психологами. Именно в ней он явил себя как психолог религиозно-философского, или духовного, направления психологии, продолжатель традиций Н.О. Лосского, В.И. Несмелова, В.В. Розанова, И.И. Лапшина, Л.М. Лопатина, С. и Е. Трубецких и других русских ученых духовной ориентации» [7, с. 81].

⁹ Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). С. 124–127, 134–137.

¹⁰ Там же. С. 139–144, 150, 159–163.

¹¹ Там же. С. 169–175, 203–208.

¹² Там же. С. 242–247, 287–299.

¹³ См.: Стоюхина Н.Ю. А.Ф. Лосев и Нижегородский университет: 1919–1921 годы // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 12. М.: Водолей, 2010. С. 48–81 [7].

Другие сочинения А.Ф. Лосева, написанные в 1919–1921 гг. (иногда без точной датировки), порознь публиковались в разных изданиях 1980-х–2000-х гг. Не слишком удачная попытка собрать их под одной обложкой была предпринята А.А. Тахо-Годи в 2005 г., когда короткая записка «Общая методология истории религии и мифа» и большая работа «Рождение мифа» были впервые опубликованы с общим для них послесловием¹⁴. В таком же виде, с общим обширным послесловием, увидели тогда свет более ранняя лосевская записка «О реформе закона Божия в гимназии» (около 1916 г., публиковалась впервые) и доклад 1921 г. «О методах религиозного воспитания»¹⁵. На протяжении десяти лет это издание оставалось основным при обращении к указанным текстам. В 2014 г. в издание, посвященное творчеству А.Ф. Лосева в 1917–1919 гг., не вошло ни одно сочинение нижегородского периода, кроме поданного на работе в НИРО автобиографического резюме¹⁶. Было отмечено, что между 1919 и 1924 гг. А.Ф. Лосев не имел печатных публикаций, однако написал утраченные впоследствии работы «О греческой трагедии», «Элементы платонизма в чистой феноменологии» и «Учение Аристотеля о трагическом мифе» (материалы последней позднее вошли в «Очерки античного символизма и мифологии»)¹⁷.

В 2015 г. появилось хорошо проработанное научное издание всех ранних философских сочинений Лосева, включая выше перечисленные, а также короткое предисловие к «Исследованиям по философии и психологии мышления», завершенное философом в Москве 1 апреля 1919 г., то есть уже в период нижегородского трудоустройства мыслителя¹⁸. Единым комплексом документов были опубликованы биографическое резюме (Curriculum vitae), поданное Лосевым в Нижегородский институт развития образования 26 октября 1919 г. (в комментариях ошибочно указано – «в Нижегородский государственный педагогический университет», каковым он станет лишь в 1993 г.), и четыре объяснительные записки к учебным программам в НГУ (по изданию Н.Ю. Стоюхиной 2011 г., а не 2013 г., в котором их было лишь три)¹⁹. К текстам прилагались фундированные комментарии А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого с указанием на архивный первоисточник и первую публикацию (более поздние публикации не учитывались)²⁰.

В 2018 г. Е.А. Тахо-Годи предприняла попытку кратко обобщить все известное к тому времени о работе Лосева в Нижнем Новгороде, добавив сведения о дисциплинах, читавшихся философом в НГУ в различных триместрах

¹⁴ См.: Лосев А.Ф. Высший синтез: неизвестный Лосев. М.: ЧеРо, 2005. С. 104–113, 146–189 [8].

¹⁵ Там же. С. 114–145.

¹⁶ См.: Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в пространстве русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. С. 303–306 [9].

¹⁷ Там же. С. 310, 317–319.

¹⁸ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 213–250, 378–381, 577–590, 605–620 [10].

¹⁹ Там же. С. 1010–1020.

²⁰ Там же. С. 1033–1034, 1039, 1044, 1046–1050, 1084–1085.

1920–1921 гг.²¹ Письма В.М. Соколовой этих лет мыслителю вновь цитировались по личному архиву и остаются, таким образом, неописанными и неопубликованными. Иной новой информации из архивов в статье А.А. Тахо-Годи нет, что подтверждает архивную исчерпанность источниковой базы о пребывании Loseva в Нижнем Новгороде (личное дело философа в НГУ не сохранилось). Особняком стоит вопрос о последней паломнической поездке А.Ф. и В.М. Loseвых в Нижегородскую губернию (Дивеево, Саров, Светлояр) в 1928 г. и встрече там с прежним коллегой по университету В.Л. Комаровичем; точные даты этой поездки, упомянутой у А.А. и Е.А. Тахо-Годи, до сих пор неизвестны, хотя она привлекает внимание хотя бы тем, что стала последним посещением философом нижегородской земли.

Тем самым можно утверждать, что фактографическая и хронологическая канва работы А.Ф. Loseva в Нижнем Новгороде (к сожалению, без точных дат регулярных поездок из Москвы в Нижний и обратно) уже установлена исследователями. Хуже обстоит дело с датировкой его сочинений этих лет, из которых точные или почти точные даты имеют лишь предисловие к «Исследованиям по философии и психологии мышления», четыре учебные программы (точнее, объяснительные записки с планом занятий), автобиографическое резюме и доклад «О методах религиозного воспитания». «Общая методология истории религии и мифа» и «Рождение мифа» датируются в широком диапазоне около 1918–1919 гг., а остальные рукописи, в том числе упомянутые в loseвском резюме, исчезли. Возникает закономерный вопрос, можно ли вообще говорить о каком-либо смысловом единстве этих сочинений как не случайно, но органически связанных в мышлении автора в единое целое и могущих быть охарактеризованными как типичные именно для нижегородского этапа жизненного пути А.Ф. Loseva.

Наш ответ на данный вопрос является хотя и гипотетическим, но утвердительным. Прежде всего, необходимо сразу отсечь те темы сочинений А.Ф. Loseva, на которые он прекратил писать в нижегородский период. Во-первых, это сочинения о музыке и опере; во-вторых, это работы по экспериментальной психологии (введение к последней из которых он дописал в самом начале нижегородского периода, 1 апреля 1919 г.); в-третьих, это политическая публицистика вроде трех статей в газете «Жизнь» 1918 г. Тем самым «нижегородское творчество» А.Ф. Loseva, при всей условности такого наименования, охватывает следующие три блока: философия религии и мифологии; философские основы педагогики; философия языка и литературы в античном мире. Несомненно, мыслитель занимался и другими темами, например, преподавал философию музыки в сопровождении пианистки-аккомпаниатора, но в эти годы не написал работ по данной тематике, поэтому представляется возможным сосредоточить внимание именно на трех обозначенных блоках.

²¹ См.: Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Losev – профессор Нижегородского университета: к 125-летию со дня рождения мыслителя // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. 2018. Vol. 1, No. 3. С. 56–63 [11].

Первый блок представлен работами «Общая методология истории религии и мифа», «Рождение мифа», «О методах религиозного воспитания». Хотя подступы к этой теме звучали у А.Ф. Лосева и ранее (короткая записка 1916 г. «О реформе закона Божия в гимназии»), именно живой опыт преподавания студентам – опыт, которого у философа не было до приезда в Нижний Новгород, – стимулировал появление этих сочинений. К сожалению, специальных развернутых исследований содержательной стороны этих работ до сих пор нет, хотя многие рассуждения о мифе и религии из них позднее войдут в состав лосевского «восьмикнижия» 1927–1930 гг. Если резюмировать самое существенное в этой группе сочинений, то можно сказать, что речь идет о набросках общей теории исторического развития мифологии и религиозного мировосприятия, причем как «в филогенезе», так и «в онтогенезе», т.е. в проекции на взрослеющего ученика, ребенка. «Рождение мифа» еще носит на себе явный отпечаток исследований по экспериментальной психологии под руководством Г.И. Челпанова; позднее этот отпечаток будет уходить из лосевских работ по философии мифа, но в данном сочинении всемирные стадии развития мифологии, а также ранние стадии языка напрямую связываются со своеобразной психологией первобытных людей, с их своеобразной ассоциацией несходного и одушевлением неодушевленного. Дальнейшую эволюцию мифологии к более сложным формам Лосев прослеживает через коллективные ритуалы более развитых племен, через синтез речи с музыкой, танцем, обрядовыми действиями. Со ссылкой на А.А. Потебню автор напрямую проводит параллель между этим историческим процессом и процессом освоения языка и понятий у маленьких детей, таким образом опять психологизирует историю мифологии. Завершающая часть «Рождения мифа» с тонкими диалектическими определениями слова как «переживания Я и не-Я в их раздельности и кристаллизации из чистого опыта»²² уже прокладывает пути в сторону более поздних классических книг Лосева, а итоговый экскурс в рождение системы жанров античной литературы из мифолого-религиозного опыта и ритуалов перебрасывает мост к учебным программам 1919 г. и позднейшим лосевским учебникам 1960–80-х гг. по античной литературе. Именно в «Рождении мифа» мы впервые в творчестве Лосева встречаем определение мифа: «Миф есть первобытное слово или, точнее, миф есть осознание образа... как картины мира без осознания самой этой образности как таковой» [10, с. 245].

«Общая методология религии и мифа», точно не датированная, представляется нам написанной позднее «Рождения мифа», поскольку на смену психологизму в ней приходят ссылки на феноменологию, с которой Лосев активно знакомится в эти годы. Применяя метод Гуссерля к сфере религиоведения, философ обнаруживает некоторые инвариантные структуры религиозного опыта в чело-

²² См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 246.

веческом сознании и уже потом из них выводит популярные в начале XX в. анимизм, фетишизм, тотемизм, демонизм, пантеизм и прочие типы такого опыта²³. В самом конце этой работы Лосев перебрасывает логический мостик к Гомеру и истории древнегреческой мифологии с учетом тогдашнего уровня знаний (при котором самые ранние источники по данной теме датировались IX в. до н.э. ввиду недешифрованности на тот момент микенской письменности).

Второй блок включает в себя некоторые фрагменты доклада «О методах религиозного воспитания», несохранившийся доклад «Трудовая школа», а также сохранившуюся записку об открытии кафедры педагогики. Все эти сочинения написаны А.Ф. Loseвым в 1921 г., в конце нижегородского этапа, и связаны, в том числе, со вторым местом его работы в институте развития образования (предшественнике нынешнего НГПУ), что потребовало, с одной стороны, рефлексии по поводу философски обоснованного места педагогики в системе гуманитарных наук, с другой стороны, попытки совместить антисоветскую позицию защиты религиозного воспитания детей в семьях с приспособлением к советскому опыту трудовой педагогики. Торжество атеизма в воспитании задолго до 1917 г. («глупость и безнадежное мещанство интеллигентских душ»²⁴), разложение старой некритической веры в среднестатистической семье – проблемы, обозначенные Loseвым уже в записке «О реформе закона Божия в гимназии» в 1916 г., во весь рост обозначились в докладе 1921 г. Философ признает негодность существовавших в дореволюционной России учебников и педагогических подходов, преподававших детям младшего возраста такие темы из православной догматики, которые они органически были неспособны вместить. В частности, Лосев указывал на «игнорирование мистической сущности православия» и «отсутствие критического анализа в сфере разума» в катехизисе свт. Филарета²⁵. Несостоятельность «семинарского» подхода к обучению православию ясна из следующей фразы философа: «Нет ничего губительнее системы догматов, о которой говорится, что они – выше понимания. Это – конец мысли и запрет для мистики» [10, с. 614]. Эта фраза была своеобразным философским кредо Loseва.

Впрочем, старая педагогика не годилась в начале XX столетия и для взрослых у Loseва по этому поводу читаем: «Немыслимость какой-нибудь *догматической* системы для современного человека, ибо он насквозь искание» [10, с. 579]. В то же время Лосев признавал необходимость религиозного воспитания в России, ссылаясь на славянофилов: «Неотделимость *религиозности от народности*. Православие – онтологическая основа нашей национальности» [10, с. 577]. Только это воспитание, в сохранение которого в семьях мыслитель свято верил даже в условиях советских гонений 1921 г., предполагалось поставить на научно разработанную основу возрастной психологии: непосредствен-

²³ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 586–589.

²⁴ Там же. С. 605.

²⁵ Там же. С. 577.

ное знакомство гимназистов 1–4 классов с некритически воспринимаемыми рассказами о христианстве; полная замена закона Божия общим религиоведением, мифологией, историей религий древности в 5–6 классах; начатки философского, критического осмысления религии в 7–8 классах (это в версии 1916 г.; в докладе же 1921 г. – у подростков с 13 до 18 лет)²⁶. В докладе Лосев добавил принципиально новую мысль, которая не была сформулирована в его работах до переезда в Нижний Новгород, – о неотделимости знакомства с православием от знакомства с язычеством и с сущностью любой религии как таковой. В полемике с либеральной прессой (атеистическими «Русскими ведомостями» и «Русским словом», закрытие которых большевиками Лосев прямо приветствовал) мыслитель отстаивал цельность религиозного мировоззрения, пронизывающего все сферы жизни человека. Он формулировал три принципа религиозной жизни: «мистическая всепроникновенность», «творческая текучесть чистого религиозного опыта» и «духовная телесность, основанная на просветлении конкретного животного инстинкта»²⁷. По сути, доклад Лосева – это предварительный набросок того, как все эти принципы можно воспитать в семье, через бытовую религиозность; философ оговаривается о невероятной сложности перевоспитания детей, ранее уже воспитанных без религии, а также воспитания сирот в детских домах.

Среди научных и психологических выкладок в докладе «О методах религиозного воспитания» встречаются вставки, где Лосев делает лирические отступления от первого лица, столь характерные для его будущих книг, например: «Жить нельзя. Жизнь – жертва. Поэтому христиане всегда чувствовали конец мира. Выстрадать все противоречия жизни и встретить после страданий и тоски – новое снисхождение Христа» [10, с. 612]. Из «пирогов по воскресеньям»²⁸ десять лет спустя родится пассаж Лосева в лагерном письме к супруге о структурообразующей роли масленичных блинов в религиозном воспитании²⁹. Невозможно пройти мимо единственного за весь нижегородский период упоминания о софиологии у Лосева именно в его университетском публичном докладе: «*Церковь* – тело Христово, организм истины и любви. *София* – Премудрость Божия, полнота веков. К ней *восходим*» [10, с. 619]. Более полное развертывание этой темы произойдет в «первом восьмикнижии»³⁰. Радикальная мысль о борьбе против атеистической цивилизации современного буржуазного Запада неоднократно встречается в последующих работах Лосева, от «Диалектики мифа» до «Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем»: «Религии *не место в европейской культуре*, борьба за религию есть борьба против культуры, и *нечего нам этого скрывать*» [10, с. 620].

²⁶ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 579–582, 608–617.

²⁷ Там же. 607.

²⁸ Там же. С. 611.

²⁹ См.: Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. С. 55–56 [12].

³⁰ Так принято называть цикл из 8 книг А.Ф. Лосева, напечатанных в 1927–1930 гг.

Наконец, в полемике с церковными ревнителями не по разуму философ отстаивал необходимость глубокого познания дохристианских религий: «Воспитание понимания язычества: а) Надо уничтожить этот *рационализм и просветительский гуманизм* в области религиозных переживаний. б) Отношение раннего христианства и Средних веков к чертям и ведьмам было истинно религиозным. Здесь боролись *два мира*, и они прекрасно чувствовали всю глубину друг друга. в) Просветительское освобождение есть затмение религиозного сознания и *беспомощное* его непонимание. Язычества оно не понимает и говорит, употребляя *пустые слова*. <...> Ребенок должен жить среди *таинственного мира*, и язычество должно быть ему не чуждо, как не чуждо оно нам. <...> Язычество в его бытийном отличии от христианства есть извечное стремление к тайне, *ставшей телом вечного*, благословение всего живущего... *Плоть зацветающая*. Поэтому язычество неизбежно кончается: 1. Тьмой и бездной, 2. Апофеозом личности и героя» [10, с. 617]. Эти тезисы, в которых чувствуется влияние о. Павла Флоренского и юношеских сочинений самого Лосева, имеют прямую связь с учебными программами курсов по античности в НГУ, которые составляют третий блок нижегородского периода творчества Лосева.

Этот блок включает в себя уцелевшие тексты четырех учебных программ А.Ф. Лосева в НГУ (введение в классическую филологию; история греческой литературы; сравнительный синтаксис греческого и латинского языков; семинарий по «Поэтике» Аристотеля), а также написанные в эти годы и не сохранившиеся в целостном виде сочинения о Платоне, Аристотеле, древнегреческой трагедии, отдельные мысли и мотивы из которых также впоследствии всплывут в «восьмикнижии» и в трудах позднего Лосева. Так, в программе «Введение в классическую филологию» большое внимание уделено «синтетическому восприятию античности как историко-культурного типа»³¹ в духе шпенглеровской парадигмы. Этот тезис в полной мере затем прозвучит в «Основах античного символизма и мифологии» (1929 г.), но впервые он прозвучал именно здесь, в учебной программе для НГУ. В ней все еще присутствуют реликты челпановской экспериментальной психологии, соответствующие ссылки на психологов и философов (Шопенгауэр, Бергсон, Джемс, Вундт), но ключевые выводы и лексика уже типично лосевские: «В истории и филологии мы не знаем ничего устойчивого, изолированного. История есть организм, и ее бытие – рождение, рост и смерть национальных организмов» [10, с. 1013]. Развивая юношеские мечты о «высшем синтезе как счастье и ведении», Лосев поднимает вопрос о слиянии всех социогуманитарных наук об античности в единый сплав истории религии, философии, филологии, грамматики, археологии. Строго говоря, тем самым этот учебный курс оказывался именно введением, подступом к греческой филологии, а не ею самой. Вопрос о рождении античной культуры из хаоса первобытных

³¹ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 1012.

реакций, во всяком случае, есть вопрос культурологический, а не филологический. Поэтому А.Ф. Лосев заключал: «Введение в классическую филологию должно ввести в отдельные филологические дисциплины путем историко-генетического их воссоединения в форме первобытной их слитности и эмбрионального единства» [10, с. 1013].

Казалось бы, после такого «Введения в классическую филологию» дисциплина «История греческой литературы» должна была стать филологической в узком смысле. Но и здесь первую треть учебной программы А.Ф. Лосев отвел обсуждению общей теории и методологии истории литературы (опять-таки со ссылками на популярных тогда психологов, философов, писателей и литературных критиков). Еще треть программы была посвящена раннему мифологическому периоду древнегреческой культуры, Гомеру и гомеровскому вопросу (вплоть до сравнения с Ведами), общим теориям мифологии и фольклора, «до-гомеровской» поэзии орфиков. Сухого перечня тем не получилось и здесь – Лосев не удержался от напечатания в сборнике программ НГУ фразы: «Влюбленность в мир и самоотдача судьбе. Увенчание и оправдание этой антитезы в особой мучительно-сладкой жажде бытия, которую ощущает Гомер» [10, с. 1016]³². Последняя треть курса отводилась классической древнегреческой литературе V в. до н.э.; литература IV в. до н.э. и эллинистической эпохи не затрагивалась вообще (по крайней мере, в данном курсе в данном семестре).

Схожим образом поступил А.Ф. Лосев и в программе семинария «Поэтика» Аристотеля, которая на треть состояла из анализа эстетических взглядов досократиков, Сократа, Платона и других предшественников Аристотеля. Сам же Стагирит рассматривался в аспекте его учения о жанрах литературы и о мимесисе. Для получения зачета студенты должны были сдать и реферат, и коллоквиум по трактату «Поэтика» «с точным знанием существующих пониманий основной терминологии Аристотеля»³³. Здесь уже видны подступы к позднейшим сочинениям Лосева, вплоть до первых томов «Истории античной эстетики»³⁴.

Особое внимание хотелось бы обратить на прямую связь утонченной лингвистической программы по сравнительному синтаксису, написанной в НГУ в 1919 г. с особым акцентом на языке гомеровских поэм, с двумя малоизвестными и ни разу не переиздававшимися работами философа 1965 г.³⁵ В силу глубокого погружения

³² Ср. с близкими фразами из нижегородского доклада 1921 г. (см.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 612, 617).

³³ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 1020.

³⁴ Так называемое «второе восьмикнижие» Лосева включает в себя «Историю античной эстетики» в 8 томах, 10 книгах и 2 томах примыкающих работ. Публиковалось с 1963 по 1994 гг.

³⁵ См.: Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. С. 1018–1019; Лосев А.Ф. О законах сложного предложения в древнегреческом языке // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии / под ред. И.А. Василенко. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. С. 38–130 [13]; Лосев А.Ф. О законах сложного предложения в латинском языке // Статьи и исследования по языкознанию и классической филологии / под ред. И.А. Василенко. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. С. 131–195 [14].

в них в тонкости синтаксических конструкций древнегреческого и латинского языков в их связи с античным мировоззрением и ощущением эмоций эта тема обойдена вниманием исследователей. Остается не до конца проясненным и многое другое, например связь тематики трагического в античном мифе с общей философией мифа.

Таким образом, представляется возможным говорить о некотором единстве тематики и мотивов в творчестве А.Ф. Loseва в нижегородский период с весны 1919 до лета 1921 г. В эти годы, получив в Нижнем Новгороде должность профессора, которой он ранее не добился в Московском университете, философ понемногу отходит от челпановской экспериментальной психологии и от рецензий на музыкальные произведения и приходит к углубленному изучению античности как культурного типа в шпенглеровском понимании, к разработке широкой программы синтеза социогуманитарных наук (филологии, истории религии и мифологии и проч.) в познании греко-римской античности, а также к постановке ряда педагогических проблем (от знакомства детей с основами религии и мифологии до проблематики создания трудовой школы). Ряд высказываний и тезисов, встречающихся в сочинениях А.Ф. Loseва этого периода, еще не раз появится в его будущих произведениях. К сожалению, нижегородский этап жизни философа плохо обеспечен сохранившимися источниками: до нас не дошли его фотографии, письма, воспоминания этого времени, добрая половина известных по названию его рукописей, большинство его учебных программ. В этих условиях обращение к содержанию уцелевших произведений А.Ф. Loseва позволяет восполнить пробелы во внешних свидетельствах об этих годах и охарактеризовать этап его работы в НГУ и НИРО как этап изменения сферы интересов мыслителя, формирования новых подходов к философии мифа, религии, языка, литературы.

Список литературы

1. Чернов А.П. Ученики Г.И. Челпанова на педагогической работе в Нижегородском университете // Актуальные проблемы психологии и образования: материалы II региональной науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. С. 252–255.
2. Тахо-Годи А.А. Loseв. М.: Молодая гвардия, 2007. 534 с.
3. Медоваров М.В. Нижегородские адреса А.Ф. Loseва // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Loseва». Вып. 9. М.: Водолей, 2009. С. 89–90.
4. Стоюхина Н.Ю. Становление гуманитарного образования в Нижегородском университете: 1919–1921 гг. // Вестник Нижегородского университета. 2009. № 3. С. 294–301.
5. Стоюхина Н.Ю. Гуманитарное образование в провинции. Нижегородский университет в первые годы Советской власти. СПб.: Любавич, 2011. 232 с.
6. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. 307 с.
7. Стоюхина Н.Ю. А.Ф. Loseв и Нижегородский университет: 1919–1921 годы // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Loseва». Вып. 12. М.: Водолей, 2010. С. 48–81.
8. Loseв А.Ф. Высший синтез: неизвестный Loseв. М.: ЧеРо, 2005. 264 с.

9. Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в пространстве русской революции: 1917–1919. М.: Мо-дест Колеров, 2014. 368 с.

10. Лосев А.Ф. На рубеже эпох: Работы 1910-х – начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Тради-ция, 2015. 1088 с.

11. Тахо-Годи Е.А. А.Ф. Лосев – профессор Нижегородского университета: к 125-летию со дня рождения мыслителя // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*. 2018. Vol. 1, No. 3. С. 55–65.

12. Лосев А.Ф., Лосева В.М. «Радость на веки». Переписка лагерных времен. М.: Русский путь, 2005. 264 с.

13. Лосев А.Ф. О законах сложного предложения в древнегреческом языке // Статьи и ис-следования по языкознанию и классической филологии / под ред. И.А. Василенко. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. С. 38–130.

14. Лосев А.Ф. О законах сложного предложения в латинском языке // Статьи и исследова-ния по языкознанию и классической филологии / под ред. И.А. Василенко. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1965. С. 131–195.

References

(Sources)

1. Losev, A.F. *Na rubezhe epokh: Raboty 1910-kh – nachala 1920-kh godov* [At the Turn of Epochs: Works from the 1910s – Early 1920s]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2015. 1088 p.

2. Losev, A.F. *Vysshiy sintez: neizvestnyy Losev* [Higher Synthesis: The Unknown Losev]. Moscow: CheRo, 2005. 264 p.

3. Losev, A.F. O zakonakh slozhnogo predlozheniya v drevnegrecheskom yazyke [On the Laws of Complex Sentences in Ancient Greek], in *Stat'i i issledovaniya po yazykoznaniyu i klassicheskoy filologii* [Articles and Research in Linguistics and Classical Philology]. Moscow: Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1965, pp. 38–130.

4. Losev, A.F. O zakonakh slozhnogo predlozheniya v latinskom yazyke [On the Laws of Complex Sentences in Latin], in *Stat'i i issledovaniya po yazykoznaniyu i klassicheskoy filologii* [Articles and Research in Linguistics and Classical Philology]. Moscow: Lenin Moscow State Pedagogical Institute, 1965, pp. 131–195.

5. Losev, A.F., Loseva, V.M. «Radost' na veky». *Perepiska lagernykh vremen* [“Joy Forever”. Correspondence from the Camp Era]. Moscow: Russkiy Put, 2005. 264 p.

(Articles from Scientific Journals)

6. Medovarov, M.V. Nizhegorodskie adresa A.F. Loseva [A.F. Losev's Nizhny Novgorod Addresses], in *Byulleten' Biblioteki istorii russkoy filosofii i kul'tury «Dom A.F. Loseva»* [Bulletin of the Library of the History of Russian Philosophy and Culture “A.F. Losev's House”]. Moscow: Vodoley, 2009, issue 9, pp. 89–90.

7. Stoyukhina, N.Yu. Stanovlenie gumanitarnogo obrazovaniya v Nizhegorodskom universitete: 1919–1921 gg. [The Development of Humanities Education at Nizhny Novgorod University: 1919–1921], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, 2009, no. 3, pp. 294–301.

8. Stoyukhina, N.Yu. A.F. Losev i Nizhegorodskiy universitet: 1919–1921 gody [A.F. Losev and Nizhny Novgorod University: 1919–1921], in *Byulleten' Biblioteki istorii russkoy filosofii i kul'tury «Dom A.F. Loseva»* [Bulletin of the Library of the History of Russian Philosophy and Culture “A.F. Losev House”]. Moscow: Vodoley, 2010, issue 12, pp. 48–81.

9. Takho-Godi, E.A. A.F. Losev – professor Nizhegorodskogo universiteta: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya myslitelya [A.F. Losev – Professor of the Nizhny Novgorod University: On the 125th Anniversary of the Thinker's Birth], in *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 55–65.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

10. Chernov, A.P. Ucheniki G.I. Chelpanova na pedagogicheskoy rabote v Nizhegorodskom universitete [G.I. Chelpanov's Students Teaching at Nizhny Novgorod University], in *Aktual'nye problemy psikhologii i obrazovaniya: materialy II regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current Issues in Psychology and Education: Proceedings of the Second Regional Scientific-Practical Conference]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr, 2001, pp. 252–255.

(Monographs)

11. Stoyukhina, N.Yu. *Gumanitarnoe obrazovanie v provintsii. Nizhegorodskiy universitet v pervye gody Sovetskoy vlasti* [Humanities Education in the Provinces: Nizhny Novgorod University in the First Years of Soviet Power]. Saint-Petersburg: Lyubavich, 2011. 232 p.

12. Stoyukhina, N.Yu. *Vydayushchiesya psikhologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.)* [Outstanding Psychologists and Educators at Nizhny Novgorod University (1918–1921)]. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013. 307 p.

13. Takho-Godi, A.A. *Losev*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007.

14. Takho-Godi, E.A. *Aleksey Losev v prostranstve russkoy revolyutsii: 1917–1919* [Aleksy Losev in the Space of the Russian Revolution: 1917–1919]. Moscow: Modest Kolerov, 2014. 368 p.

О ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» “Solov’evskie issledovaniya” (ISSN 2076-9210)

Журнал «Соловьёвские исследования» является научным изданием, освещающим актуальные вопросы отраслей гуманитарного знания – философии, филологии, культурологии. На страницах журнала публикуются результаты исследований российских и зарубежных ученых. Материалы принимаются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал издается с 2001 г., в состав его редколлегии входят специалисты философских и научных центров России, Германии, Франции, Великобритании, Нидерландов, Польши, Болгарии, Соединенных Штатов Америки, Италии.

Периодичность журнала – 4 выпуска в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Информация о журнале представлена на сайте <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на сайте Ивановского государственного энергетического университета: <http://www.ispu.ru/node/8026>

Полнотекстовые электронные версии всех номеров журнала с 2001 г. доступны по адресам:

<http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/archive>

<http://www.ispu.ru/node/6623>

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7.1 – Онтология и теория познания

5.7.2 – История философии

5.7.3 – Эстетика

5.7.4 – Этика

5.7.7 – Социальная и политическая философия

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры

5.7.9 – Философия религии и религиоведение

5.9.1 – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2 – Литературы народов мира

5.9.3 – Теория литературы

5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

Адрес редакции:

153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, ИГЭУ,
Межрегиональный научно-образовательный центр исследований наследия
В.С. Соловьёва – Соловьёвский семинар
т. (4932) 26-97-70, 26-98-57
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru
koroleva@ispu.ru

Сайт Соловьёвского семинара: <http://solovyov-studies.ispu.ru>

Информацию о текущей деятельности Соловьёвского семинара смотрите также
на: <http://www.ispu.ru/taxonomy/term/1071>

Главный редактор:

Максимов Михаил Викторович, д-р филос. наук, профессор
т. (4932) 26-97-70
факс: (4932) 38-57-01; 26-97-96
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaksimov@yandex.ru

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Подписка на печатную версию ежеквартального научного журнала «Соловьёвские исследования» производится на сайте Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru, а также через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Индекс для подписчиков 37240

Копию квитанции о подписке необходимо выслать на адрес редакции: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34, ИГЭУ, Максимову М.В., или по E-mail: taximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Соловьёвские исследования» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Для публикации в «Соловьёвских исследованиях» принимаются научные статьи, обзоры, рецензии и другие материалы, соответствующие тематике журнала и научным направлениям – философия, филология, культурология.

Плата за публикацию статьи в журнале не взимается.

Аспиранты, магистранты и студенты предоставляют на присылаемые статьи отзыв научного руководителя.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

1. *Объем статьи* – до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами, включая аннотацию, список литературы и References), рецензий – до 0,5 п.л. Текст предоставляется на электронном носителе в редакторе WORD либо по электронной почте taximov@philosophy.ispu.ru (файлы с материалами должны быть названы по фамилии автора). Шрифт Times New Roman, формат страницы А4. Поля: верхнее – 1,5 см; нижнее, правое и левое – 2 см. Размер бумаги: ширина – 16,5 см; высота – 23,5 см.

2. *Структура статьи* должна быть следующей:

- в верхнем левом углу проставляются УДК и ББК;
- через 1.0 интервал ФИО автора/авторов полностью (на русском языке); полное название места работы, звания, занимаемая должность, страна, город, (на русском языке) и адрес электронной почты автора, кегль 9;
- через 1.0 интервал печатается название статьи по центру, строчными буквами, шрифт полужирный, кегль 13, перенос запрещен (на русском языке);

- через 1.0 интервал печатается аннотация (от 200 до 250 слов (1500–1800 знаков без пробелов)), кегль 9, курсивом (на русском языке);
- через 1.0 интервал печатаются ключевые слова (от 10 до 15 слов), кегль 9, курсивом (на русском языке).

Далее все эти же сведения даются на английском языке.

- через 1.0 интервал печатается текст статьи, кегль 11, межстрочный интервал по всему тексту – одинарный, отступ абзаца – 1 см (5 знаков), автоматический перенос слов включён, кавычки по всему тексту *только* угловые, *внутри цитаты* использовать кавычки другого вида: «”.....”»;

- через 1.0 интервал печатается библиографический список на русском языке (название «Список литературы») и список литературы на латинице (название References) (включают использованную литературу; в библиографическом описании указываются все авторы).

3. Содержание и структура аннотации.

Аннотация должна отражать основное смысловое содержание статьи и её характеристику. Структура аннотации должна включать следующие разделы: состояние вопроса (степень изученности вопроса в науке и литературе, обоснование актуальности выбранной темы); материалы и методы (на каком материале и с помощью каких методов рассматривается обозначенная проблема); результаты проведенного исследования (с использованием глагольных форм и словосочетаний следующего типа: рассматриваются..., излагаются..., утверждается..., предлагается..., обосновывается...; используются методы..., обосновываются положения (концепции, идеи) ..., дается обзор ...; рассмотрены..., изложены..., выявлены..., предложены...; дан анализ..., изложена теория (концепция)... и т. п.); выводы.

Редколлегия журнала просит уделять особое внимание составлению аннотации в соответствии с особенностями этого жанра.

Аннотация на английском языке должна составляться с соблюдением грамматики и стилистики английского языка, с использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии; не должна выполняться при помощи автоматических переводчиков (не обязательно должна быть дословным переводом аннотации на русском языке).

В соответствии с требованиями Scopus, не допускается вынесение развернутых комментариев в сноски; необходимый комментарий следует давать в тексте статьи либо в скобках внутри текста.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи; определять предметную область исследования; встречаться в тексте статьи (имена собственные, общие понятия и общенаучные термины ключевыми словами не являются).

4. Требования к оформлению разделов «Список литературы» и References.

После статьи отдельными разделами оформляются «Список литературы» и References (шрифт Times New Roman, кегль 9). В списке литературы должно

быть не менее 20 позиций. Из них не менее 80 % источников должны составлять работы, опубликованные за последние 5 лет, если такие имеются. Рекомендуется, чтобы не менее 30 % источников, включенных в библиографический список, составляли работы, опубликованные на английском и других иностранных языках. Нумерация *Списка литературы* и ссылки на нее в тексте выполняются **без применения автоматической расстановки ссылок**.

Согласно требованиям Scopus, раздел References должен иметь следующую структуру:

- ссылки на источники (**(Sources)**)
 - *Collected Works* (Собрания сочинений)
 - *Individual Works* (Индивидуальные сочинения)
- ссылки на статьи в научных журналах (**Articles from Scientific Journals**);
- ссылки на статьи в сборниках научных трудов (**Articles from Proceedings and Collections of Research Papers**);
- ссылки на монографии (**(Monographs)**);
- ссылки на диссертации и авторефераты (**Thesis and Thesis Abstracts**);
- ссылки на электронные ресурсы (**Electronic Resources**)

В библиографическом описании в разделе References заглавия статей из журналов и сборников опускаются (при сохранении заглавий статей необходимо включать в описание их перевод на английский язык); оригинальные названия книжных источников (монографии, сборники, материалы конференций), изданных на кириллице, даются в транслитерации (курсивом) и на английском языке (в квадратных скобках); выходные данные (город (для книжных изданий), том (vol.), номер (no.), страницы (pp., p.)) переводятся на английский язык. Обязательные выходные данные: для статей из журналов – год, том, номер, страницы; для книжных изданий – место издания, год, количество страниц. Место издания, включая Moscow и Saint-Petersburg, пишется полностью.

Применяется одна система транслитерации, которая доступна по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбираем вариант BGN). Примеры оформления библиографических описаний в разделах «Список литературы» и References размещены на сайте журнала: <http://solovyov-studies.ispu.ru> и на странице журнала на сайте ИГЭУ: <http://www.ispu.ru/node/6623>

В текстах, набранных *латиницей*, используется вариант кавычек "...".

5. **Оформление ссылок.** Ссылки на цитируемую литературу при использовании *прямого цитирования* (если цитата представляет собой развернутое, законченное высказывание с указанием автора и источника цитаты) оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: В работе «Диалектика мифа» (1930 г.) А.Ф. Лосев пишет: «Текст цитаты» [1, с. 15] (первая цифра обозначает порядковый номер в Списке литературы, вторая – страницу цитируемого источника). Если используются приемы *непрямого цитирования* или *частичное цитирование* (т.е. отдельные слова, словосочетания, обороты речи), то ссылка оформля-

ется как подстрочная (в тексте – верхним индексом; внизу страницы дается библиографическое описание цитируемого источника – под сплошной чертой, отделяющей основной текст, шрифт Times New Roman, кегль 9). Например: ¹См.: Игошева Т.В. Ранняя лирика А.А. Блока (1898–1904): поэтика религиозного символизма. М.: Глобал Ком, 2013. С. 15–25 [1]. Так же, как подстрочная ссылка (верхним индексом), оформляются и *авторские примечания*.

При повторной ссылке в постраничной сноске используется сокращенный вариант библиографического описания источника (допускается сокращение длинных названий источников; опускаются выходные данные). Если повторная ссылка идет сразу ниже ссылки с библиографическим описанием источника, то используется следующая запись: Там же. С. ...

Ссылки на электронные ресурсы допускаются только при отсутствии их «бумажных» аналогов, с правильным указанием адреса веб-страницы и даты обращения к ней.

6. Авторы статей, публикуемых на языке оригинала (английском, немецком, французском), дополнительно предоставляют реферат статьи объёмом 4500 знаков без учета пробелов (700 слов) на русском языке.

7. Отдельным файлом предоставляется Авторская справка по следующей форме:

- ФИО полностью;
- ученая степень и ученое звание;
- должность, название кафедры, отдела, сектора и др.;
- название организации (полное) / места работы;
- почтовый индекс и адрес организации / места работы;
- почтовый индекс и адрес для переписки;
- телефон;
- E-mail.

*Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей.
При отклонении материалов рукописи не возвращаются.*

Гл. редактор, профессор Михаил Викторович Максимов
E-mail: maximov@philosophy.ispu.ru; mvmaximov@yandex.ru

Главный редактор
МАКСИМОВ Михаил Викторович

СОЛОВЬЁВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2026. Вып. 2(90)

Редактор С.М. Коткова

Компьютерная верстка и макетирование
М.А. Баркова

Обложка А. Лебедев

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись от 22.01.16 г. серия ПИ № ФС77-64667

Подписано в печать 26.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026.
Формат 70х100 1/16. Печать плоская. Усл. печ. л. 16,25.
Тираж 50 экз. Цена свободная. Заказ №

Адрес редакции журнала:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Адрес издательства:
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный энергетический
университет имени В.И. Ленина»,
153003, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34.

Типография «ПресСто»,
153025, Ивановская обл., г. Иваново, ул. Дзержинского, 39, строение 8